

Г. Скребицкий

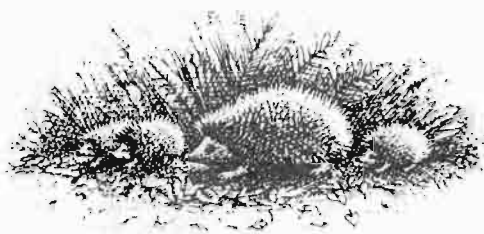
*Лесные
переселенцы*

Издательство
Московского университета

www.dmitryzhitenyov.com

Г. Скребицкий

*Лесные
переселенцы*

Рассказы о животных

Издательство
Московского университета
1990

ББК 84(2)7—44
С 45

Рецензенты:

доктор биологических наук, профессор *В. Н. Максимов*,
доктор биологических наук, профессор *В. Д. Федоров*

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Московского университета

Скребицкий Г. А.

С 45 **Лесные переселенцы: Рассказы о животных.**—М.: Изд-во МГУ, 1990.—224 с.: ил.
ISBN 5—211—00431—0.

Имя Георгия Алексеевича Скребицкого — ученого-биолога и писателя — широко известно в нашей стране. Его книги «Веселые ручьи», «Друзья моего детства», «Листопадник», «Лесной прадедушка», «За лесной завесой» и многие другие давно заслужили любовь взрослых и детей. В настоящей книге собраны рассказы и сказки разных лет, посвященные становлению ученого-биолога, жизни зверей и птиц, которые окружали автора всю жизнь, как в домашних условиях, так и на свободе. Книга учит беречь и любить живую природу нашей Родины.

Для широкого круга читателей.

С $\frac{4700000000-172}{077(02)-90}$ 189—89

ББК 84(2)7—44

ISBN 5—211—00431—0

© Скребицкий Г. А., 1990

Коротко о самом себе

Когда выходит в свет моя новая книга, меня невольно берут сомнения: сумел ли я достаточно хорошо рассказать читателям то, что задумал? Почувствуют ли они симпатию и любовь к моим четвероногим и крылатым «героям»? А главное, сумел ли я передать свою любовь к основному герою всех моих книг — к родной природе? Ведь подружиться с ней мне посчастливилось с самых ранних лет.

Все свое детство я прожил в крошечном городке Черни Тульской губернии. Это было очень давно. Городок наш тогда больше походил на деревню. Улицы в нем были немощеные, густо заросшие травой, а домики одноэтажные, деревянные, и возле каждого домика — старый запущенный сад.

В этом городке мой отец служил врачом, заведовал больницей. Он был страстный охотник, рыболов и очень любил всяких животных. Мать моя тоже их любила. Она часто смеялась, что мы живем в настоящем зверинце: кого у нас только не было!

Постоянными и неизменными жильцами нашего дома были папина легавая собака Джек и толстый кот Иваныч. Но кроме них тут же в комнатах жили ежи, зайчата и другие зверьки, которых я приносил из леса.

Отец и мать бережно, любовно относились к каждому из наших четвероногих или крылатых питомцев, никогда их не оби-

жали, кормили, ухаживали за ними. Поэтому все животные скоро к нам привыкали и становились совсем ручными.

Особенно много у нас всегда бывало различных птиц. В столовой и в кабинете у отца стояли огромные светлые клетки, и в них жило множество чижей, щеглов, синиц и других наших певчих птичек.

Каждое утро, как только папа уходил на работу в больницу, я завешивал окна сеткой, чтобы птички не могли удариться о стекло, и выпускал их полетать по комнате.

Что тут поднималось! Чириканье, свист, щебетание. Птицы весело порхали по комнате, перелетали с буфета на дверь, с двери — на окна, садились на стол и склевывали крошки хлеба. А в это время я чистил и убирал клетки. Загонять птиц обратно не приходилось. Налетаются они, устанут, проголодаются. А в клетках уже свежий корм насыпан, чистая вода в мисочки налита. Птицы сами в свои домики и залетят.

В клетках держали мы птичек только зимой, до начала весны. Первый теплый солнечный день бывал нашим любимым праздником. Обычно в этот день папа старался пораньше вернуться с работы. Мы с нетерпением ждали его прихода. И тут начиналось самое интересное.

Папа, не торопясь, доставал из ящика клещи, стамеску, молоток и принимался выставлять в одном из окон зимнюю раму. Он делал это не спеша, как он сам говорил, «с чувством, с толком, с расстановкой». А мы с братом от нетерпения суетились вокруг него и старались хоть чем-нибудь помочь в этой увлекательной работе.

Наконец все гвозди выдернуты. Мы все дружно хватаемся за раму, тянем ее, и она с легким шуршанием вылезает из окна и ставится тут же рядом — на пол.

Мама убирает старую, пожелтевшую бумагу и вату, сметает с подоконника сухих мух. Папа отодвигает задвижки, распахивает окно, и в комнату врывается свежая душистая волна весеннего воздуха.

Весна! Выставляется первая рама —
И в комнату шум ворвался...—

декламирует папа.

Мы бросаемся к клеткам, широко раскрываем дверцы.

Птицы вылетают на волю и веселой, щебечущей стаейсыпаются тут же по саду. Они садятся на ветви яблонь и груш, охорашиваются, чистят перышки и щебечут без умолку.

«День птиц» бывал настоящим праздником не только для самих птиц, но и для нас, ребят. Даже теперь, через полвека, при одном только воспоминании о нем я будто вновь вижу наш сад, еще не одетый листвой, прозрачный, сквозящий, умытый талой водой, и будто вновь слышу ликующие птичьи голоса. И как

чудесно сливаются воедино воспоминания о ранней весне и о моем раннем, по-деревенски счастливом детстве!

Эти весенние дни навсегда остались в моей памяти чем-то удивительно светлым и радостным.

С юных лет я полюбил природу и ее обитателей. Отец учил меня внимательно вглядываться в жизнь животных. Он постоянно говорил, что большинство из них — наши верные друзья. Его слова я запомнил на всю жизнь.

Впоследствии, когда я уже был юношей, окончил школу и собирался поступать в институт, мой отец уехал из городка — переехал работать врачом в настоящую деревню — в село Полтево Чернского района.

Больница и квартира при ней, где мы стали жить, находились на самом краю села. А за селом раскинулись поля, переделки, деревни на склонах холмов.

Километрах в трех от нашего села протекала глубокая, омутистая речка Снежедь. Она причудливо извивалась среди обширных заливных лугов. Весной все луга покрывала вода, а летом они казались зеленым морем трав и цветов. В ветреный день травы колыхались, и по лугам пробегали волны, обдавая лицо речной свежестью и тонким, едва уловимым запахом цветущей земли.

Этот огромный приречный луг тянулся на много километров и назывался Бежин луг.

Да, это был тот самый луг, где когда-то заночевал, возвращаясь с охоты, Иван Сергеевич Тургенев — ночевал у костра вместе с деревенскими ребятами, караулившими табун лошадей.

Неподалеку от реки и луга, на взгорье, раскинулось село Тургенево. На краю села еще уцелели некоторые строения барской усадьбы и сохранился парк с тенистыми липовыми аллеями. В дуплах старых деревьев каждое лето гнездились несметное количество скворцов. Весь парк с утра и до ночи звенел от их громкой, радостной песни.

А когда уходило лето и улетали птицы, тургеневский парк стихал. Тогда сухие листья — большие и круглые, как старинные потускневшие монеты, — засыпали его дорожки. В солнечный день опавшая листва слегка поблёскивала и лежала у подножия деревьев сплошной золотистой грудой.

В такие дни я частенько посещал с ружьем этот парк, разыскивая под кустами орешника затаившихся на дневку пролетных вальдшнепов.

А потом наступала зима. Сверкающие сугробы снега укрывали поля, леса, речку и старый парк.

В воскресный день я надевал лыжи, брал двустволку и отправлялся тропить русаков. Зимой, когда выпадали глубокие снега и кормиться в поле становилось труднее, зайцы приходили по ночам на сельские гумна, подбирали там на дорогах сено и колоски, а то иной раз заглядывали и в сады, чтобы поглотить кору фруктовых деревьев.

На день длинноухие ночные гости обычно не уходили далеко в лес, а оставались тут же поблизости, по овражкам. Выкопают в снежном сугробе глубокую лежку, спрячутся в нее и дремлют до наступления сумерек.

Бродя по заснеженным полям и перелескам, я распутывал хитрые сплетения заячьих следов и старался выследить самого косоного. Частенько мне это удавалось: заяц выскакивал из сугроба и опрометью пускался наутек, а вслед ему гремел мой выстрел.

Короток зимний день. Домой я возвращался обычно к вечеру. Сгущались лиловые зимние сумерки, крепчал мороз, поскрипывал снег под валенками, и деревья сельской околицы одевались в пушистый иней.

А как тепло и уютно поблёскивал из-под белых мохнатых ветвей огонек ближайшего домика у самой околицы! Так и звал меня заглянуть в теплые, пахнущие хлебом деревенские сени, войти в горницу и поплотнее затворить за собой дверь, чтобы не впускать снаружи белые клубы морозного пара...

Зима и лето, весна и осень — все было по-своему удивительно хорошо в этих просторах родных полей и лесов. И я, с самых ранних лет познавший волнующую прелесть нашей природы, твердо решил посвятить ей свои силы. А главное, я мечтал передать мою любовь и другим людям, чтобы привлечь их в число друзей нашей родной русской природы. Насколько мне удалось это, пусть оценят мои читатели.

Скажу только, что, когда я получаю дружеское письмо, в котором мне пишут, что моя книга помогла кому-нибудь заинтересоваться жизнью природы, для меня такое письмо звучит как вестник настоящей победы — пусть маленькой, но все же победы.

Читая строки, где говорится с любовью о наших полях и лесах, я радуюсь от всей души и с гордостью повторяю: «А в нашем полку еще прибыло!»

Лесное эхо

Мне было тогда лет пять или шесть. Мы жили в деревне. Однажды мама пошла в лес за земляникой и взяла меня с собой. Земляники в тот год уродилось очень много. Она росла прямо за деревней, на старой лесной вырубке.

Как сейчас помню я этот день, хотя с тех пор прошло более пятидесяти лет. Было по-летнему солнечно и жарко. Но только мы подошли к лесу, вдруг набежала синяя тучка и из нее посыпался частый крупный дождь. А солнце все продолжало светить. Дождевые капли падали на землю, тяжело шлепаясь о листья.

Они повисали на траве, на ветвях кустов и деревьев, и в каждой капле отражалось, играло солнце.

Не успели мы с мамой стать под дерево, как солнечный дождик уже кончился.

— Погляди-ка, Юра, как красиво, — сказала мама, выходя из-под веток.

Я взглянул. Через все небо разноцветной дугой протянулась радуга. Один ее конец упирался в нашу деревню, а другой уходил далеко в заречные луга.

— Ух, здорово!— сказал я.— Прямо как мост. Вот бы по нему пробежаться!

— Ты лучше по земле бегай,— засмеялась мама, и мы пошли в лес собирать землянику.

Мы бродили по полянам возле кочек и пней и всюду находили крупные спелые ягоды.

От нагретой солнцем земли после дождя шел легкий пар. В воздухе пахло цветами, медом и земляникой. Потянешь носом этот чудесный запах — будто какой-то душистый, сладкий напиток глотнешь. А чтобы это еще больше походило на правду, я срывал землянику и клал ее не в корзиночку, а прямо в рот.

Я бегал по кустам, стряхивая с них последние дождевые капли. Мама бродила тут же неподалеку, и поэтому мне было вовсе не страшно заблудиться в лесу.

Большая желтая бабочка пролетела над полянкой. Я схватил с головы кепку и помчался за ней. Но бабочка то спускалась к самой траве, то поднималась вверх. Я гонялся, гонялся за ней, да так и не поймал — улетела куда-то в лес.

Совсем запыхавшись, я остановился и огляделся кругом. «А где же мама?» Ее нигде не было видно.

— Ау!— кричал я, как, бывало, кричал возле дома, играя в прятки.

И вдруг откуда-то издали, из глубины леса, послышалось ответное: «Ау!»

Я даже вздрогнул. Неужели я так далеко убежал от мамы? Где она? Как же ее найти? Весь лес, прежде такой веселый, теперь показался мне таинственным, страшным.

— Мама!.. Мама!..— что было сил завопил я, уже готовый расплакаться.

«А-ма-ма-ма-а-а-а!»— будто передразнил меня кто-то вдали. И в ту же секунду из-за соседних кустов выбежала мама.

— Что ты кричишь? Что случилось?— испуганно спросила она.

— Я думал, ты далеко!— сразу успокоившись, ответил я.— Там в лесу кто-то дразнится.

— Кто дразнится?— не поняла мама.

— Не знаю. Я кричу — и он тоже. Вот послушай!— И я опять, но уже храбро крикнул: Ау! Ау!

«Ау! Ау! Ау!»— отозвалось из лесной дали.

— Да ведь это эхо!— сказала мама.

— Эхо? А что оно там делает?

— Ничего не делает. Твой же голос отдается в лесу, а тебе кажется, что кто-то тебе отвечает.

Я недоверчиво слушал маму: «Как же это так? Мой же голос — и мне отвечает, да еще когда я уже сам молчу!»

Я опять попробовал крикнуть:

— Иди сюда!

«Сюда-а-а-а!»— откликнулось в лесу.

— Мама, а может там все-таки кто-нибудь дразнится?— не решительно спросил я.— Пойдем-ка посмотрим.

— Вот глупый какой! — засмеялась мама. — Ну пойдём, если хочешь, только никого мы с тобой не найдём.

Я взял маму на всякий случай за руку: «Кто его знает, что это за эхо!» — и мы пошли по дорожке в глубь леса. Изредка я покрикивал:

— Ты здесь?

«Зде-е-е-сь!» — отвечало впереди.

Мы перебрались через лесной овраг и вышли в светлый березовый лесок. Тут было совсем нестрашно.

Я опустил мамину руку и побежал вперед.

И вдруг я увидел «эхо». Оно сидело на пенке спиной ко мне. Все серое, в серой лохматой шапке, как леший с картинки из сказок. Я вскрикнул и бросился назад к маме:

— Мама, мама, вон эхо на пенке сидит!

— Что ты все глупости говоришь! — рассердилась мама.

Она взяла меня за руку и храбро пошла вперед.

— А оно нас не тронет? — спрашивал я.

— Не дури, пожалуйста, — ответила мама.

Мы вышли на полянку.

— Вон, вон! — зашептал я.

— Да это же дедушка Кузьма коров пасет!

Услышав мамин голос, «эхо» обернулось, и я увидел знакомую белую бороду, усы и брови, тоже белые, как из ваты, будто их нарочно приклеили к загорелому, сморщенному, как печеное яблоко, лицу.

— Дедушка, а я думал, ты — эхо! — закричал я, подбегая к старику.

— Эхо? — удивился тот, опуская деревянную дудочку-жалейку, которую он выстругивал ножом. — Эхо — это, милый, не человек. Это лесной голос.

— Как «лесной голос»? — не понял я.

— А так. Ты крикнешь в лесу, а он тебе и откликнется. Каждое деревце, каждый кустик отзвук дает. Вот послушай, как мы с ними переговариваемся.

Дед поднял свою дудочку-жалейку и заиграл нежно, протяжно. Он играл, словно напевал какую-то грустную песенку. А где-то далеко-далеко в лесу ему вторил другой такой же голос.

Подошла мама и села на соседний пенек. Дедушка кончил играть, и эхо тоже кончило.

— Вот, сынок, слыхал теперь, как я с лесом перекликаюсь? — сказал старик. — Эхо — это самая душа леса. Что птица свистнет, что зверь закричит — все тебе передаст, ничего не скроет.

Так я тогда и не понял, что же такое эхо. Но зато на всю жизнь полюбил его, полюбил, как таинственный голос леса, как песню жалейки, как старую детскую сказку.

И теперь, через много-много лет, только услышу эхо в лесу — сразу вспоминается мне: солнечный день, березы, полянка и посреди нее на старом пне что-то лохматое, серое. Может, это наш де-

ревенский пастух сидит, а может, и не пастух, а сказочный дедушка-леший.

Сидит он на пенке, строгаёт кленовую дудочку-жалейку. А потом будет играть на ней в тихий вечерний час, когда засыпают деревья, трава и цветы и медленно из-за леса выбирается рогатый месяц и наступает летняя ночь.

День рождения

Как-то поздно вечером, набегавшись за день по двору, я сидел вместе с папой и мамой за столом. Мы ужинали.

— Ты знаешь, какой завтра день?— спросила мама.

— Знаю: воскресенье,— ответил я.

— Верно. А кроме того, завтра — день твоего рождения. Тебе исполнится восемь лет.

— Ого, да он уж совсем большой вырос!— будто удивившись этому, заметил папа.— Восемь лет... Это ведь не шутка. Осенью в школу пойдет. Что бы ему подарить к такому дню?— обратился он к маме.— Игрушку, пожалуй, не годится...

— Да я уж и сама не знаю,— улыбаясь, ответила мама.— Нужно что-нибудь придумать.

Я сидел как на иголках, слушая этот разговор. Конечно, папа с мамой нарочно говорили, что не знают, что бы такое мне подарить. Подарок уж, верно, давно был приготовлен. Но какой подарок?

Я знал, что сколько ни проси, ни папа, ни мама до завтра ни за что не скажут.

Приходилось ждать.

После ужина я сейчас же пошел спать, чтобы поскорее наступило завтра. Но заснуть оказалось совсем не так просто. В голову все лезли мысли о подарке, и я невольно прислуши-

вался к тому, о чем говорили в соседней комнате папа с мамой. Может, они, думая, что я уже заснул, скажут что-нибудь о подарке. Но они говорили совсем о другом. Так я, ничего не услышав, наконец заснул.

Наутро, как только я проснулся, сейчас же вскочил с постели и хотел бежать за подарком. Но бежать никуда не пришлось: возле моей постели стояли у стены две новенькие складные удочки и тут же на гвоздике висело выкрашенное в зеленую краску ведерочко для рыбы, с крышкой, совсем такое же, как у папы, только поменьше.

От радости я даже захолопал в ладоши, подпрыгнул на постели и начал поскорей одеваться.

В это время дверь открылась, и в комнату вошли папа с мамой — веселые, улыбающиеся.

— Ну, поздравляем тебя! Хорош подарок? Доволен?— спрашивает папа.— Это уж настоящие удочки, не то что твои палки с нитками. На такие и шуку вытащить можно.

— Очень, очень доволен!— радовался я.— Только где же я на них буду шук ловить? У нас в речке их нет, а с собой на ловлю ты меня не берешь — говоришь, что мал еще.

— Да ведь это я тебя раньше не брал,— ответил папа,— когда тебе только семь лет было. А теперь тебе уже восемь. Ты, по-моему, даже за одну эту ночь сильно подрос. Вон какой огромный.

— Сегодня мы все вместе рыбу ловить поедем,— весело сказала мама.— Умывайся скорей, пей чай — и поедем. Погода чудесная!

Я поскорее позавтракал, захватил свои удочки, ведерко и выбежал во двор. У крыльца уже стояла запряженная лошадь.

Вскоре вышли и папа с мамой. Уложили в тележку удочки, чайник, котелок и мешок с провизией.

Мы все уселись и тронулись в путь.

Когда выехали за село, папа дал мне вожжи и сказал:

— Правь, ты ведь теперь уже не маленький, а я пока покурю.

Я с радостью взял в руки вожжи. Но править лошастью, собственно, и не нужно было. Дорога никуда не сворачивала, а шла ровная, прямая, среди ржаных полей.

Рожь уже выколосилась, и по ней плыли легкие тени от облаков.

Наша лошадь весело бежала по гладкой дороге. То и дело впереди с дороги взлетали жаворонки и, отлетев немного, снова садились на землю.

Мы проехали березовый лесок и выехали прямо к речке. На самом берегу ее находилась водяная мельница. В этом месте речка была запружена плотиной и разливалась в широкий пруд.

Мы оставили лошадь во дворе на мельнице, взяли из повозки удочки, ведерки для рыбы и пошли удить.

Ниже плотины находился глубокий мельничный омут. Мы спустились к омуту и уселись на берегу в прогалинке между

зелеными ивовыми кустами. Справа от нас возвышалась плотина, которая сдерживала всю массу воды. Вода прорывалась в щели плотины, била оттуда сильными фонтанами и с шумом падала вниз, прямо в омут.

А на другом берегу омута стояла старая водяная мельница. Это был небольшой деревянный домик. Одна его стена подходила к самой воде, и к ней были приделаны два огромных, тоже деревянных, колеса с широкими лопастями, как у парохода. Нижние их края погружались в воду.

Стена и толстые, как деревья, столбы, поддерживавшие колеса,— все было покрыто зелеными водорослями. Они свисали вниз, к самой воде, как длинные бороды.

Вдруг огромные колеса дрогнули и заворочались. Сначала медленно, потом быстрее, быстрее, и с них с шумом и плеском начали стекать целые потоки воды.

Вода под колесами запенилась, словно закипела, и побежала через омут и дальше, по речке вниз, бурлящим, кипучим потоком.

Я все это видел первый раз в жизни и не мог оторвать глаз от чудесного зрелища.

От мощных поворотов колес вздрагивала вся мельница, и мне казалось, что вот-вот она тронется с места и поплывет по реке, как пароход.

— Хорошо, что мельница начала работать,— сказал папа,— вода из-под колес пошла: в это время и рыба веселее ходит и на удочку лучше берет. Надевай скорей червяка, начинай ловить.

Мы размотали удочки и закинули.

Возле нашего берега в заливчике вода, загороженная кустами ивняка, стояла спокойная.

Я сидел рядом с папой и внимательно смотрел на поплавки. А они тихо лежали на поверхности воды. Какие-то комарики, мошки весело толпились в воздухе над поплавками.

Но вот поплавок моей удочки будто ожил. Он слегка шевельнулся, пуская вокруг себя по воде круги; шевельнулся еще и еще раз, потом стал медленно погружаться в воду.

— Клюет! Тащи!— взволнованно шепнул папа.

Я потащил. Ух как тяжело! Удилище согнулось в дугу, а леска, натянувшись как струна, так и резала воду.

— Не торопись, а то оборвет!— волновался папа.— Дай я помогу — упустишь, крупная попалась.

Но я вцепился обеими руками в удилище и не отдавал его.

Сильная рыба, туго натянув леску, бросалась то в одну, то в другую сторону. Я никак не мог подтащить ее к берегу. Наконец рыба показалась из глубины.

Я изо всех сил рванул удилище — раздался легкий треск, и в руках у меня остался обломанный конец. Другой конец вместе с поплавком и леской быстро понесся по воде прочь от берега.

— Ушла, ушла!— завопил я и, забыв все на свете, бросился за убегающим концом прямо в воду.

Папа едва успел схватить меня сзади за курточку:

— Утонешь! Глубина здесь!

Но я ничего не видел, кроме желтого бамбукового кончика удочки, который, разрезая воду, уходил все дальше и дальше.

— Ушла, совсем ушла!— с отчаянием повторял я.

На мои вопли прибежала испуганная мама. Она тут же невдалеке собирала хворост для костра.

— Что, что случилось?— еще издали спрашивала она.

— Не плачь,— успокаивал меня папа,— может, мы ее еще и поймаем.

Но я не верил. Слезы так и текли из глаз, и мне казалось, что в целом свете нет человека несчастнее меня.

Наконец я немного успокоился.

Папа стоял на берегу и пристально вглядывался в противоположный конец омута.

— К кустам потащила. Только бы поближе к берегу подошла,— говорил он.

Я понял, что не все еще потеряно. И робкая надежда шевельнулась в душе. Я тоже нашел глазами тоненькую белую палочку, которая едва виднелась на воде ближе к другому берегу. Она все удалялась.

— К кустам, к кустам идет!— радостно повторял папа.— Не гонюй, Юра: мы ее еще подцепим!

Мама тоже следила за удочкой.

— Ах, только бы к берегу подошла!

Наконец рыба подтащила удочку к кустам.

Тут мы все трое — папа, мама и я — со всех ног бросились через плотину на другой конец омута.

Вот и кусты. На воде возле них слегка покачивается сломанный конец удочки. И поплавок тоже спокойно покачивается на воде.

Может, удочка уже пустая? Может, рыба давно уже сорвалась?

Папа, крадучись, подошел к берегу, вошел по колено в воду и протянул руку к удилищу... и вдруг оно подпрыгнуло, как живое, и бросилось прочь. Папа за ним — бултых прямо в воду. Весь мокрый выскочил на берег.

О радость, о счастье! В руках у него была обломанная удочка. Она сгибалась в дугу, и леска опять, как тугая струна, так и резала воду. Напуганная рыба тянула вглубь и никак не шла к берегу.

Но папа и не пытался пересилить ее. Он то отпускал леску, то вновь слегка подтягивал.

Папа старался утомить рыбу. А мы с мамой, затаив дыхание, следили за этой борьбой.

Наконец рыба показалась на поверхности, блестя серебряной чешуей.

Тогда папа осторожно передал мне обломок удилица:

— Тащи, только потихоньку, не торопись.

Я схватил в руку удочку и, забыв все на свете, изо всех сил потащил на берег.

— Тише, тише, оборвет!— закричал папа.

Рыба бросилась в глубину. Я потянул к себе.

У берега в густой траве что-то сильно зашлепало, завозилось.

Папа и мама кинулись туда. И тут я вновь почувствовал в руках какую-то легкость. «Оборвалась, ушла!»

Но в тот же миг папа выкинул далеко на берег сверкающую чешуей рыбу. Она тяжело шлепнулась в траву и забилась, запрыгала в ней.

Мы подбежали к добыче. Подминая зеленые стебли, в траве лежал крупный голавль. Я схватил его обеими руками и начал с восторгом разглядывать. Спина у него была темно-зеленая, почти черная, бока серебряные, а голова большая, широкая. Потому, наверное, эту рыбу и называли голавль.

— Ну, поздравляю тебя: теперь ты — настоящий рыболов!— радостно говорила мама.

— Да, да, рыболов!— добродушно смеялся папа.— Опять чуть не упустил. Он уж с крючка сорвался, я его еле успел в траве схватить.

— А что же ты от него хочешь, ведь это его первая настоящая добыча,— защищала меня мама.— И все-таки он ее сам вытащил.

— Конечно, конечно,— согласился папа.— Идемте скорее к удочкам — может, там без нас еще что попало.

Тут мы с мамой взглянули на папу, да так и ахнули. Он был мокрый и весь в грязи. Хорошо еще, что погода стояла жаркая.

Папа отжал немного одежду и весело махнул рукой:

— Ничего, до вечера все высохнет!

Мы вернулись к нашим удочкам. Действительно, на одной из них у папы сидел большой окунь.

Папа дал мне из своих еще одну удочку вместо моей сломанной, и мы продолжали ловить. Но я уже не столько ловил, сколько все бегал к соседним кустам, под которыми в густой траве, прикрытый от солнца лопухами, лежал мой голавль. И каким же он мне показался огромным и красивым!

Мама тоже то и дело подходила к голавлю, трогала его рукой, качала головой и улыбалась. Наверное, она радовалась моей удаче не меньше меня.

И папа все поглядывал на меня и говорил:

— Что, брат, доволен, а?

Весь этот день я чувствовал себя самым счастливым человеком.

Я поймал еще двух ершей. А папа наловил много разной рыбы и даже поймал щуку. Вообще день вышел на славу.

Мама развела на берегу костер, приготовила обед и чай.

Потом мы опять ловили рыбу. Мама тоже ловила с нами и вытащила окуня.

Наконец, когда уже начало темнеть, папа с мамой собрались ехать домой. А мне ужасно не хотелось уезжать. Кажется, так все лето и просидел бы здесь, у реки, под старыми ветвями, глядя на поплавок. Но делать было нечего.

Уложили в тележку удочки, рыбу и все пожитки, запрягли лошадь и поехали домой.

Вечер был прохладный, ясный. На западе уже догорала заря. В полях громко кричали перепела, словно выговаривали: «Спать пора, спать пора!»

Слушая их, я и вправду немножко задремал. А перед глазами все рябила вода и поплавки на ней...

Вдруг мама тронула меня за плечо:

— Смотри, Юра, смотри скорей!

Я очнулся. Мы проезжали через березовый лесок. В воздухе пахло свежей березовой горечью. Я поглядел в глубь леса, куда указывала мама.

«Что это? Будто крохотный голубой огонек светится в темной ночной траве... А вон, немного подальше, еще и еще. Или это в каплях росы отражаются звезды? Нет, не может быть...»

— Видишь, светлячки,— сказал папа.— Хочешь — набери их в коробочку, а дома выпустим в сад. Пусть у нас живут.

Папа остановил лошадь, и мы с мамой принялись собирать этих светящихся жучков, которых в народе так хорошо прозвали ивановым червячком.

Мы с мамой долго ходили по густой влажной траве, отыскивая крошечные живые звездочки. А над головой сплетались темные ветви деревьев, и в их просветах тоже, как светлячки, сверкали далекие голубые звезды.

И может быть, именно в этот счастливый день — день моего рождения — я вдруг всем сердцем почувствовал, как хороша наша родная природа, лучше которой нет на всем свете.

Сиротка

Принесли нам ребята небольшого сорочонка... Летать он еще не мог, только прыгал. Кормили мы его творогом, кашей, моченым хлебом, давали маленькие кусочки вареного мяса; он все ел, ни от чего не отказывался.

Скоро у сорочонка отрос длинный хвост и крылья обросли жесткими черными перьями. Он быстро научился летать и переселился на житье из комнаты на балкон.

Только вот какая с ним была беда: никак наш сорочонок не мог выучиться самостоятельно есть. Совсем уж взрослая птица, красивая такая, летает хорошо, а еду все, как маленький птенчик, просит. Выйдешь на балкон, сядешь за стол, сорока уж тут как тут, вертится перед тобой, приседает, топорщит крылышки, рот раскрывает. И смешно и жалко ее. Мама даже прозвала ее Сироткой. Сунет ей, бывало, в рот творогу или моченого хлеба, проглотит сорока — и опять начинает просить,

а сама из тарелки никак не клюет. Учили-учили мы ее — ничего не вышло, так и приходилось ей в рот корм закидывать. Наестся Сиротка, встряхнется, посмотрит хитрым черным глазком на тарелку, нет ли там еще чего-нибудь вкусного, да и взлетит на перекладину под самый потолок или полетит в сад, на двор...

Она всюду летала и со всеми была знакома: с толстым котом Иванычем, с охотничьей собакой Джеком, с утками, курами; даже со старым драчливым петухом Петровичем сорока была в приятельских отношениях. Всех он на дворе задирал, а ее не трогал.

Бывало, клюют куры из корыта, и сорока тут же вертится. Вкусно пахнет теплыми мочеными отрубями, хочется сороке позавтракать в дружеской куриной компании, да ничего не выходит. Пристаёт Сиротка к курам, приседает, пищит, клюв раскрывает — никто ее покормить не хочет. Подскочит она и к Петровичу, запищит, а тот только взглянет на нее, забормочет: «Это что за безобразие!» — и прочь отойдет. А потом вдруг захлопает своими крепкими крыльями, вытянет кверху шею, натужится, на цыпочки привстанет да как запоет: «Ку-ка-ре-ку!» — так громко, что даже за рекой слышно.

А сорока попрыгает-попрыгает по двору, в конюшню слетает, заглянет к корове в стойло... Все сами едят, а ей опять приходится лететь на балкон и просить, чтобы ее из рук кормили.

Вот однажды некому было с сорокой возиться. Целый день все были заняты. Уж она приставала-приставала ко всем, никто ее не кормит!

Я в этот день с утра рыбу на речке ловил, вернулся домой только к вечеру и выбросил на дворе оставшихся от ловли червей. Пусть куры поклюют.

Петрович сразу заметил добычу, подбежал и начал сзывать кур: «Ко-ко-ко-ко! Ко-ко-ко-ко!» А они, как назло, куда-то разбрелись, ни одной во дворе нет. Уж петух прямо из сил выбивается! Зовет, зовет, потом схватит червяка в клюв, потрясет им, бросит и опять зовет — ни за что первый съест не хочет. Даже охрип, а куры все не идут.

Вдруг откуда не возьмись сорока. Подлетела к Петровичу, растопырила крылья и рот раскрыла: покорми, мол, меня.

Петух сразу приободрился, схватил в клюв огромного червяка, поднял, трясет им перед самым носом сороки. Та смотрела, смотрела, потом цоп червяка — и съела! А петух уж ей второго подает. Съела и второго и третьего, а четвертого Петрович сам склевал.

Гляжу я из окна и удивляюсь, как петух сороку из клюва кормит: то ей даст, то сам съест, то опять ей предложит. А сам все приговаривает: «Ко-ко-ко-ко!..» Кланяется, клювом червей на земле показывает: «Ешь, мол, не бойся, вон они какие вкусные».

И уж не знаю, как это у них там все получилось, как он ей растолковал, в чем дело, только вижу, закокал петух, показал на земле червяка, а сорока подскочила, повернула головку на бок, на другой, пригляделась и съела прямо с земли. Петрович даже головой в знак одобрения тряхнул; потом схватил сам здорового червяка, подбросил, перехватил клювом поудобнее и проглотил: «Вот, мол, как по-нашему». Но сорока, видно, поняла, в чем дело, — прыгает возле него да поклевывает. Начал и петух червей подбирать. Так наперегонки друг перед другом стараются — кто скорей. Вмиг всех червей склевали.

С тех пор сороку кормить из рук больше не приходилось. В один раз ее Петрович выучил с едой управляться. А уж как он это ей объяснил, я и сам не знаю.

Пушок

В доме у нас жил ежик, он был ручной. Когда его гладили, он прижимал к спине колючки и делался совсем мягким. За это мы его прозвали Пушок.

Если Пушок бывал голоден, он гонялся за мной, как собака. При этом еж пыхтел, фыркал и кусал меня за ноги, требуя еды.

Летом я брал Пушка с собой гулять в сад. Он бегал по дорожкам, ловил лягушат, жуков, улиток и с аппетитом их съедал.

Когда наступила зима, я перестал брать Пушка на прогулки, держал его дома. Кормили мы теперь Пушка молоком, супом, моченым хлебом. Наестся, бывало, ежик, заберется за печку, свернется клубочком и спит. А вечером вылезет и начнет по комнатам бегать. Всю ночь бегаёт, лапками топаёт, всем спать мешает. Так он у нас в доме больше половины зимы прожил и ни разу на улице не побывал.

Но вот собрался я как-то на санках с горы кататься, а товарищей во дворе нет. Я и решил взять с собою Пушка. Достал ящичек, настелил туда сена и посадил ежа, а чтобы ему теплей было, сверху тоже сеном закрыл. Ящик поставил в санки и побегал к пруду, где мы всегда катались с горы.

Я бежал во весь дух, воображая себя конем, и вез в санках Пушка.

Было очень хорошо, светило солнце, мороз щипал уши, нос. Зато ветер совсем утих, так что дым из деревенских труб не клубился, а прямыми столбами упирался в небо.

Я смотрел на эти столбы, и мне казалось, что это вовсе не дым, а с неба спускаются толстые синие веревки и внизу к ним привязаны за трубы маленькие игрушечные домики.

Накатался я досыта с горы, повез санки с ежом домой.

Везу — вдруг навстречу ребятам: бегут в деревню смотреть убитого волка. Его только что туда охотники привезли.

Я поскорее поставил санки в сарай и тоже за ребятами в деревню помчался. Там мы пробыли до самого вечера. Глядели, как с волка снимали шкуру, как ее расправляли на деревянной рогатине.

О Пушке я вспомнил только на другой день. Очень испугался, не убежал ли он куда. Сразу бросился в сарай, к санкам. Гляжу — лежит мой Пушок, свернувшись, в ящичке и не двигается. Сколько я его ни тряс, ни тормошил, он даже не пошевелился. За ночь, видно, совсем замерз и умер.

Побежал я к ребятам, рассказал о своем несчастье. Погоревали все вместе, да делать нечего, и решили похоронить Пушка в саду, закопать в снег в том самом ящичке, в котором он умер.

Целую неделю мы все горевали о бедном Пушке. А потом мне подарили живого сыча — его поймали у нас в сарае. Он был дикий. Мы стали его приручать и забыли о Пушке.

Но вот наступила весна, да какая теплая! Один раз утром отправился я в сад: там весной особенно хорошо — зяблики поют, солнце светит, кругом лужи огромные, как озера. Пробираюсь осторожно по дорожке, чтобы не начерпать грязи в калоши. Вдруг впереди, в куче прошлогодних листьев, что-то завозилось. Я остановился. Кто это? Зверек? Из-под темных листьев показалась знакомая мордочка, и черные глазки глянули прямо на меня.

Не помня себя, я бросился к зверьку. Через секунду я уже держал в руках Пушка, а он обнюхивал мои пальцы, фыркал и тыкал мне в ладонь холодным носом, требуя еды.

Тут же на земле валялся оттаявший ящичек с сеном, в котором Пушок благополучно проспал всю зиму. Я поднял ящичек, посадил туда ежа и принес домой.

Джек

Мы с братом Сережей ложились спать. Вдруг дверь растворилась, и вошел папа, а следом за ним — большая красивая собака, белая с темно-коричневыми пятнами на боках. Морда у нее тоже была коричневая; огромные уши свисали вниз.

— Папа, откуда? Это наша будет? Как ее звать? — закричали мы, вскакивая с постелей и бросаясь к собаке.

Пес, немного смущенный такой бурной встречей, все же дружелюбно завил хвостом и позволил себя погладить. Он даже обнюхал мою руку и лизнул ее мягким розовым языком.

— Вот и мы завели собаку, — сказал папа. — А теперь марш по кроватям! А то придет мама, увидит, что вы в одних рубашках бегаете, и задаст нам.

Мы залезли обратно в кровати, а папа уселся на стул.

— Джек, сядь, сядь здесь, — сказал он собаке, указывая на пол.

Джек сел рядом с папой и подал ему лапу.

— Здравствуй, — сказал папа, потряс лапу и снял ее с колен, но Джек сейчас же подал ее опять.

Так он «здоровался», наверное, раз десять подряд. Папа делал вид, что сердится, — снимал лапу, Джек подавал снова, а мы смеялись.

— Довольно, — сказал наконец папа. — Ложись.

Джек послушно улегся у его ног и только искоса поглядывал на папу да слегка постукивал по полу хвостом.

Шерсть у Джека была короткая, блестящая, гладкая, а из-под нее проступали сильные мускулы. Папа сказал, что это — охотничья собака, легавая. С легавыми собаками можно охотиться только за дичью — за разными птицами, а на зайцев или лисиц нельзя.

— Вот придет август, наступит время охоты, мы и пойдем с ним уток стрелять. Ну, пора спать, а то уже поздно.

Папа окликнул пса и вышел с ним из комнаты.

На следующее утро мы встали рано, напились поскорее чаю и отправились гулять с Джеком.

Он весело бегал по высокой, густой траве, между кустами, виляя хвостом, ласкался к нам и вообще чувствовал себя на новом месте как дома.

Набегавшись вдоволь, мы решили идти играть в «охотников».

Джек тоже последовал за нами. Мы сделали из обруча от бочки два лука, выстругали стрелы и пошли на «охоту».

Посреди сада из травы виднелся небольшой пенек. Издали он был очень похож на зайца. По бокам у него торчали два сучка, будто уши.

Первым стрельнул в него Сережа. Стрела ударилась о пенек, отскочила и упала в траву. В тот же миг Джек бросился к стреле, схватил ее в зубы и, виляя хвостом, принес и подал нам. Мы были этим очень довольны. Пустили стрелу опять, и Джек снова принес ее.

С тех пор пес каждый день принимал участие в нашей стрельбе и подавал нам стрелы.

Очень скоро мы узнали, что Джек подает не только стрелы, но и любую вещь, которую ему бросишь: палку, шапку, мячик... А иногда он притаскивал и такие вещи, о которых его вовсе никто не просил. Например, побежит в дом и принесет из передней калошу.

— Зачем ты ее принес — ведь сухо совсем! Неси, неси назад! — смеялись мы.

Джек скачет вокруг, сует в руки калошу и, видимо, вовсе не собирается нести ее на место. Приходилось относить самим.

Джек очень любил с нами ходить купаться. Бывало, только начнем собираться, а он уж тут как тут — прыгает, вертится, будто торопит нас.

Речка в том месте, где мы купались, была у берега мелкая. Мы с хохотом и визгом барахтались в воде, брызгались, гонялись друг за другом. И Джек тоже залезал в воду, носился вместе с нами; если же ему кидали в речку палку — бросался за нею, плыл, потом брал в зубы и возвращался на берег. Часто в порыве веселья он хватал что-нибудь из нашей одежды и пускался бежать, мы же гонялись за ним по лугу, стараясь отнять кепку или рубашку. А один раз вот что случилось.

Купались мы на речке вместе с папой. Папа плавал очень хорошо. Он переплыл на другую сторону и стал звать к себе Джека. Пес в это время играл с нами. Но, как только он услышал папин голос, сразу насторожился, бросился в воду, потом неожиданно вернулся; схватил в зубы папину одежду, и не успели мы опомниться, как он уже плыл на ту сторону. Следом за ним, раздуваясь, как большой белый пузырь, тащилась по воде рубашка, а брюки уже совсем намокли, скрылись под водой, и Джек едва их придерживал зубами за самый кончик. Мы просто замерли на месте, боясь, что он упустит одежду и она утонет. Однако Джек ничего не растерял и благополучно переплыл на другую сторону.

Пришлось папе плыть обратно, держа в руке одежду. Просохнуть она, конечно, не успела, и, когда мы вернулись домой, мама, увидев папу, так и ахнула:

— Что случилось? Почему ты в таком виде? Ты что, в речку упал?— Но, узнав, в чем дело, потом долго смеялась вместе с нами.

К Джеку мы очень привыкли, не расставались с ним целые дни и все мечтали о том, когда же настанет август и папа с Джеком пойдет на охоту. Папа обещал, что и нас тоже возьмет с собой.

Каждое утро мы первым делом бежали к отрывному календарю, срывали старый листок и считали, сколько еще листков осталось до августа.

Наконец, остался один, последний.

В этот день папа, как только вернулся с работы и пообедал, многозначительно взглянул на нас и сказал:

— Ну-с, кто желает идти со мной готовиться к завтрашней охоте?

Конечно, повторять приглашение не пришлось. Мы с Сережей бросились со всех ног в кабинет и уселись возле письменного стола.

Папа достал из ящика все охотничьи припасы: порох, дробь, гильзы, пыжи — и начал набивать патроны.

Мы смотрели на эти приготовления затаив дыхание. Наконец, патроны были набиты и аккуратно вставлены в широкий пояс с узенькими кармашками для каждого патрона. Такой пояс называется «патронташ».

Повесив патронташ на гвоздик, папа вынул из шкафа чехол и, не торопясь, достал оттуда самую интересную вещь — ружье. Оно было двуствольное, то есть с двумя стволами. В каждый ствол вставлялся патрон, так что из такого ружья можно выстрелить два раза: сначала из одного ствола, а если промахнешься, то, не перезаряжая, сейчас же и из другого. Ружье было очень красивое, с золотыми украшениями.

Мы осторожно потрогали его и даже попытались прицелиться, но оно оказалось слишком тяжелым.

Пока папа набивал патроны, Джек спокойно лежал в уголке на своем коврикe. Но как только он увидел ружье — вскочил с места, начал скакать, прыгать около папы и всем своим видом показывал, что он сейчас же готов идти на охоту. Потом, не зная, как еще выразить свою радость, умчался в столовую, притащил с дивана подушку и так начал ее трясти, что только пух полетел во все стороны.

— Что такое у вас творится?— удивилась мама, входя в кабинет.

Она отняла у Джека подушку и унесла на место.

На следующий день было воскресенье. Мы встали пораньше, поскорее оделись и уже ни на шаг не отставали от папы. А он, как нарочно, одевался и завтракал очень медленно.

Наконец папа собрался. Он надел куртку, высокие сапоги, подпоясался патронташем и взял в руки ружье.

Джек, все время вертевшийся у него под ногами, пулей вылетел во двор и, радостно взвизгивая, начал носиться вокруг запряженной лошади. А потом со всего размаху вскочил на телегу и сел.

Мы тоже взобрались на телегу и тронулись в путь.

— До свиданья, смотрите с пустыми руками не возвращайтесь! — смеясь, кричала нам вдогонку мама, стоя на крыльце.

Через десять минут мы уже выехали из нашего городка и покатали по гладкой проселочной дороге, через поле, через лесок — туда, где еще издали поблёскивала речка и виднелась обсаженная ветлами мельница.

От этой мельницы вверх по берегу реки густо росли камыши и тянулось широкое болото. Там водились дикие утки, длинноносые болотные кулики — бекасы, другая дичь.

Приехав на мельницу, папа оставил лошадь, и мы отправились на болото.

Пока мы шли по дороге к болоту Джек держался рядом с папой и все поглядывал на него, будто спрашивая, не пора ли бежать вперед.

Наконец подошли к самому болоту. Тут папа остановился, подтянул повыше сапоги, зарядил ружье, закурил и тогда только скомандовал:

— Джек, вперед!

Пес, видимо, только этого и ждал. Он бросился со всех ног в болото, так что брызги во все стороны полетели. Отбежав шагов двадцать, Джек приостановился и начал бегать то вправо, то влево, к чему-то принимаясь.

Он искал дичь. Папа не спеша, громко шлепая по воде сапогами, шел за собакой. А мы шли сзади, следом за папой.

Вдруг Джек заволновался, забегал быстрее, а потом сразу как-то весь вытянулся и медленно-медленно стал подвигаться вперед. Он сделал несколько шагов и остановился. Собака стояла, не двигаясь, как мертвая, вся вытянувшись в струну. Даже хвост вытянулся, и только кончик его от сильного напряжения мелко-мелко дрожал.

Папа быстро подошел к собаке, приподнял ружье и скомандовал:

— Вперед!

Джек сделал шаг и опять остановился.

— Вперед, вперед! — еще раз приказал папа.

Джек сделал еще шаг, другой... Вдруг впереди него в камышах что-то зашумело, захлопало, оттуда вылетела большая дикая утка. Папа вскинул ружье, выстрелил.

Утка как-то сразу подалась вперед, перевернулась в воздухе и тяжело шлепнулась в воду.

А Джек все стоял на месте, будто замер.

— Поддай, поддай ее сюда! — весело крикнул ему папа.

Тут Джек сразу ожил. Он бросился через болото прямо в речку и поплыл за уткой. Вот она уже совсем рядом. Джек раскрыл пасть, чтобы схватить ее. Вдруг всплеск воды — и утки нет! Джек удивленно оглянулся: куда же она делась?

— Вырнула! Раненая, значит! — с досадой воскликнул папа. — Забьется теперь в камыши, ее и не найдешь.

В это время утка вынырнула в нескольких шагах от Джека. Пес быстро поплыл к ней, но, как только он приблизился, утка вновь нырнула. Так повторялось несколько раз.

Мы стояли в болоте, у самого края воды, и ничем не могли помочь Джеку. Стрелять еще раз в утку папа боялся, чтобы не застрелить случайно и Джека. А тот никак не мог поймать на воде увертливую птицу. Зато он и не подпускал ее к густым зарослям камышей, а отжимал все дальше и дальше, на чистую воду.

Наконец утка вынырнула у самого носа Джека и сейчас же вновь скрылась под водой. В тот же миг Джек тоже исчез.

Через секунду он опять появился на поверхности, держа во рту пойманную утку, и поплыл к берегу. Мы бросились к нему, чтобы поскорее взять у него добычу. Но Джек сердито покосился на нас, даже заворчал и, обежав кругом, подал утку папе прямо в руки.

— Молодец, молодец! — похвалил папа, беря у него дичь. — Посмотрите, ребята, как он осторожно ее принес — ни одного перышка не помял!

Мы подбежали к папе и стали осматривать утку. Она была живая и даже почти не ранена. Дробь только слегка зацепила ей крыло, оттого она и не смогла дальше лететь.

— Папа, можно взять ее домой? Пусть у нас живет! — попросили мы.

— Ну что ж, берите. Только несите поосторожней, чтобы она у вас не вырвалась.

Мы пошли дальше. Джек лазил по болоту, искал дичь, а папа стрелял. Но нам уже это было не так интересно. Хотелось поскорее домой, чтобы устроить нашу пленницу.

Когда мы вернулись с охоты, то сейчас же принялись устраивать для нее помещение. Мы отгородили в сарае уголок, поставили туда таз с водой и посадили утку.

Первые дни она дичилась. Все сидела, забившись в угол, почти ничего не ела и не купалась. Но постепенно наша утка стала привыкать. Она уже не бежала и не пряталась, когда мы входили в сарай, а, наоборот, даже шла к нам навстречу и охотно ела моченый хлеб, который мы ей приносили.

Скоро утка стала совсем ручная. Она ходила по двору вместе с домашними утками, никого не боялась и не дичилась. Только одного Джека утка сразу невзлюбила, наверное за то, что он гонялся за ней по болоту. Когда Джек случайно проходил мимо, утка растопыривала перья, злобно шипела и все старалась ущипнуть его за лапу или за хвост.

Но Джек не обращал на нее никакого внимания. После того как она поселилась в сарае и ходила по двору вместе с домашними утками, для Джека она перестала быть дичью и потеряла всякий интерес.

Вообще домашней птицей Джек совсем не интересовался. Зато на охоте искал дичь с большим увлечением. Он мог по целым дням без устали в жару и в дождь рыскать по полю, отыскивая перепелов, или поздней осенью, в холод лазить по болоту за утками и, казалось, никогда не уставал.

Джек был прекрасной охотничьей собакой. Он прожил у нас очень долго, до глубокой старости. Сперва с ним охотился отец, а потом мы с братом.

Когда Джек стал совсем старым и не мог разыскивать дичь, его сменила другая охотничья собака. К тому времени Джек уже плохо видел и слышал, а его когда-то коричневая морда стала совсем седой. Большую часть дня он спал, лежа на солнышке на своей подстилке или возле печки.

Оживлялся Джек, только когда мы собирались на охоту: надевали сапоги, охотничьи куртки, брали ружья. Тут старый Джек приходил в волнение. Он начинал bestолково суетиться и бегать, тоже, вероятно, как в былое время, собираясь на охоту. Но его никто не брал.

— Дома, дома, старенький, оставайся! — ласково говорил ему папа и гладил его поседевшую голову.

Джек будто понимал, что ему говорят. Он смотрел на папу своими умными, выцветшими от старости глазами, вздыхал и уныло плелся на свою подстилку к печке.

Мне было очень жаль старого пса, и я иногда все-таки ходил с ним на охоту, но уже не для своего, а для его удовольствия.

Джек давно потерял чутье и никакой дичи найти уже не мог. Но зато он делал отличные стойки на всяких птичек, а когда птичка взлетала, стремглав бросался за нею, стараясь поймать.

Он делал стойки не только на птичек, а даже на бабочек, на стрекоз, на лягушек — вообще на все живое, что ему попадалось на глаза. Конечно, на такую «охоту» ружья я не брал.

Мы бродили до тех пор, пока Джек не уставал, и тогда возвращались домой — правда, без дичи, но зато очень довольные проведенным днем.

Кот Иваныч

Жил у нас в доме огромный толстый кот — Иваныч: ленивый, неповоротливый. Целые дни он ел или спал. Бывало, залезет на теплую лежанку, свернется клубком и уснет. Во сне лапы раскинет, сам вытянется, а хвост вниз свесит.

Из-за этого хвоста Иванычу часто доставалось от нашего дворового щенка Бобки. Он был очень озорной щенок. Как только дверь в дом открыт — шмыгнет в комнаты прямо к Иванычу.

Схватит его зубами за хвост, стащит на пол и везет, как мешок. Пол гладкий, скользкий, Иваныч по нему, словно по льду, покажется. Спросонья сразу и не разберет, в чем дело. Потом опомнится, вскочит, даст Бобке лапой по морде, а сам опять спать на лежанку отправится.

Иваныч любил улечься так, чтобы ему было и тепло и мягко. То к маме на подушку уляжется, то под одеяло заберется. А однажды вот что натворил. Замесила мама тесто в кадлушке и поставила на печку. Чтобы оно лучше поднялось, сверху еще теплым платком прикрыла. Прошло часа два. Мама пошла посмотреть — хорошо ли тесто поднимается. Глядит, а в кадлушке,

свернувшись калачиком, как на перине, Иваныч спит. Все тесто примял и сам весь измазался. Так мы без пирогов и остались. А Иваныча вымыть пришлось.

Налила мама в таз теплой воды, посадила туда кота и начала мыть. Мама моет, а он и не сердится — мурлычет, песни поет. Вымыли его, вытерли и опять на печку спать положили.

Иваныч был настолько ленив, что даже мышей не ловил. Иногда мышь скребется где-нибудь рядом, а он внимания на нее не обращает.

Как-то зовет меня мама в кухню:

— Погляди-ка, что твой кот делает!

Гляжу — Иваныч растянулся на полу и греется на солнышке, а рядом с ним целый выводок мышат гуляет: совсем крошечные, бегают по полу, собирают хлебные крохи, а Иваныч будто

пасет их — поглядывает да глаза от солнца жмурит. Мама даже руками развела:

— Что же это такое делается!

А я и говорю:

— Как — что? Разве не видишь? Иваныч мышей караулит. Наверное, мышка-мать попросила за ребятами присмотреть, а то мало ли что без нее может случиться.

Но иногда Иваныч любил ради развлечения и поохотиться. Через двор от нашего дома был хлебный амбар, в нем водилось много крыс. Проведал об этом Иваныч и отправился как-то после обеда на охоту.

Сидим мы у окна, вдруг видим — по двору бежит Иваныч, а во рту огромная крыса. Вскочил он в окно — прямо к маме в комнату. Разлегся посреди пола, выпустил крысу, сам на маму смотрит: «Вот, мол, каков я охотник!»

Мама закричала, вскочила на стул, крыса под шкаф шмыгнула, а Иваныч посидел-посидел и спать себе отправился.

С тех пор от Иваныча житья не стало. Утром встанет, вымоет лапой мордочку, позавтракает и отправится в амбар на охоту. Минуты не пройдет, а он домой спешит, крысу тащит. Принесет в комнату и выпустит. Потом уж мы так приладились: как он на охоту — сейчас все двери и окна запираем. Иваныч поносит, поносит крысу по двору и пустит, а она назад в амбар убежит. Или, бывало, задушит крысу и давай с нею играть: подбрасывает, лапами ловит, а то положит ее перед собой и любуется.

Вот однажды играл он так — вдруг откуда ни возьмись две вороны. Сели неподалеку, начали вокруг Иваныча скакать, приплясывать. Хочется им крысу у него отнять — и страшновато. Скакали-скакали, потом одна как схватит сзади Иваныча клювом за хвост! Тот кубарем перевернулся да за вороной, а вторая подхватила крысу — и до свиданья! Так Иваныч ни с чем и остался.

Впрочем, Иваныч хотя крыс иногда и ловил, но никогда их не ел. Зато он очень любил полакомиться свежей рыбой. Как приду я летом с рыбалки, только поставлю ведро на лавку, а он уж тут как тут. Сядет рядом, запустит лапу в ведро, прямо в воду, и шарит там. Зацепит лапой рыбу, выкинет на лавку и съест.

Иваныч даже повадился из аквариума рыбок таскать. Как-то раз поставил я аквариум на пол, чтобы воду сменить, а сам ушел на кухню за водой. Прихожу обратно, гляжу и глазам не верю: у аквариума Иваныч — на задние лапы привстал, а переднюю в воду запустил и рыбу, как из ведерка, вылавливает. Трех рыбок я потом недосчитался.

С этого дня с Иванычем просто беда: так от аквариума и не отходит. Пришлось сверху стеклом закрывать. А как забудешь, сейчас двух-трех рыбок вытащит. Уж мы не знали, как его отучить от этого.

Но только, на наше счастье, Иваныч и сам очень скоро отучился.

Принес я однажды с реки вместо рыбы в ведерочке раков, поставил, как всегда, на лавку. Иваныч сразу прибежал — и прямо в ведро лапой. Да вдруг как закричит. Глядим — за лапу рак клешнями ухватился, а за ним — второй, а за вторым — третий... Все из ведерка за лапой тащатся, усами шевелят, клешнями щелкают. Тут Иваныч глазищи от страха вытарашил, шерсть дыбом поднялась: «Что за рыба такая?» Тряхнул лапой, так все раки на пол и посыпались, а сам Иваныч хвост трубой — и марш в окно. После этого даже близко к ведерку не подходил и в аквариум перестал лазить. Вот как напугался!

Кроме рыбок у нас в доме было много разной живности: птицы, морские свинки, еж, зайчата... Но Иваныч никогда никого не трогал. Он был очень добрый кот, дружил со всеми животными. Только с ежом Иваныч вначале не мог ужиться.

Этого ежа я принес из леса и пустил в комнате на пол. Ежик сначала лежал, свернувшись в клубок, а потом развернулся и забегал по комнате. Иваныч очень заинтересовался зверьком. Дружелюбно подошел к нему и хотел обнюхать. Но еж, видимо, не понял доброго намерения Иваныча, он растопырил колючки, подскочил и преобрально кольнул Иваныча в нос.

После этого Иваныч стал упорно избегать ежа. Стоило тому вылезти из-под шкафа, как Иваныч поспешно вскакивал на стул или на окно и никак не хотел спускаться вниз.

Но вот как-то раз после обеда мама налила Иванычу в блюдечко супа и поставила его на коврик. Кот сел около блюдца поудобнее, начал лакать. Вдруг мы видим — из-под шкафа вылезает ежик. Вылез, носиком потянул и направился прямо к блюдцу. Подошел и тоже за еду принялся. А Иваныч не убегает — видно, проголодался, косится на ежа, а сам торопится, пьет. Так вдвоем все блюдечко и вылакали.

С этого дня мама начала их каждый раз вместе кормить. И ведь как они хорошо к этому приладились! Стоит только маме половником о блюдечко стукнуть, а они уже бегут. Усядутся рядышком и едят. Ежик мордочку вытянет, колючки приложит, гладенький такой. Иваныч его совсем перестал опасаться. Так и подружились.

За добрый нрав Иваныча все его очень любили. Нам казалось, что по своему характеру и уму он больше походил на собаку, чем на кошку. Он и бегал за нами, как собака: мы на огород — и он за нами, мама в магазин — и он следом за ней бежит. А возвращаемся вечером с реки или из городского сада — Иваныч уже на лавочке возле дома сидит, будто нас дожидается. Как увидит меня или Сережу, сразу подбежит, начнет мурлыкать, об ноги тереться и вслед за нами скорее домой спешит.

Дом, где мы жили, стоял на самом краю городка. В нем мы прожили несколько лет, а потом переехали в другой, на той же улице.

Переезжая, мы очень опасались, что Иваныч не уживется на новой квартире и будет убегать на старое место. Но наши опа-

сёния оказались совершенно напрасны. Попав в незнакомое помещение, Иваныч начал все осматривать, обнюхивать, пока наконец не добрался до маминой кровати. Тут уж, видимо, он сразу почувствовал, что все в порядке, вскочил на постель и улегся. А когда в соседней комнате застучали ножами и вилками, Иваныч мигом примчался к столу и уселся, как обычно, рядом с мамой. В тот же день он осмотрел новый двор и сад, даже посидел на лавочке перед домом. Но на старую квартиру так и не ушел. Значит, не всегда верно, когда говорят, что собака людям верна, а кошка — дому. Вот у Иваныча вышло совсем наоборот.

Воришка

Однажды нам подарили молодую белку. Она очень скоро стала совсем ручная, бегала по всем комнатам, лазила на шкафы, этажерки, да так ловко — никогда ничего не уронит, не разобьет.

В кабинете у отца над диваном были прибиты огромные оленьи рога. Белка часто по ним лазила. Заберется, бывало, на рог и сидит на нем, как на сучке дерева.

Нас, ребят, она хорошо знала. Только войдешь в комнату, белка прыг откуда-нибудь со шкафа прямо на плечо. Это значит — она просит сахару или конфетку. Очень любила сладкое.

Конфеты и сахар у нас в столовой, в буфете, лежали. Их никогда не запирали, потому что мы, дети, без спросу ничего не брали.

Но вот как-то зовет мама нас всех в столовую и показывает пустую вазочку:

— Кто же это конфеты отсюда взял?

Мы глядим друг на друга и молчим — не знаем, кто из нас это сделал. Мама покачала головой и ничего не сказала. А на следующий день сахар из буфета пропал, и опять никто не сознался, что взял. Тут уж и отец рассердился, сказал, что теперь все будет запирается, а нам всю неделю сладкого не даст.

И белка заодно с нами без сладкого осталась. Вспрыгнет, бывало, на плечо, мордочкой о щеку трется, за ухо зубами дергает — просит сахару. А где его взять?

Один раз после обеда сидел я тихонько на диване в столовой и читал. Вдруг вижу: белка вскочила на стол, схватила в зубы корочку хлеба — и на пол, а оттуда на шкаф. Через минуту, смотрю, опять на стол забралась, схватила вторую корочку — и опять на шкаф.

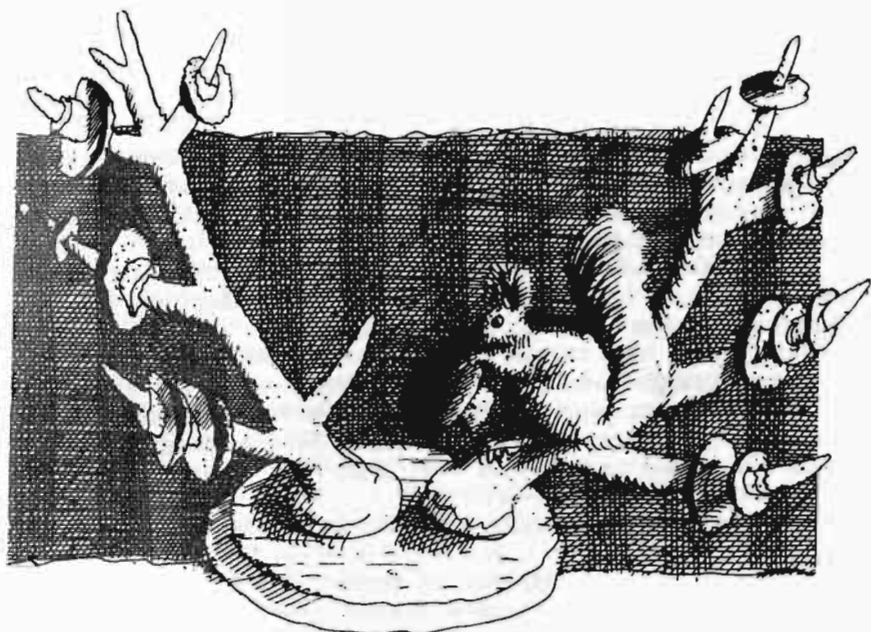
«Постой, — думаю, — куда это она хлеб все носит?» Подставил я стул, заглянул на шкаф. Вижу — старая мамина шляпа лежит. Приподнял я ее — вот тебе раз! Чего-чего только под нею нет: и сахар, и конфеты, и хлеб, и разные косточки...

Я — прямо к отцу, показываю: «Вот кто у нас воришка!»

Отец рассмеялся и говорит:

— Как же это я раньше не догадался! Ведь это наша белка на зиму себе запасы делает. Теперь осень, на воле все белки корм запасают, ну и наша не отстает, тоже запасается.

После этого случая сладкое перестали от нас запирать, только к буфету крючок приделали, чтобы белка туда залезть не могла. Но белка на этом не успокоилась, все продолжала запасы на зиму готовить. Найдет корочку хлеба, орех или косточку — сейчас схватит, убежит и спрячет куда-нибудь.

А то ходили мы как-то в лес за грибами. Пришли поздно вечером, усталые, поели — и скорее спать. Кошелку с грибами на окне оставили: прохладно там, не испортятся до утра.

Утром встаем — вся корзина пустая. Куда же грибы делись? Вдруг отец из кабинета кричит, нас зовет. Прибежали к нему, глядим — все оленьи рога над диваном грибами увешаны. И на крючке для полотенца, и за зеркалом, и за картиной — всюду грибы. Это белка ранехонько утром постаралась: развесила грибы себе на зиму посушить. В лесу белки всегда всегда осенью грибы на сучьях сушат. Вот и наша поспешила. Видно, почуяла зиму.

Скоро и вправду наступили холода. Белка все старалась забраться куда-нибудь в уголок, где бы потеплее, а как-то раз она и вовсе пропала. Искали, искали ее — нигде нет. Наверное, убежала в сад, а оттуда в лес.

Жалко нам стало белочки, да ничего не поделаешь.

Собрались топить печку, закрыли отдушник, наложили дров, подожгли. Вдруг в печке как заводится что-то, зашуршит! Мы отдушник поскорее открыли, а оттуда белка пулей выскочила — и прямо на шкаф.

А дым из печки в комнату так и валит, в трубу никак не идет. Что такое? Брат сделал из толстой проволоки крючок и просунил его через отдушину в трубу, чтобы узнать, нет ли там чего.

Глядим — тащит из трубы галстук, мамину перчатку, даже бабушкину праздничную косынку там разыскал.

Все это наша белка себе для гнезда в трубу затащила. Вот ведь какая! Хотя и в доме живет, а лесные повадки не оставляет. Такова уж, видно, их беличья натура.

Дружба

Сидели мы как-то с братом зимой в комнате и глядели на двор в окно. А на дворе, у забора, вороны и галки копались в мусоре.

Вдруг видим — прилетела к ним какая-то птица, совсем черная, с синевой, а нос большой, белый. Что за диво: ведь это грач! Откуда он зимой взялся? Глядим, ходит грач по помойке среди ворон и прихрамывает немножко — наверное, больной какой-нибудь или старый; улететь на юг не смог с другими грачами, вот и остался у нас зимовать.

Потом каждое утро повадился грач к нам на помойку летать. Мы ему хлебца покрошим, каши, творожку дадим. Только мало ему доставалось: все, бывало, вороны поедят — это уж такие нахальные птицы. А грач тихий какой-то попался. В сторонке держится, все один да один. Да и то верно: своя братия улетела на юг, он один остался; вороны — ему компания плохая. Видим мы, обижают серые разбойницы нашего грача, а как ему помочь, не знаем. Как его покормить, чтоб вороны не мешали?

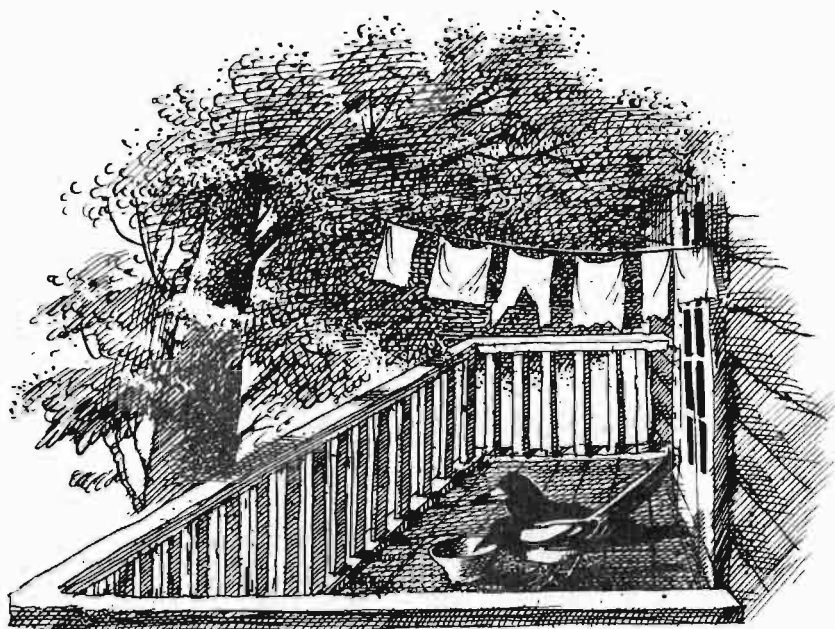
День ото дня грач становился все грустнее. Бывало, прилетит и сядет на забор, а спуститься на помойку к воронам боится: совсем ослаб.

Один раз посмотрели мы утром в окно, а грач под забором лежит. Побежали мы, принесли его в дом. Он уже еле дышал. Посадили мы его в ящик, к печке, попонкой закрыли и дали всякой еды.

Недели две он так у нас просидел, отогрелся, отъелся немножко. Думаем, как же с ним дальше быть? Не держать же его в ящике всю зиму! Решили опять на волю выпустить: может, он теперь покрепче будет, перезимует как-нибудь.

А грач, видно, смекнул, что мы ему добро сделали, значит, нечего людей и бояться. С тех пор целые дни так вместе с курами во дворе и проводил.

В это же время жила у нас ручная сорока Сиротка. Мы ее еще птенцом взяли и выкормили. Сиротка свободно летала по

двору, по саду, а ночевать возвращалась на балкон. Вот видим мы — подружился наш грач с Сироткой: куда она летит, туда и он за ней. Однажды глядим — Сиротка на балкон прилетела, и грач тоже вместе с ней появился. Важно так по столу разгуливает. А сорока, будто хозяйка, суетится, вокруг него скачет.

Мы потихоньку высунули из-под двери чашку с моченым хлебом. Сорока — прямо к чашке, и грач за ней. Позавтракали оба и улетели. Так они каждый день начали на балкон вдвоем прилетать — кормиться.

...Прошла зима, вернулись с юга грачи, загалдели в старой березовой роще. По вечерам усядутся парочками возле гнезд, сидят и переговариваются, будто дела свои обсуждают. Только наш грач не нашел себе пары, по-прежнему всюду летал за Сироткой. А под вечер сядут они возле дома на березку и сидят рядышком, близко так, бок о бок.

Посмотришь на них и невольно подумаешь: значит, и у птиц тоже дружба бывает.

Чир Чирыч

Вечером папа принес из сарая доску, распилил ее и сколотил домик. Вместо окон и дверей в одной из стенок выпилил круглую дырочку, а вместо крыльца внизу, у входа, палочку прибил.

— Готово, — сказал папа. — Ну-ка, теперь отгадай загадку: на колу дворец, во дворце певец — кто это?

— Скворец! — закричал я.

— Правильно. Вот мы для него квартиру и смастерили. Завтра утром скворечник в саду пристроим. Добро пожаловать, дорогие гости!

Проснулся я утром — в окно солнце светит, капель с крыши льет, и воробьи на весь двор расчирикались.

В саду везде еще был снег. Мы с папой еле пробрались к старой яблоне. Папа прибил скворечник к длинному шесту и при-

крутил шест проволокой к стволу яблони. Скворечник оказался очень высоко — со всех сторон видно.

Прошло пять дней. В саду зачернели проталины, а кругом них разлились огромные лужи. В лужах, как в зеркале, отражаются небо, облака, а когда выглянет солнце — даже больно глядеть, так вода и сверкает.

Один раз зовет меня папа в сад:

— Погляди, какие гости к нам заявились.

Прибежал я, смотрю — на крыше скворечника сидит скворец и распевает. Потом другой скворец к нему подлетел и прямо в домик юркнул. Поселились в домике скворцы. Только почему-то скворец все один летает, а скворчихи и не видать. По вечерам сядет на веточку и поет.

Как-то раз стояли мы с папой под яблоней. Смотрим — скворец к домику подлетел, в клюве у него что-то белеется, наверное, какая-то большая, толстая личинка. Сел он на жердочку, вдруг видим — из домика высовывается головка скворчихи. Открыла она клюв, скворец сунул ей в рот личинку, а сам засвистел, затрещал и опять улетел.

— Видишь,— говорит папа,— как скворец о своей скворчихе заботится! Даже кормит ее, чтобы она с гнезда не улетала. Ведь она теперь яйца насиживает.

Скоро у скворцов вывелись птенцы. Тут уже оба — и отец и мать — начали детям корм носить. Ходят по грядкам и высматривают добычу. Заметит скворец гусеницу, схватит ее и тащит детям. Скворчатам еда — и нам с папой помощь. За день, бывало, всех гусениц с огорода соберут.

Папа глядит да радуется:

— Хорошая у нас капуста будет! Червяк ее уже не тронет. Вон наши длинноносые сторожа как на грядках стараются!

Выросли скворчата, начали уже из домика наружу выглядывать. Целый день пищат — есть просят. Родители им только успевают корм приносить. А наступит вечер, усядутся старики на веточку возле домика, сидят и переговариваются, будто дела свои обсуждают.

Вот как-то под вечер сидели скворец со скворчихой на яблоне. Вдруг из-за веток — ястреб! Схватил скворца и потащил.

Мы с папой в саду были. Закричали, вдогонку бросились. Я во весь дух бегу, кричу:

— Брось, брось, брось!

Ястреб испугался, бросил добычу и улетел.

Подбежал я: лежит скворушка на земле, клюв открыт, дышит тяжело; наверно, ястреб его здорово помял.

Принес я его домой, настелил в клетку свежей травы и положил скворца. Наутро он немного оправился — не лежал, а сидел в уголке. Дал я ему гусениц, червей. Одного червяка он съел, а больше не стал.

Папа сказал:

— Ничего, поправится. Только уж он теперь в семье не работник — ему самому сил набираться нужно. Придется тебе помогать скворчихе детей растить. Ей одной такую семью не прокормить.

Взяли мы с папой фанерный ящик, поставили его в саду на дорожку, недалеко от старой яблони, и каждый день я в него стал разных личинок и гусениц приносить. Скворчиха это живо заметила. Только я принесу еду, отойду в сторону, а она уж тут

как тут, подлетит, сядет на край ящика, схватит гусеницу — и прямо в скворечник. В один миг все детям перетаскает.

Скворец мой тоже поправляться начал. Аппетит у него после болезни отличный стал. Я прямо с ног сбился, не успеваю еду носить.

Наконец скворчата подросли и начали из гнезда вылетать, а потом и совсем улетели из сада. Тут уж я посвободнее вздохнул — один у меня только иждивенец остался.

Скворец скоро совсем поправился. Стал я его понемногу из клетки выпускать. Летает он по комнате, а как проголодается, спешит назад в клетку. Ручной, ничего не боится, на плечо сядет, на голову. Как только соберемся обедать, загремят тарелки, он прямо на стол летит, крошки со скатерти собирает. Видно, не на шутку, бедняжка, проголодался!

Очень любил он мясо. Подадут котлеты — скворец так и норовит со сковородки клюнуть. Мама, бывало, смеется, гонит его: «Обожжешься ведь!» А он на маму сердится: что, мол, не даешь! Перышки топорщит, кричит: «Чир-чирр!» Мы его Чир Чырычем и прозвали.

Накрошат ему котлету на тарелку, остудят и дадут. Он в один миг все подберет.

Как-то дали мясца старому коту Иванычу. Только он уселся поесть, вдруг видим — скворец бочком-бочком — и к тарелке. Мы глядим, что дальше будет. Подбежал скворец, изловчился и прямо из-под носа Иваныча кусочек мяса выхватил. Тут даже добродушный Иваныч возмутился, замахнулся на обидчика лапой, а скворец не боится — так на него и наскакивает: «Чир-чиррр!» И вдруг тюк Иваныча клювом в нос! Фыркнул тот, затряс головой, а потом повернулся и пошел прочь от тарелки.

С тех пор коту от скворца житья не стало: только разляжется толстый Иваныч на солнышке погреться, скворец уж тут как тут, старается за хвост или за ухо клювом схватить. Мама его полотенцем прочь гонит:

— Ну что ты к Иванычу пристаешь?

А скворушка норовит маму за полотенце дернуть: «Чир-чиррр!» Потом прыг — и на голову ей сядет. Разбойник, да и только!

Зато с Джеком, папиной охотничьей собакой, скворушка очень подружился. Джек овсянку из миски ест — и скворец на краешек сядет, тоже поклевывает. Уляжется Джек у себя на коврике, скворец ему на спину взлетит, выбирает что-то из шерсти, да так осторожно — никогда больно не сделает. Джек даже глаза зажмурит — видно, приятно ему.

Как-то напились мы чаю. Мама налила в полоскательницу теплой воды чашки помыть. Только отвернулась, откуда ни возмись скворец — и прямо в полоскательницу. Как начнет в ней плескаться! Весь стол водой залил.

Мама засмеялась:

— Ах ты, негодный!

А скворец уж на двери сидит, отряхивается, перышки чистит.

До того осмелел — всюду лезет, все тащит, беда с ним, да и только!

Мама терпела-терпела и наконец не выдержала.

— Заприте, — говорит, — этого разбойника в клетку. Или выпустите его.

Очень не хотелось мне со скворушкой расставаться, да ничего не поделаешь — не запирать же его, на самом деле, в клетку!

Наутро открыл я окно и снял с него сетку. Скворец мигом из клетки выскочил, слетел на подоконник и не знает, куда же дальше лететь — в комнату или в сад. А тут солнце выглянуло. Отряхнулся скворец, расправил крылья и полетел на волю. Уселся в саду на дерево, начал перышки чистить, охорашиваться, довольный такой.

Весело мне на него смотреть, как он радуется, и грустно немножко — не будет у меня больше ручного скворца!

Посидел он на дереве, потом вспорхнул и полетел куда-то. А я совсем загрустил, весь день места себе найти не мог.

Наконец позвали меня обедать. Все сели за стол. Только застучали тарелками, вдруг слышим за окном: «Чир-чиррр!» Летит мой скворец прямо в окно — и на стол. Тут уж и мама не выдержала, говорит:

— Умница ты моя! Назад прилетел, соскучился.

А скворец будто понимает — лезет к ней, прямо из тарелки вареное мясо тащит. Наелся и на шкаф взлетел.

С этого дня Чир Чырыч получил полное право разгуливать всюду, где ему только заблагорассудится: хочет — по саду летает, хочет — по комнате. Но как только, бывало, за вечереет, так уж он обязательно к себе в клетку спешит.

Наступила осень. Пожелтел сад, в полях убрали хлеб, а на лугах у речки, как огромные зеленые кочки, выросли стога сена. Скворцы собрались в стаи; целые дни летали по полям и лугам или сидели на стогах.

Скворушка мой тоже стал пропадать по целым дням, иногда и ночевать домой не возвращался. То ночь, то две, а потом и совсем не вернулся. Может, ястреб его поймал, а может, улетел с другими скворцами в теплые страны.

Пришла зима. Часто вспоминали мы о скворушке, особенно вечерами, когда топили печку и у огонька собирались все мои приятели: Джек, Иваныч и ручной заяц Ушан. Где-то теперь наш скворушка? Жив ли он?..

Наконец и зима кончилась. В саду появились огромные синие лужи. В полдень солнышко припекало совсем по-летнему, и тогда в столовой даже отворяли окно.

Как-то возился я у себя в комнате со своими удочками. Вдруг слышу за дверью: «Чир-чирррр!» Я даже вздрогнул: что такое? Выскочил в столовую и глазам не верю: сидит на подоконнике мой скворушка, так и заливается, так и поет.

— Скворушка! Скворушка! Откуда же ты прилетел?

Хотел я к нему подойти, а он — назад в окно и уселся в саду на яблоню. Отвык, значит, за зиму от нас.

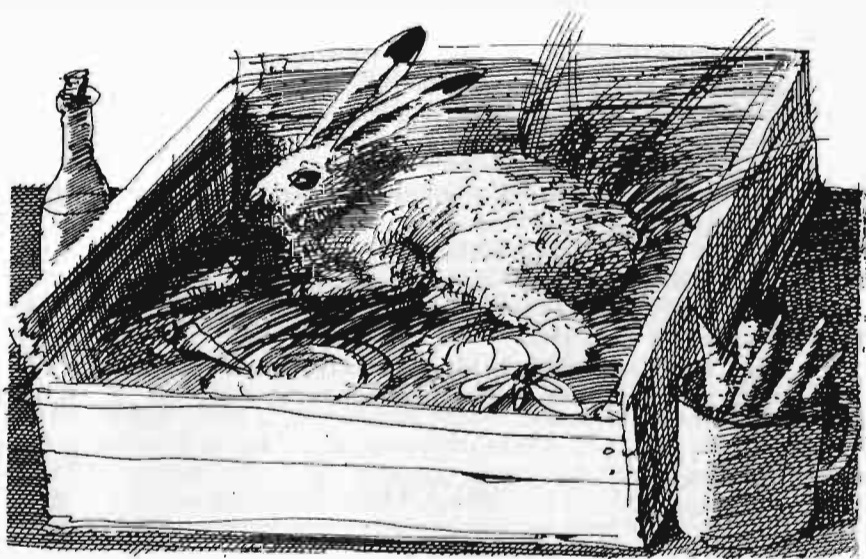
Опять поселился мой скворец в своем старом скворечнике. И скворчиха с ним, только не знаю, старая или новая.

Часто бывало — прилетит скворушка к нам на подоконник, сядет и поет. Я ему еду поставлю, полоскательницу с водой — он все съест, воды напьется и выкупается в полоскательнице. А в комнату залетать так и не захотел. Наверное, ему скворчиха не разрешила.

Белая шубка

В ту зиму снег долго не выпадал. Реки и озера давно льдом покрылись, а снега все нет и нет.

Зимний лес без снега казался хмурым, унылым. Все листья с деревьев давно опали, перелетные птицы улетели на юг, нигде не пискнет ни одна птичка; только холодный ветер посвистывает среди голых обледенелых сучьев.

Шел я как-то с ребятами по лесу, возвращались мы из соседней деревни. Вышли на лесную поляну. Вдруг видим — среди поляны над большим кустом вороны кружат. Каркают, летают вокруг него, то вверх взлетят, то на землю сядут. Наверное, думаю, они там какую-то еду себе нашли.

Стали ближе подходить. Заметили нас вороны — одни в сторону отлетели, по деревьям расселись, а другие и улетать не хотят, так над головой и кружат.

Подошли мы к кусту, смотрим — что-то под ним белеет, а что — сквозь частые ветки и не разберем.

Раздвинул я ветки, гляжу — заяц, белый-белый, как снег. Забился под самый куст, прижался к земле, лежит не шевелится. Кругом все серое — и земля и опавшие листья, а заяц среди них так и белеет.

Вот почему он воронам на глаза попался — оделся в белую шубку, а снега-то нет, значит, и спрятаться ему, белому, нигде. Дай-ка попробуем его живьем поймать!

Просунул я руку под ветки, тихонько, осторожно, да сразу цоп его за уши — и вытащил из-под куста!

Бьется заяц в руках, вырваться хочет. Только смотрим — одна ножка у него как-то странно болтается. Тронули ее, а она переломана! Значит, сильно его вороны потрепали. Не приди мы вовремя, пожалуй, и совсем бы забили.

Принес я зайца домой. Папа достал из аптечки бинт, вату, забинтовал зайцу сломанную ножку и посадил в ящик. Мама положила туда сена, моркови, мисочку с водой поставила. Так у нас зайка и остался жить. Целый месяц прожил. Ножка у него совсем срослась, он даже из ящика выскакивать начал и меня вовсе не боялся. Выскочит, побегает по комнате, а как зайдет ко мне кто-нибудь из ребят, под кровать спрячется.

Пока заяц у нас дома жил, и снег выпал, белый, пушистый, как зайкина шубка. В нем зайцу легко прятаться. В снегу не скоро его заметишь.

— Ну, теперь можно его и обратно в лес выпустить, — сказал нам однажды папа.

Так мы и сделали — отнесли зайца в ближайший лесок, попрощались с ним да и выпустили на волю.

Утро было тихое, накануне ночью насыпало много снегу. Лес сделался белый, мохнатый.

В один миг наш зайка в заснеженных кустах исчез.

Вот когда ему белая шубка пригодилась!

Аистята

Один год мы прожили на Украине, в небольшой станице, среди сплошных вишневых садов.

Неподалеку от нашего дома росло старое дерево. И вот однажды ранней весной прилетел и уселся на него аист. Он долго что-то осматривал, неуклюже переступая на своих длинных ногах по толстому суку. Потом улетел.

А на следующее утро мы видели, что на дереве хлопотали уже два аиста. Они устраивали гнездо.

Скоро гнездо было готово. Аистиха снесла туда яйца и стала их насиживать. А аист то улетал за кормом на болото, то стоял около гнезда на суке, поджав под себя одну ногу. Так, на одной ноге, он мог простоять очень долго и даже немного вздремнуть.

Когда в гнезде вывелись аистята, для старых аистов начались большие хлопоты. Птенцы были очень прожорливы. Они целый день требовали еды, и аисты-родители по очереди с утра до вечера таскали им из болота лягушек, рыбешек, ужей.

Пока один из аистов летал за кормом, другой стоял на краю гнезда — караулил птенцов. Как только он замечал подлетавшего к гнезду второго аиста, он закидывал голову на спину и громко трещал клювом, словно трещоткой. Ведь аисты кричать не умеют и приветствуют друг друга, часто-часто щелкая клювом.

Прилетевший отдавал добычу детям и садился отдыхать у гнезда, а другой аист тут же улетал охотиться за лягушками на болото.

Так аисты целые дни по очереди кормили птенцов. А когда те подросли и стали еще прожорливее, тут уж оба родителя начали вместе летать и добывать детям корм.

Прошло еще недели полторы, и вдруг один из аистов-родителей исчез. Что с ним случилось, неизвестно: может, его убили, а может, и сам от чего-нибудь погиб.

Вот когда настала трудная пора для оставшегося аиста! Птенцы стали уже совсем большими. Их было трое, и они требовали очень много еды.

Как только начинало светать, аист уже спешил на болото за добычей, приносил ее, совал в рот одному из птенцов и, не отдыхая ни минуты, летел обратно на охоту.

Так он трудился до позднего вечера.

Нам было очень жаль бедную птицу, но мы не знали, чем ей помочь.

Один раз мы пошли ловить на речку рыбу. Возвращаемся домой и видим, что все три аистенка тянут из гнезда свои

длинные шеи, открывают клювы и просят есть. А аиста около гнезда нет. Значит, на болоте лягушек ловит.

— Что, если попробовать их рыбой покормить?— предложил мой товарищ.

В тот же миг мы залезли на дерево. Увидев нас, аистята заволновались, засуетились, чуть из гнезда не попадали.

Но вот один из них заметил в руках у меня рыбешку. Аистенок потянулся к ней, схватил и проглотил. Другие сейчас же последовали его примеру.

Мы отдали аистятam всю нашу рыбу, слезли с дерева и тут только увидели старого аиста. Он поспешно подлетел к гнезду и стал беспокойно осматривать, все ли там в порядке.

С этих пор мы каждый день начали кормить аистят: ловили специально для них рыбок и лягушек.

Аистята очень быстро смекнули, в чем дело. Как только мы влезали на дерево, они все разом тянули к нам из гнезда свои длинные шеи и раскрывали рты, прося, чтобы мы их накормили.

Наконец наши питомцы совсем выросли. Они покрылись перьями и начали вылетать из гнезда. И тут нам от них просто житья не стало — аистята не давали нам проходу. Стоило только показаться на дворе, как они слетали с гнезда и опрометью бросались к нам, требуя еды.

А взрослый аист как будто понял, что и без него дело обойдется: все реже и реже приносил детям корм. Большую часть дня он или бродил по болоту, поедая лягушек, или дремал на дереве возле гнезда. Аист дремал на дереве, а в это время аистята гонялись за нами по двору, требуя еды.

Однажды они увязались с нами на болото. Там было много лягушек. Аистята начали ловить их сами и вовсе забыли про нас. С этого дня они каждое утро стали летать на болото — охотиться за лягушатами и другой добычей.

Лето кончалось. Все аисты собирались в стаи, готовясь к отлету. Наши тоже перестали ночевать на дереве у гнезда — наверное, примкнули к какой-нибудь стае, и мы уже начали забывать о своих питомцах.

Но вот как-то раз идем мы с рыбной ловли домой. Смотрим — по лугу разгуливает стая аистов. Заметили нас, насторожились — сейчас полетят. Вдруг видим — от стаи отделяются три аиста и направляются прямо к нам.

— Да это же наши аистята!— обрадовались мы и начали манить их рыбой.

И вот эти большие дикie птицы подбежали к нам, захлопали крыльями, засуетились — так и хватают рыбу из рук!

Схватит рыбешку клювом, подбросит вверх, перехватит поудобнее и проглотит, а потом от удовольствия даже голову на спину закинет и клювом защелкает.

Наши аисты рыбу из рук едят, а вся стая издали смотрит. Шеи вытянули, глядят — ничего, видно, понять не могут.

Наелись аистята, клювами в благодарность похлопали и обратно к стае вернулись. А мы домой пошли.

Больше мы их не видели.

Холодно стало. Улетели они на теплый юг.

Барсучонок

Однажды мама позвала меня:

— Юра, иди скорее, посмотри, какого я бутузика принесла!

Я опрометью бросился к дому. На крыльце стояла мама, она держала сплетенную из прутьев кошелку. Я заглянул внутрь. Там на подстилке из травы и листьев копошился кто-то толстенький, в серебристой шерстке.

— Кто это, шенок?— спросил я.

— Нет, зверек какой-то,— ответила мама,— а какой, не знаю. Я сейчас у ребятишек купила. Говорят, из леса принесли.

Мы вошли в комнату, подошли к кожаному дивану и осторожно наклонили набок кошелку.

— Ну вылезай, малыш, не бойся!— предложила мама зверьку.

Он не заставил себя долго ждать. Из кошелки показалась продолговатая мордочка с черным носиком, блестящими глазками и очень маленькими стоячими ушками. Мордочка у зверька была презабавная: верхняя и нижняя ее части — серенькие, а посредине от носа к ушам тянулись широкие черые полосы. Похоже было на то, что зверек надел черную маску.

Оглядевшись по сторонам, малыш не спеша, вперевалочку выбрался из кошелки.

Какой же он был занятный! Очень толстенький, настоящий бутузик. Шерстка светлая, серебристая, а ножки темные, словно он нарядился в черные сапожки и черные варежки.

— Хвост он поджал или совсем без хвоста?— заинтересовался я.

— Нет, видишь, коротенький хвостик есть,— ответила мама.

Мы с любопытством разглядывали незнакомого зверька. А он, наверное, с неменьшим любопытством разглядывал нас и вообще все, что его окружало. Потом малыш, не торопясь, зашагал на своих коротеньких ножках по дивану. Обошел, обнюхал все кругом и даже попытался передней лапкой поскрести складку кожи между сиденьем и спинкой дивана. «Нет, это не земля, раскопать тут ничего не удастся». Зверек присел по-щеничьи в уголке дивана и доверчиво, совсем не враждебно поглядел на меня. Кажется, хотел спросить: «А что же будет дальше?»

Мама достала из буфета пузырек с соской и налила туда молока. Из этого самого пузырька в прошлом году мы кормили зайчонка, который жил у нас в доме.

— Ну-ка, попробуй,— сказала мама, поднося молоко зверьку.

Малыш сразу смекнул, в чем дело, всю соску в рот забрал. Уселся поудобнее, привалился к спинке дивана и даже глаза зажмурил от удовольствия. Наевшись, зверек тут же, на диване, свернулся клубочком и заснул.

Мама ушла по своим делам, а я взял толстую книгу с картинками, где были нарисованы разные звери, стал рассматривать их, искать, на кого похож этот зверек. Смотрел, смотрел, так и не нашел ничего похожего. Насилу дождался, пока папа с работы пришел.

Тот взглянул на зверька и сразу узнал.

— Это барсучонок,— весело сказал он,— хороший зверек! К людям быстро привыкает. Будешь за ним ухаживать, кормить его, он за тобой, как собачонка, бегать начнет.

Мне это очень понравилось, я решил сам ухаживать за зверьком, никому не давать. И кличку ему тоже сам придумал. Назвал я его Барсиком.

Помню, я очень волновался, как-то примут Барсика старожилы нашего дома: кот Иваныч и отцовский охотничий пес Джек.

Знакомство состоялось в этот же день. Пока Барсик спал, свернувшись клубком на диване, Иваныч пришел с прогулки домой.

По привычке кот сразу же направился к дивану, вспрыгнул на него, хотел улечься и вдруг заметил спящего зверька.

«Кто такой?» Иваныч широко раскрыл глаза, растопырил усы и осторожно шагнул к незнакомцу. Шагнул еще, еще раз. Подошел вплотную и с опаской начал его обнюхивать. В этот момент Барсик проснулся. Но, по-видимому, Иваныч не показался ему страшным зверем. Барсучонок потянулся к нему и неожиданно лизнул Иваныча прямо в нос. Кот фыркнул, тряхнул головой, однако принял с одобрением дружеское приветствие. Он замурлыкал, выгнув спину, прошелся по дивану, потом снова подошел к барсучонку и улегся рядом, напевая свою обычную неторопливую песенку.

— Вот и познакомились, — сказала, входя в комнату, мама.

Так благополучно обошлось все при знакомстве барсучонка с Иванычем. Но с Джеком теплые, дружеские отношения у Барсика наладились далеко не сразу.

Я снял барсучонка с дивана, и он отправился разгуливать по полу, осматривая и обнюхивая все уголки.

Вдруг дверь распахнулась, и в комнату вбежал Джек... Он был большой, шумливый. От быстрого бега Джек запыхался, тяжело дышал, раскрыв свою зубастую пасть, будто готовясь разорвать кого-то. Барсик взглянул на пса и затрясся от страха: «Сейчас съест!»

Джек с изумлением взглянул на зверька, остановился посреди комнаты, склонил голову на один бок, на другой, потом завил хвостом и пошел знакомиться.

Но тут Барсик неожиданно весь распушился, стал совсем круглый, как серебряный шар. Начал подпрыгивать на одном месте, сердито фыркая и ворча.

На старой добродушной морде Джека выразилось явное недоумение: «Зачем он так скачет?» Пес перестал вилять хвостом, отошел в сторону и лег на солнышке, не обращая никакого внимания на незнакомого забияку. Он растянулся на полу и задремал.

Зато теперь уже Барсик заинтересовался большим добродушным Джеком. Как же хотелось барсучонку подойти и обнюхать его. И хочется, и боязно. Уж он ходил, ходил вокруг Джека, даже один раз осмелился приблизиться к его задней ноге.

В это время во сне пес немного подвинулся.

Барсик, как мяч, отскочил от него и вновь весь распушился. Так в этот день барсучонок и не решился подойти к Джеку. А тот больше и внимания на него не обращал: «Стоит ли заниматься такой мелюзгой!»

За свою долгую жизнь Джек уже привык к тому, что ни с того ни с сего у нас в доме вдруг появлялся зайчонок, ежик или лисенок, жил некоторое время, а потом исчезал: возвращался в родной лес. Эти появления и исчезновения давно уже перестали интересовать пожилого, солидного пса.

Первые два дня Барсик все присматривался к Джеку, но, видимо, побаивался к нему подойти. Окончательное знакомство состоялось только на третий день и совсем неожиданно.

За завтраком мама налила Иванычу в миску молока. Кот от угощения отказался.

— Тогда ты, Джек, поешь за него, — сказала мама.

Джек подошел к миске, начал осторожно лакать.

Неожиданно из-за двери показалась полосатая мордочка. Барсучонок потянул носом, почуял молоко и потихоньку бочком-бочком тоже направился к миске.

Заметя непрошеного соседа, Джек посторонился. Тогда Барсик сунул морду в молоко и давай тыкать носом в дно миски. Джека совсем от еды оттеснил. Зато сам кое-как прилачился и начал

лакать. Лакает, мордочкой в миску тычет, так и везет ее по полу. Возил, возил, пока не опрокинул и не разлил молоко. Тут уже Джек все подлизал, а заодно и мордочку барсучонку вылизал. Но зверек больше уже не дичился, не фыркал и не прыгал, как мячик.

После этого Барсик совсем перестал бояться Джека, даже наоборот — стал по пятам бегать за ним: куда Джек, туда и барсучонок. Наверное, он решил, что большой толстый пес сродни барсукам доводится.

Папа не ошибся: Барсик действительно очень скоро сделался ручным, как будто с самого рождения жил вместе с нами. Бывало, увидит меня, маму или отца, сразу бежит навстречу, мордочку в руки сует, просит, чтобы его чем-нибудь угостили.

Носик у него холодный, влажный, очень приятно, когда он им в ладонь тычет. Руку вынюхивает, а сам не то урчит, не то похрюкивает. Такой потешный!

Первое время барсучонок жил у нас в пустой кладовке. Но вскоре мы с папой устроили ему очень удобное жилище. Взяли фанерный ящик, выпилили в одной стенке круглое отверстие — вход, а внутри ящика наложили побольше свежего сена.

Барсиков домик я поставил в углу своей комнаты. Там зверек никому не мог помешать, и его никто бы не тревожил. Но понравится ли наше сооружение самому Барсику? Ведь в лесу он с рождения жил в глубокой норе. Мы с папой решили не сажать зверька насильно в ящик, а посмотреть, как он сам отнесется к такому убежищу.

Я принес барсучонка в комнату. Барсик проворно забегал по полу. По своему обыкновению, он стал залезать во все углы и все обнюхивать. Так он добрался до ящика. Барсик обошел вокруг, обследовал его со всех сторон и в нерешительности остановился перед входом: «Залезть или нет?» Зверек потоптался на месте, сунул мордочку в отверстие, обнюхал подстилку и, наконец решившись, быстро юркнул внутрь домика.

Мы с папой сидели тихонько, прислушиваясь к тому, как барсучонок ворочался в ящике, видимо, устраиваясь поудобнее. Наконец все затихло. Я на цыпочках подкрался к ящику и приоткрыл крышку. Барсучонка не было видно. Он совсем зарылся в сено. И все же зверьку не понравилось мое посещение. Барсик сердито заворчал и начал царапать когтями стенку ящика, очевидно, стараясь зарыться еще глубже.

Я поспешил закрыть крышку и отойти.

Новое жилище пришлось барсучонку как раз по душе. Он стал проводить в нем целые дни и очень сердился, когда кто-нибудь его там беспокоил.

С тех пор фанерный ящик, набитый сеном, с успехом заменил барсучонку его родную нору в лесу.

Когда Барсик не спал в своем домике, он повсюду бегал за мной. Я во двор, и он туда же, я в сад, и Барсик не отстает, спешит, переваливается с боку на бок, как толстый, неповоротливый шенок.

Сперва он никак не мог приспособиться по ступенькам с крыльца спускаться. Только наклонится, хочет передними лапами до следующей нижней ступеньки дотянуться, а толстый зад перевесит, он кувырком через голову раз, другой... и шлепнется прямо на землю. Но барсучонок не обижался, встряхнется и как ни в чем не бывало затопает лапками, засеменит ими по дорожке.

Только по гладкой песчаной дорожке бегать он не любил. Доберется до первой лужайки — и сразу в траву. Бегаёт по траве, роется в ней, все что-то отыскивает. А потом начнет лапками землю рыть. Выкопает корешок, отправит в рот, прямо как поросяенок, зачавкает.

Мне было очень интересно узнать, что же такое Барсик в траве находит? И вот один раз гляжу — ползет по стеблю какой-то жучок. Заметил его барсучонок, схватил и съел. Потом кузнечика поймал, тоже съел. Вот, значит, за кем он в траве охотится! А из земли он не только корешки выкапывал. Как-то на моих глазах выкопал белую личинку майского жука, в один миг с нею управился.

Вернулись мы с прогулки домой. Я рассказал отцу, как славно Барсик в саду закусывает. Но папа несколько не удивился.

— Барсуки, — говорит, — звери всеядные. Они и растительную, и животную пищу, все едят.

И Барсик очень скоро сам доказал, что он действительно всеядный зверек.

Вот как это случилось.

Собрались мы с папой рыбу ловить. Я накопал целую банку червей и поставил ее в уголок рядом с удочками, чтобы не забыть.

Пришел папа с работы, пообедал. Ну, пора и на рыбалку. Взяли удочки. А где черви? Банка лежит на боку, земля по полу рассыпана, и ни одного червяка. Кто же здесь находзяйничал? А виновник и сам тут как тут.

Глядим, из-под стола вылезает Барсик. Вся мордочка в земле. Выбежал — и прямо к банке. Лапами ее шевелит, внутрь заглядывает — не осталось ли там еще червячка?

Так в этот день без рыбалки мы и остались. Очень я горевал об этом, да ничего не поделаешь!

У нас в доме стало твориться что-то непонятное. Началось все с того, что из кухни вдруг исчезла половая тряпка. Обыс-

кали все комнаты, так и не нашли. Мама сердилась, говорила, что, наверное, это я ее куда-нибудь заташил и бросил.

Через несколько дней обнаружилась вторая пропажа. Проснулся я утром, хотел надеть носки, а их нет. Куда же они девались? Помню хорошо, что положил прямо на тапочки. Тапочки на месте, а носки пропали.

Потом у мамы чулок исчез. Один на полу возле постели лежит, а второго нет. Чудеса, да и только!

Слушая наши рассказы о загадочных пропаях, папа посмеивался.

— Вы скоро и шапку с головы потеряете!

И его предсказание сбылось. Через день из передней исчезла мягкая шляпа, только не наша, а папина.

Тут и отец удивился:

— Я вчера свою палку в угол поставил и на нее шляпу надел. А теперь палка на полу валяется, а шляпы вовсе нет.

Какой же такой жулик-шутник в нашем доме завелся?

Этого жулика в конце концов я и поймал. Вернее, он сам на месте преступления попался.

Как-то под утро, на рассвете, просыпаюсь и чувствую, что с меня простыня сползает. Хотел натянуть, а она еще дальше ползет. Что такое? Привстал, гляжу — у постели Барсик. Ухватил зубами простыню за самый конец и тянет ее. Я не стал мешать. Наблюдаю, что дальше будет. А Барсик тем временем стащил простыню на пол и поволок в свой домик. Влез в него и простыню начал туда же затаскивать. Половину втащил, а другая не входит, так на полу и осталась.

После этого случая мы открыли крышку в барсиковом домике, все его гнездо распотрошили и все пропавшие вещи там нашли. Видно, подстилка из сена ему не понравилась, захотелось по-лучше постель устроить. Вот он и стал по ночам разные мягкие вещи в комнатах подбирать, в свой домик прятать.

Сразу всех нас приучил ничего не разбрасывать из одежды и ничего мягкого на пол не класть. А если недосмотрел, пеняй на себя. Барсик живо найдет и к себе в домик на подстилку утащит.

Сидели мы как-то в столовой. Вдруг видим: с балкона в комнату Барсик входит, еле-еле идет.

Мы как взглянули на него, так и ахнули: кто же его так искусал, изранил! Вся мордочка, грудь и передние лапы в крови.

Папа из-за стола вскочил, побежал к себе в кабинет за бинтом, за ватой, а мама в кухню поспешила за теплой водой.

Взяли мы барсучонка на руки. А он — такой умница — и не сопротивляется, понимает, что ему зла не сделают, только тихонечко стонет. Мама его на колени посадила, гладит по спинке, успокаивает. Папа окунул вату в теплую воду, начал осторожно кровь с шерсти смывать. Провел по грудке, глядит на вату.

На ней что-то густое, красное, только на кровь не похожее.

Мама тоже на вату взглянула да как вскочит. Барсик, словно мешок, на пол свалился, только крикнул.

А мама на балкон побежала. Слышим, кричит оттуда:

— Ах, негодяй, все варенье разлил.

Тут только мы и вспомнили, что мама еще утром варенье сварила, на балкон остудить поставила. Вот Барсик и полакомился, да, видно, перестарался, даже раздулся весь и ходить не может, охает, стонет, бедняга.

Долго потом мама никак этот случай забыть не могла. Все сердилась, что и труды и варенье даром пропали.

И Барсик тоже, как видно, случай с вареньем запомнил. Частенько потом на балкон заглядывал. Наверное, думал: не найдется ли там еще тазик такой же вкусной еды?

Летом мы постоянно выезжали на дачу, брали туда с собой и Джека с Барсиком. Барсучонка я прямо в ящике на дачу возил.

Помню, как-то раз пошел я в лес за грибами. И Джек со мной отправился. Отошли немного от дома, гляжу — Джек обернулся, хвостом завилал. Я тоже обернулся и что же вижу? Следом за нами по дорожке Барсик бежит, торопится, спотыкается, такой смешной, науклюжий. Наверное, я калитку неплотно закрыл, вот он и выскочил. Как же быть? Домой отнести или с собой в лес взять? А ну-ка в лесу потеряется или убежит от меня?

Стою, не знаю, что и делать. А Барсик к Джеку уже подбежал и следом за ним прямо в кусты. Вижу, от Джека далеко не убегает. Ну, будь, что будет. Возьму с собой.

В лесу Барсик от нас никуда не удирает, все по кустам лазил. Так мордочкой прошлогоднюю листву и ворошит, роется в ней, достает что-то.

А я гриб увидал, да не какой-нибудь, а гриб боровик. Стал тут же рядом искать — еще один из травы выглядывает. И еще, и еще... Шесть штук на одной полянке нашел. Занялся грибами, про Барсика совсем и забыл. Потом вспомнил — где же он? Джек неподалеку бегают, а Барсика не видать. Наверное, совсем убежал.

Я начал по кустам лазить, звать его: «Барсик, Барсик», — нет, не приходит.

Гляжу, за кустами овраг, глубокий, глухой, весь бурьяном зарос. Джек в овраг полез, я за ним. Смотрю, на склоне чья-то нора, должно быть, лисья. Только, видно, старая, около входа нет свеженарытой земли. И звериных следов не видать. Наверное, давно уже в этой норе никто не живет.

Но Джек, как подбежал, сразу сунул туда нос и хвостом завилал. Может, учуял кого?

А мне не до норы, не до диких зверей, я Барсика своего ищу. Стою на склоне оврага, а сам все кричу:

— Барсик, Барсик!

И вдруг вижу: из норы знакомая мордочка выглядывает. Прямо нос к носу с Джеком. Обнюхала приятеля и вновь под землей скрылась. Вот, значит, куда мой Барсик девался, в старую нору залез. Как же его оттуда выманить?

Уж я звал, звал и звать уморился. Нет, видно не вызову. В норе ему больше, чем у нас в ящике, понравилось. Напрасно мы только с папой трудились — для него домик устраивали.

Помню — мне так вдруг обидно стало, что я и грибы больше не захотел собирать. Позвал Джека и пошел домой.

Уже из леса вышел. Вдруг слышу — сзади топочет кто-то. Гляжу — Барсик нас догоняет. Совсем запыхался, насилу догнал. — Ах ты, толстушка этакий!

Подхватил его на руки, тяжелый он, еле до дома донес.

Дома ему сырого мяса дал и молока с булкой, с сахаром. Он ведь сладстена, сладкое очень любил.

Наелся Барсик и в свой ящик отдыхать залез.

После этой прогулки я уж его каждый раз в лес с собой брал. И каждый раз он непременно в старые норы заглянет. Посидит в них и вылезет. Я уж об этом не беспокоился.

Однажды ходили мы с Джеком и Барсиком по лесу. Я грибы собирал, Джек за птичками охотился, а Барсик разных жуков, червячков под опавшей листвой отыскивал. Долго бродили и выбрались наконец на полянку. Самое хорошее место посидеть, отдохнуть.

Уселся я под куст, хотел в корзине грибы перебрать. Джек возле меня в холодок улегся, а Барсика что-то не видно, может, опять какую-нибудь нору нашел и залез в нее. Нет, вон он шуршит в кустах. Выбрался из-под веток, подбежал к нам и вдруг начал носом водить: что-то учуял.

От нас прямо к дуплистому пню побежал. Мордой в дупло уткнулся и давай лапами труху разгребать.

Что там такое, я и не понял. Только слышу, как зажужжит, загудит кто-то. Смотрю: из дупла оса, другая, третья... целый рой. Все над Барсиком кружатся, жужжат, а ему хоть бы что. Он, значит, осиное гнездо заметил, разломал его, всех личинок поел. Осы ему не страшны — шерсть у него густая, попробуй ужаль его. Закусил и как ни в чем не бывало прямо ко мне. А осы за ним.

Я корзину с грибами бросил да бежать. Джек тоже удирать пустился.

И все-таки не удрали. Одна оса меня в шею ужалила, а другая Джека прямо в губу. Один Барсик не пострадал. Он личинками полакомился, а нам с Джеком за его лакомство расплатиться пришлось.

До сих пор не забуду, как я один раз испугался. Это случилось уже в конце лета. Мы с Барсиком возвращались из леса. Я шел по дорожке, а Барсик, как всегда, бегал тут же, в кустах.

Вдруг вижу — через дорожку переползает гадюка. Я хорошо знал, что гадюка змея ядовитая. Укусит и в ранку каплю яда выпустит. От этого будешь долго болеть, и даже умереть можно. Гадюку лучше не трогать. Увидишь — и отойди в сторонку. Она первая на тебя никогда не бросится.

Вот я и остановился, чтобы змея без помехи через дорожку переползла. Она бы и перебралась, да только откуда ни возьмишь — Барсик. Выскочил на дорожку. Я ему кричу: «Барсик, ко мне!» А он и слушать не хочет, прямо к змее бросился.

Гадюка зашипела, приостановилась, голову приподняла.

Барсик подскочил, хватить ее зубами поперек туловища. А она извернулась и прямо его за морду! Он даже головой затряс, но змеи не выпустил. Начал ее лапами мять. Совсем замаял, задушил.

Я ничего с ним поделывать не мог. Хотел было отнять змею, но куда там! Барсик заворчал на меня и прямо с добычей в зубах в кусты удрал. А там взял и съел ее.

Выбежал из кустов. Вижу — на морде капелька крови, наверное, от змеиного укуса. Да что там — укус, когда он всю змею вместе с ядом съел. Заболеет, думаю, и умрет.

Иду домой, а сам все оглядываюсь: бежит ли за мной Барсик, может, ему плохо? Нет, вижу, бежит, будто с ним ничего не случилось.

Так и домой вернулись. И дома он как ни в чем не бывало. Я прямо к папе.

— Беда, — говорю, — Барсик наш отравился.

— Чем отравился?

— Ядом. Он ядовитую змею съел.

— Ну, съел, — отвечает папа, — и на здоровье. Барсуки и ежи змей часто едят. Змеиный яд для них неопасен.

Однако я этому не совсем поверил. Весь день за Барсиком наблюдал. Не заболел ли он. Но Барсик был вполне здоров. Наверное, не отозвался бы и еще разок так же удачно за гадюкою поохотиться.

Лето кончалось. Наступала осень. Мы уже собирались уезжать с дачи в город. Но я немного заболел, и врачи сказали, что мне следует как можно дольше пробыть на свежем воздухе.

Погода стояла очень хорошая, совсем как летом, и я целые дни пропадал в лесу.

Там уже стали вянуть и опадать листья с деревьев и появилось много новых грибов — осенних опёнков.

Они росли целыми семьями возле старых, трухлявых пней, а то и на самих пнях. Я собирал опёнки в кошелку и с торжеством относил домой.

Мама мариновала их на зиму в больших глиняных банках.

Джек и Барсик всюду ходили вместе со мной. Барсик за лето так отъелся и разжирел, что походил больше на толстого поросенка. Бегать ему стало трудно, он трусил не спеша, вперевалочку. Теперь Барсик все чаще и чаще убегал от нас с Джеком в заросший овраг. Он залезал в нору и выгребал оттуда целые кучи земли. А потом начинал сгребать опавшую листву, мох и все это затаскивал в нору. Можно было подумать, что он готовит себе на зиму уютное, теплое убежище.

Один раз Барсик даже ночевать в норе остался. Сколько я его ни звал, он в этот день не захотел вылезать.

Я очень тогда огорчился: «Неужто Барсику плохо у нас живется?»

Но на следующий день, когда мы с Джеком пришли к лесному оврагу, Барсик сейчас же вылез из своей норы и вместе с нами вернулся домой.

Было все время тепло, а потом вдруг сразу похолодало. Подул северный ветер, небо затянули тучи, из них стали падать на землю первые снежинки.

Дома мне сидеть не хотелось, было скучно. Я одел теплую куртку и пошел в лес. Но и там оказалось не веселее. Ветер раскачивал верхушки деревьев, и с веток на землю падали последние листья.

Барсик сразу удрал от меня, конечно, опять забрался в нору и опять в этот день не пришел ночевать.

А наутро выглянул я в окно и глазам не поверил: вся земля покрыта белым, только что выпавшим снегом.

В доме было холодно, затопили печку. Мама сказала, что пора уезжать в город.

— А как же Барсик?

— Да очень просто, — ответила мама. — Твой Барсик, наверное, уже заснул на всю зиму в своей норе. Там он и проспит до самой весны. А весной приедем опять сюда на дачу, он к тому времени проснется и прибежит тебя встречать.

На следующий день мы уехали в город.

Но с тех пор Барсика я уже никогда не видел. Наверное, за зиму он совсем отвык от людей, одичал и остался жить в лесу, в своей глубокой норе.

Заботливая мамаша

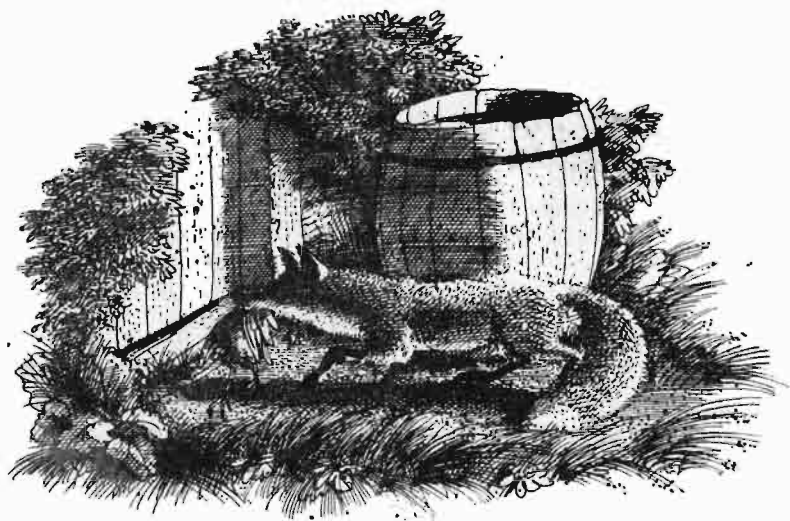
Как-то раз пастухи поймали лисенка и принесли его нам. Мы посадили зверька в пустой амбар.

Лисенок был еще маленький, весь серый, мордочка темная, а хвост на конце беленький. Зверек забился в дальний угол амбара и испуганно озирался по сторонам. От страха он даже не кусался, когда мы его гладили, а только прижимал уши и весь дрожал.

Мама налила ему в мисочку молока и поставила тут же рядом. Но напуганный зверек молоко пить не стал. Тогда папа сказал, что лисенка надо оставить в покое — пусть оглядится, освоится на новом месте.

Мне очень не хотелось уходить, но был уже вечер и пора было спать. Папа запер амбар, и мы пошли домой.

Ночью я проснулся. Слышу, где-то совсем рядом твюкает и скулит щенок. Откуда же, думаю, он взялся? Выглянул в окно. На дворе уже светало. Из окна был виден амбар, где находился лисенок. Оказывается, это он так по-щенячьи скулил.

Прямо за амбаром начинался лес.

Вдруг я увидел, что из кустов выскочила лисица, остановилась, прислушалась и, крадучись, подбежала к амбару. Сразу твюканье прекратилось и послышался радостный визг.

Я потихоньку разбудил маму и папу, и мы все вместе стали глядеть в окно.

Лисица бегала вокруг амбара, пробовала подрывать землю под ним. Но там был крепкий каменный фундамент, и лиса ничего не

могла сделать. Вскоре она убежала в кусты, а лисенок опять начал громко и жалобно скулить.

Я хотел караулить лисицу всю ночь, но папа сказал, что она больше не придет, и велел ложиться спать.

Проснулся я поздно и, одевшись, прежде всего поспешил навестить лисенка. Что такое?.. На пороге возле самой двери лежал мертвый зайчонок.

Я побежал к папе и привел его с собой.

— Вот так штука!— сказал папа, увидя зайчонка.— Это, значит, мать-лиса еще раз приходила к лисенку и принесла ему еду. Ну и заботливая мамаша!

Весь день я вертелся около амбара, заглядывал в щелки и два раза ходил с мамой кормить лисенка. А вечером я никак не мог заснуть, все вскакивал с постели и смотрел в окно — не пришла ли лисица.

Наконец мама рассердилась и завесила окно темной занавеской.

Зато утром я поднялся чуть свет и сразу побежал к амбару. На этот раз на пороге лежал уже не зайчонок, а соседская курица. Видно, лиса ночью опять приходила проведать лисенка. Добычу в лесу ей поймать для него не удалось, вот она и залезла к соседям в курятник, задушила курицу и принесла своему детенышу.

За курицу папе пришлось заплатить, к тому же здорово досталось от соседей.

— Убирайте лисенка куда хотите,— кричали они,— а то с ним лиса всю птицу у нас переведет!

Делать было нечего, папа посадил лисенка в мешок и отнес его назад в лес, к лисьим норам.

С тех пор лиса в деревню больше не приходила.

Догадливая пичужка

В детстве у нас было так заведено: как наступит осень, мы и начинаем ловить птиц для своего живого уголка. Много птиц за осень и зиму наловим и рассадим по клеткам.

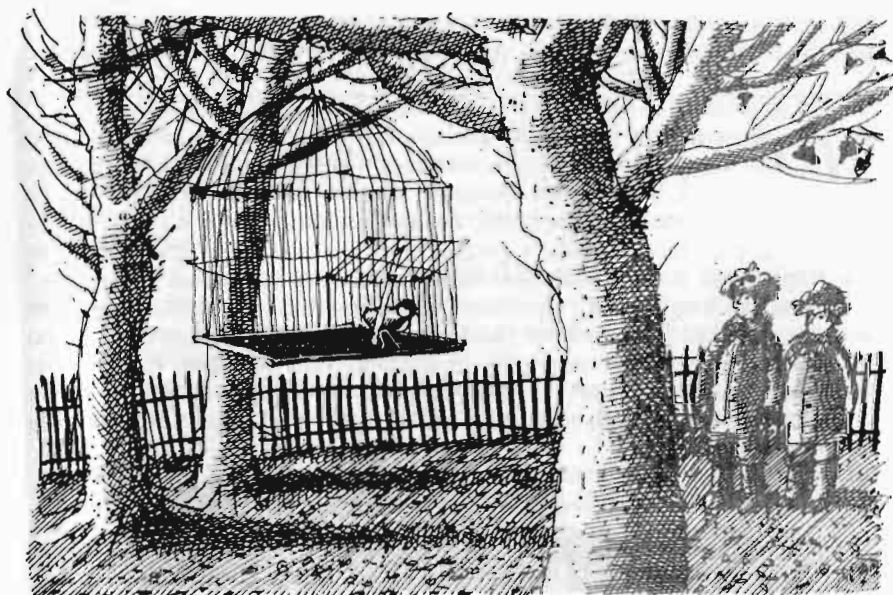
А весной, только пригреет солнце, побегут по дорогам веселые ручьи — тут мы вынесем все клетки во двор, раскроем дверцы и выпустим птичек на свободу: летите в рощи, в леса, вейте гнезда, выводите птенцов, а осенью опять возвращайтесь к нам на зимнюю квартиру.

Разные птички у нас в клетках зимовали: синицы, щеглы, снегيري. Ловили мы их западной. Это небольшая клеточка, только дверца у нее устроена, как у мышеловки.

Вот мы, бывало, откроем западню, а ко входу ее палочку-сторожок приставим, чтобы он не давал дверце захлопывать-

ся, внутрь конопляных семян насыплем и повесим на сучке дерева.

Прилетят в сад какие-нибудь птички, сядут на дерево, где западня висит, и увидят в ней зернышки. Подлетят к западне, ползут внутрь, чтобы зерна клевать, сторожок зацепят — дверца за птичкой и захлопнется.

Один раз попалась нам в западню синица, да только какая-то бесхвостая. Взяли мы ее и выпустили. А через несколько дней она опять попалась. Мы ее снова выпустили. Так она за неделю несколько раз в нашей западне побывала. Прыгает, зернышки поклевывает, будто она на воле, а не в запертой клетке. Такая уж, видно, смелая! Может, раньше где-нибудь в клетке жила, вот и привыкла. И презабавная была пичужка: без хвостика, совсем кругленькая, как пушистый шарик. Важно так в клетке сидит, словно у себя дома.

Мы уж и не знали, что с ней делать. Как в сад ни придем — западня закрыта, а в ней бесхвостая синица сидит, зерна клюет. Не дает нам других птичек ловить, да и только.

А потом вдруг перестала прилетать.

Мы думали, не случилось ли что-нибудь с нашей старой знакомой, даже пожалели, что ее к себе домой не взяли.

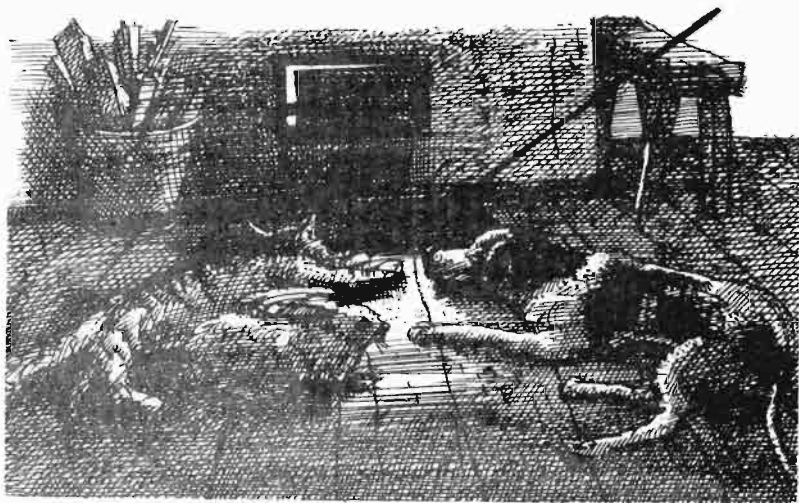
Только однажды утром приходим в сад, смотрим, а наша бесхвостая синичка около западни с ветки на ветку перелетает. Затем на крышку западни уселась, с крышки на дверцу перелетала, а с дверцы прыг прямо в западню, да так ловко, что сторожок и не задела.

Стоим мы под деревом и смотрим, что же дальше будет. Наклевалась синичка досыта конопля, прыг из западни на дверцу и опять сторожок не задела. Посидела на дверце, почистила клювик, отряхнулась и улетела. Вот ведь какая догадливая: значит, смекнула, как ей в западню лазить, чтобы дверцу не захлопывать. Так всю зиму у нас и прокормилась.

Ушан

Охотиться я начал очень рано. Когда мне исполнилось двенадцать лет, папа подарил мне ружье и стал брать с собой в лес и на болото.

Вот как-то осенью возвращались мы с охоты. Слез я с телеги и пошел рядом — ноги размять. А проезжали мы через лесок. Вся дорога была завалена желтыми листьями: они лежали толстым пушистым слоем, шуршали под ногами. Так я и шел, глядя под ноги, и гнал перед собою большую пушистую волну листьев. Вдруг вижу — на дороге меж листьев что-то темнеет. Нагнулся, смотрю — зайчонок, да такой маленький! Я так и ахнул: ведь только что здесь телега проехала, как же она зайчонка не раздавила?

— Ну, — говорю, — видно, такой ты, зайка, счастливый!

Взял я его на руки, он съежился на ладони, сидит дрожит, а бежать и не собирается. «Возьму-ка, — думаю, — его к себе домой, может, он у меня и выживет, а то все равно погибнет — уж очень поздно родился. Ведь скоро зима настанет, замерзнет,

бедняга, или попадет лисе на завтрак». Настелил я в охотничью сумку листьев, посадил туда зайчонка и привез домой.

Дома мама налила в блюдечко молока, предложила зайке. Только он пить не стал — мал еще, не умеет. Тогда мы взяли пузырек, вылили туда молоко, надели на пузырек соску и дали зайчонку. Он понюхал соску, поводит усами. Мама выдавила из соски каплю молока, помазала зайчонку нос. Он облизнулся, приоткрыл рот, а мы ему туда кончик соски и всунули. Зайчонок зачмокал, засосал да так весь пузырек и выпил.

Прижился у нас зайка. Прыгает по комнатам, никого не боится.

Прошел месяц, другой, третий... Вырос наш заяц, совсем большой стал, и прозвали мы его Ушан. Жить он устроился под печкой. Как испугается чего-нибудь — прямо туда.

Кроме Ушана у нас жили старый кот Иваныч и охотничья собака Джек.

Иваныч с Джеком были самые большие приятели. Вместе ели из одной чашки, даже спали вместе. У Джека лежала на полу подстилка. Зимой, когда в доме становилось холодно, придет, бывало, Иваныч и пристроится к Джеку на подстилку, свернется клубочком. Джек сейчас же к нему: уткнется своим носом Иванычу прямо в живот и греет морду, а сам дышит теплотепло, так что Иваныч тоже доволен.

Когда в доме появился заяц, Иваныч на него не обратил никакого внимания, а Джек сначала немножко беспокоился, но скоро тоже привык, а потом все трое очень подружились.

Особенно хорошо бывало по вечерам, когда затопят печку. Сейчас же все они к огоньку — греться. Улягутся близко-близко друг к другу и дремлют. В комнате темно, только красные отблески от печки по стенам бегают, а за ними черные тени, и от этого кажется, что все в комнате движется — и столы и стулья будто живые.

Дрова в печке горят-горят, да вдруг как треснут — и вылетит золотой уголек. Тут друзья от печки врассыпную. Отскочат и смотрят друг на друга, точно спрашивая: «Что случилось?» Потом понемножку успокоятся — и опять к огоньку.

А то затеют игру. Начиналось это всегда так. Вот лежат они все трое вместе, дремлют. Вдруг Иваныч Ушана легонько лапой хват! Раз тронет, другой... Заяц лежит-лежит, да вдруг как вскочит — и бежать, а Иваныч — за ним, а Джек — за Иванычем, и так друг за дружкой по всем комнатам. А как зайцу надоест, он марш под печку, вот и игра конец.

Перед тем как улечься спать, Ушан каждый раз следы свои запутывал. На воле заяц всегда так делает: начинает бегать в разные стороны — то направо побежит, то налево. Если на снегу посмотреть заячий след, так и не разберешь, куда заяц ушел. Недаром такие следы называются «заячьи петли». Наткнется охотничья собака на заячьи петли — пока разбирается, ходит по следу туда-сюда, а заяц уже давно услышал ее и убежал.

Вот и наш Ушан, прежде чем залезть под печку, старался следы свои запутать. Бывало, прыгает взад и вперед по комнате, выделяет свои заячьи петли, а тут же на ковре дремлет охотничья собака Джек и посматривает на него одним глазом, будто смеется над глупым зайцем.

Так прожил у нас Ушан всю зиму. Настала весна, дружная, теплая... Не успели оглянуться, как уже зазеленела трава. Решили мы Ушана в лес, на свободу выпустить.

Посадил я его в корзинку, пошел в лес и Джека с собой взял — пусть проводит приятеля. Хотел и Иваныча в корзинку посадить, да уж очень тяжело нести; так и оставил дома.

Пришли мы в лес, вынул я Ушана из корзинки, пустил на траву. А он и не знает, что дальше делать, не бежит, припал к земле, только ушами шевелит.

Тут я хлопнул в ладоши. Заяц прыг-прыг! — и поскакал к кустам, Джек увидел — скорей догонять.

А Ушан все в лес не убегает, скачет вокруг куста, и Джек за ним так и носится, будто дома.

«Вот, — думаю, — по кустам-то лучше друг за другом гоняться, чем по комнатам».

Я на зайца кепкой махнул, кричу:

— Беги в лес, косою! Чего здесь вертишься?

Ушан испугался, поскакал в лес, и Джек следом за ним припустился.

Подождал я — Джек не возвращается. Только вдруг слышу в лесу заячий крик. Я на крик бросился, добежал, гляжу — а уж Джек держит в зубах Ушана.

Я — на помощь:

— Брось! Что ты делаешь? Ведь это наш Ушан!

А Джек смотрит на меня и хвостом виляет, будто хочет сказать: «Я же тебе зверя поймал, а ты на меня кричишь».

Видно, не узнал он в лесу Ушана, да и схватил, как обыкновенного дикого зайца.

Отнял я Ушана, посадил на траву, а сам Джека за ошейник держу, не пускаю.

Тут и заяка, наверное, смекнул, что в лесу с собакой не поиграешь. Прижал уши — и марш в кусты. Только мы его с Джеком и видели.

Носатик

Лес уже сбросил листву. Дни наступили пасмурные, но тихие, без ветра, настоящие дни поздней осени. В такую пору хорошо надеть теплую куртку, высокие сапоги, взять ружье и отправиться на охоту.

Есть что-то особенно привлекательное в этих тусклых осенних днях. Идешь по лесной тропинке среди молодых березок,

дубов, осинок, среди кустов орешника. Кругом тишина — ни пения птиц, ни шороха листьев, только изредка упадет на землю тяжелый созревший желудь.

На голых сучьях повисли капли росы — следы ночного тумана. Природа как будто задумалась, будто ждет прихода зимы, ждет, когда мягкие хлопья снега укроют всю землю и нарядят в пушистую шубу голый прозябший лес.

А пока что стоит он, хмурый и прозрачный. Далеко видно кругом сквозь тонкий узор голых веток.

Легко дышит осенней свежестью грудь, и невольно тянет идти все дальше и дальше вперед по влажной, укрытой желтой листвой тропинке. Идти и поглядывать по сторонам на последние уцелевшие на ветвях бурые листья, на огромные, совсем разбухшие от старости и дождей грибы шляпки, и слушать, слушать до звона в ушах эту чуткую тишину осеннего леса.

Не раз приходилось бродить мне с ружьем в такие деньки, разыскивать с помощью моей собаки Каро затаившихся под кустами длинноносых лесных куликов-вальдшнепов.

Поздняя осень — самое время для такой охоты. Готовясь к отлету в южные страны, лесные длинноносики выбирают из глухой чащи на более открытые места: опушки, поляны. В эту пору вальдшнепов в наших лесах становится значительно больше. К местным птицам присоединяются еще пролетающие из северных мест.

Пока стоят теплые дни, вальдшнепы не торопятся улетать на юг и гостят у нас. В иные дни их бывает так много, что собака делает стойку почти под каждым кустом. Осеннее скопление

вальдшнепов у охотников называется высыпкой. Птицы и вправду как будто высыпали откуда-то и рассыпались по всему лесу. Пройдет день-другой, и в тех же местах не найдешь ни одного долгоносика: значит, уже улетели дальше к югу.

Летят вальдшнепы не днем, а ночью. Поэтому не увидишь, когда они успели исчезнуть из наших мест.

Так и со мной однажды случилось. Еще накануне я попал на хорошую высыпку, а через день — хоть шаром покати — ни одного вальдшнепа не найду. Облазили мы с Каро все заветные уголки — пусто. Ничего не поделаешь — значит, ночью отбыли. Так и пошли мы домой ни с чем. Вышли на широкую просеку. Каро не спеша трусил впереди.

Вдруг пес метнулся в сторону, будто кто-то невидимый дернул его за шею, метнулся и замер в стойке.

Я сразу понял: Каро с ходу почуял дичь. Это ее манящий запах как магнит притянул к себе пса и заставил застыть на месте. Я приготовился к выстрелу.

— Вперед!

Собака сделала шаг, другой и вновь замерла. А птица все не вылетает.

Подхожу ближе.

— Ну, вперед же!

Каро дрожит от волнения, припал на все четыре лапы, словно готовясь к прыжку, но не двигается.

— Да где ж она? Выгоняй скорее!

От возбуждения Каро совсем припал к земле.

Гляжу: прямо перед его мордой среди листвы какой-то пестрый комочек. Вальдшнеп. Сидит и не шелохнется.

Бедный старый Каро! Какие муки переживает он в эти секунды! Ведь прямо в нос ему ударяет крепчайший запах дичи. Каро не только чует, он видит дичь. Глаза его широко раскрыты и устремлены в одну точку.

А вальдшнеп сидит все так же неподвижно, будто неживой.

Я наклоняюсь, протягиваю к птице руку.

Пестрый комочек вмиг оживает. Птица вскакивает и неуклюже бежит в кусты. Тут Каро не выдерживает. Прыжок — и носатый беглец уже схвачен.

Но ведь это же преступление, преступление против собачьей науки: схватить дичь без разрешения хозяина!

Каро и сам чувствует всю тяжесть такого проступка.

Он виновато глядит на меня, виляет хвостом, но вальдшнепа не выпускает. Каро держит его так осторожно, что не придавит, не сомнет ни одного перышка.

— Что же ты наделал? — с напускной суровостью говорю я. — Ай-яй-яй! Давай-ка его сюда!

Пес сразу чувствует, что я не очень сержусь, — значит, все хорошо. Он подбегает ко мне, сует в руки свою добычу.

Я беру вальдшнепа и внимательно осматриваю: «Почему же он не взлетел? Может, повреждены крылья? Нет, все в по-

рядке. И не больной. Ишь какой толстый, прямо весь налитой. В чем же тут дело?»

На груди у птицы перья взъерошены. Осторожно раздвигаю их. На теле синий кровоподтек, как от ушиба. Скорее всего, на лету вальдшнеп обо что-то сильно ударился.

Я оглядываюсь по сторонам. Вдоль просеки тянутся телеграфные провода. Вот и разгадка. О такие провода в темные ночи нередко разбиваются перелетные птицы. Я еще раз осматриваю своего пленника. Кости целы, значит, только ушибся. Это скоро пройдет.

Я решил на день-другой взять носатого путешественника к себе на дачу. Пусть посидит пока, оправится, а то здесь, в лесу, его мигом разыщет лисица.

Принес я вальдшнепа и посадил в просторный фанерный ящик; сверху закрыл мягким платком, чтобы он головку себе не разбил, если начнет взлетать и биться. Но вальдшнеп оказался на редкость спокойным. То ли он от ушиба еще не оправился, то ли уж такой непугливый попался.

В ящик я поставил поилку с водой, настелил моху и побольше сырой опавшей листвы — целую кучу из леса принес. В листве всякие червячки, жучки, личинки водятся. Вальдшнепы их всегда оттуда добывают, этим питаются. Я постарался создать своему носатику привычную для него обстановку.

В первый день он ничего не ел, не пил, все в уголке сидел нахохлившись. А на второй день начал по ящику расхаживать. Заглянул я в щелочку: вижу — бродит мой вальдшнеп по листьям, степенно так расхаживает. Потом запустил в них клюв и ну давай в листве копать. Что-то нашел, съел и вновь за свое принялся. Комично так у него получается. Нос длинный, прямой, он им, как палочкой, листву ворошит. Вот опять схватил что-то. Гляжу — вытащил червяка, хотел проглотить, приподнял голову, а на носу лист нанизан. Как тут быть?! И червяка упустить не хочется, и лист с носа не сбросишь. Потряс головой — ничего не выходит. Потом опустил клюв, наступил лапой на лист, сразу стащил, а червяка все же не отпустил — съел его. Видно, дело на поправку пошло.

Еще денек продержал я в ящике крылатого пациента, а потом посадил в кошелку и в лес отнес.

Несу, а сам думаю: «Полетит или нет? Может быть, у него что-нибудь повреждено? Ну что же, если не полетит, пусть тогда живет у меня в ящике. Только какая же это жизнь для лесной вольной птицы?»

Принес своего носатика на поляну, открыл кошелку: «Лети куда хочешь!»

Вальдшнеп долго мешкать не стал — взмахнул крыльями и полетел. Так и замелькал среди тонких голых березок.

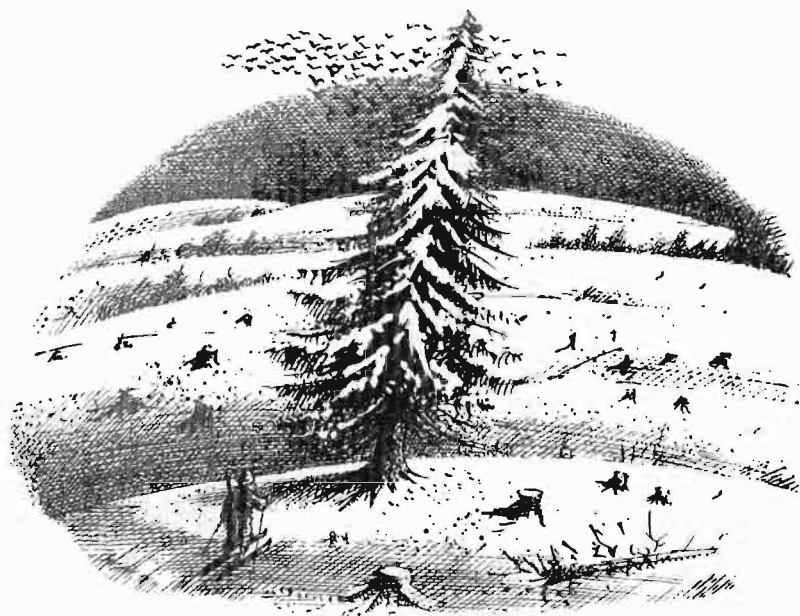
— Прощай, носатик! Будь осторожней, на проволоку не налей. Да еще вот что запомни: не попадайся мне под ружье. Лежачего я не бью, а уж коли взлетел, тогда держись!

Мать и кормилица

На лесной поляне растет огромная старая ель. Ее вершина высоко поднялась над другими деревьями, будто смотрит через их головы куда-то вдаль, на холмы и долины, на поля и луга... на бескрайний простор родной земли. Кто знает, сколько лет этому дереву: может, двести, триста, а может, и больше.

Когда-то давным-давно эта ель была не одна посреди поляны, а в тесной семье таких же молодых елочек, как и она сама. Все они росли дружно, крепко прижавшись друг к другу.

Так проходили годы. Ели разрастались, мужали. Их уже нельзя было назвать молодыми. Стволы у них загрубели, покрылись твердой шероховатой корой, а нижние сучья засохли, пообломались, оставив после себя узловатые выросты. Еловый лес созрел, вошел в полную силу.

Но далеко не все елочки дожили до этого возраста. Многие из них давно уже зачахли, погибли, зато те, что остались, шире раскинули ветви и все выше и выше поднимали к небу свои вершины.

Ветви соседних деревьев почти смыкались друг с другом, поэтому на земле под ними всегда, даже в жаркие летние дни, было сумрачно и прохладно. Там не росли ни травы, ни цветы, а всю землю будто ковром устилал влажный мох.

Однажды зимою в лес пришли люди. Загудели пилы, застучали топоры. Деревья начали падать в глубокий снег.

Потом люди увезли срубленные елки, и на их месте остались широкие пни да зеленые груды веток.

Посреди вырубки стояла несрубленной только одна могучая ель. Люди оставили это прекрасное дерево, чтобы оно своими крылатыми семенами давало жизнь новому зеленому поколению.

И вот ель очутилась одна на просторной поляне. Лес от нее отступил. Теперь со всех сторон ее обдувал свежий ветер, и неяркое зимнее солнце, выглянув из-за туч, золотило своими лучами ее густую, темную крону.

И вновь потекли год за годом. Но как изменилось все кругом. Открытая, освещенная солнцем полянка из сырого хмурого моховика постепенно превратилась в зеленую луговину. Весною на ней выростала трава и первые цветы раскрывали свои лепестки. Бабочки и хлопотливые пчелы садились на них, пили из чашечек сладкий и душистый сок.

В весенние дни старая ель тоже начинала цвести. По бокам ее прошлогодних веток появлялись цветы, мелкие, розоватые, немного похожие на незрелую ягоду земляники. Позднее, когда в них созрела пыльца, они постепенно желтели.

Совсем другие цветы расцветали на самых кончиках молодых веток. Теперь эти веточки походили на зеленые свечи, горящие ярко-красными огоньками.

Старая ель как бы вновь молодела. Она стояла такая нарядная, вся в цвету. Легкий весенний ветер покачивал ее ветви, и вокруг них, как желтоватый дымок, курилось облако цветочной пыльцы.

Потом наступало лето. На земле вокруг старой ели, по всей полянке, возле засохших пней, поспевали ягоды земляники. И тогда в согретом солнцем воздухе разливался совсем особенный чудесный запах.

Лето шло, пожее лето с его прохладными росистыми зорями, с жаркими днями, с грозowymi ливнями, когда казалось, что все кругом утопает в неудержимом потоке светлых дождевых струй. А небо раскалывалось на части от оглушительных ударов грома.

В эти минуты старая ель, стоя вдаль от леса совсем одна, как могучий сказочный богатырь, принимала свою грудью неистовые удары ураганного ветра.

Но вот прекращалась гроза, проносилась туча, стихал ветер, вновь появлялось на небе солнце, и тогда высокая, стройная ель, вся усыпанная крупными дождевыми каплями, вспыхивала мириадами разноцветных огней. Она радовалась вместе со всей природой, что миновало ненастье, что вновь стало тепло и солнечно и земля досыта напилась дождевой воды.

А время не ждет. В густой кроне лип и берез уже появились первые желтые пряди. Значит, осень не за горами.

На лесной поляне вместо ярко-красных ягод земляники выросли круглые рыжеголовые грибы рыжики. И коренастый белый гриб, поднатужившись, приподнял над собой прелый покров прошлогодней листвы. А потом возле трухлявых пней, да и на самих пнях стали появляться целые семьи тонконогих опенков.

Осень чувствовалась повсюду. Птицы начали собираться в стаи. Целые скопища крикливых дроздов по утрам рассаживались на ветвях дерева и затевали невообразимую трескотню, будто переговаривались о том, что скоро уже придется им покидать родные края.

Старая ель тоже по-своему встречала осень. Правда, ее наряд оставался таким же зеленым, каким был и прежде, но зато на концах ветвей, там, где весной, как яркие огоньки, краснели цветы, теперь висели тяжелые шишки, и в них созревали уже семена. Ель как будто готовилась накормить ими в голодное зимнее время крылатых и четвероногих обитателей леса.

Наконец наступила зима. Холодным покровом снега и льда укрыла всю землю, далеко запрятала под свой покров уцелевшие ягоды, семена трав... все, чем кормились птицы и звери.

Голодно стало в лесу. Где же раздобыть еду тем, кто не улетел в южные страны и не заснул на всю зиму глубоко в сном?

Выскочила на лесную поляну пушистая белка, взглянула зорким глазком на старую ель: «Сколько чудесных шишек висит на концах ее ветвей! В них, наверное, спрятаны вкусные семена». Мигом забралась белка на дерево, взяла шишку в передние лапы и принялась за еду.

И пестрый дятел летит из леса прямо к высокой ели — тоже спешит за шишками. Выбрал, какая поплотней, порумяней, сорвал своим крепким клювом и обратно в лес полетел к заветному дереву. Там у дятла столовая — расщелинка в стволе. В нее он вставляет принесенные шишки, долбит их, выбирает из-под чешуек вкусные семена.

Улетел дятел в лес, а у ели уже новые гости. Целая стайка клестов с веселыми криками опустила на ветки дерева. Уцепились клесты острыми коготками за шишки, повисли на них, раскачиваются, как на качелях, а сами засовывают под чешуйки свои кривые носы, будто щипцами достают ими одно семечко за другим.

Торопятся клесты, какое семечко проглотят, а какое уронят. Вон сколько семян на снегу рассыпано! Что ж, и они не пропадут: их охотно склюют те птички, у кого клюв не такой крепкий, как у дятла или клеста. Эти птицы с земли упавшие семечки подберут и тоже сыты будут.

Немало лесных обитателей кормит зимою старая ель, большую пользу лесу приносит. Значит, не даром висят на ее ветвях тяжелые грозди созревших шишек, не даром под их чешуйками кроются вкусные семена. Старая ель — это кормилица многих птиц и зверей.

Но не для них растит дерево свои семена, есть у него забота и поважнее. Не все шишки распотрошат за зиму белки, дятлы,

клеты... Некоторые и уцелеют, сохранятся в них и крылатые семена. А ранней весной, только луч солнца пригреет дерево, глядь, а шишки уже приподняли свои чешуйки, будто открыли крохотные дверцы. И вот из них вылетают одно за другим легкие крылатые семена. Закружились в воздухе и полетели куда-то вдаль.

Попадет семечко во влажную землю, прорастет, даст жизнь новому деревцу. Много их уже поднимается, растет возле старой ели. Пока они еще маленькие, стараются спрятаться куда-нибудь в тень, под кусты, под другие деревья, а потом подрастут, войдут в силу да и обгонят тех, под чьим покровом они провели свое раннее детство.

Так и живет старая ель год за годом, век за веком. Зимой кормит она семенами лесных птиц и зверей, а весной дает жизнь новому зеленому поколению.

Неожиданный помощник

Я путешествовал по Кавказу, знакомился с его природой, с его разнообразным миром растений и животных.

От маленькой железнодорожной станции Коджах я прошел вверх по долине реки Белой в глубину горных отрогов Кавказского хребта и добрался до поселка Гузерипль.

На самом берегу быстрой реки у подножия гор приютилось несколько красивых домиков — это управление северной части Кавказского заповедника. Здесь я и решил прожить недельку-другую, чтобы побродить в окрестностях по заповедным лесам. В этих лесах водится много интересных и ценных животных. В заповеднике они находят надежный приют и охрану человека.

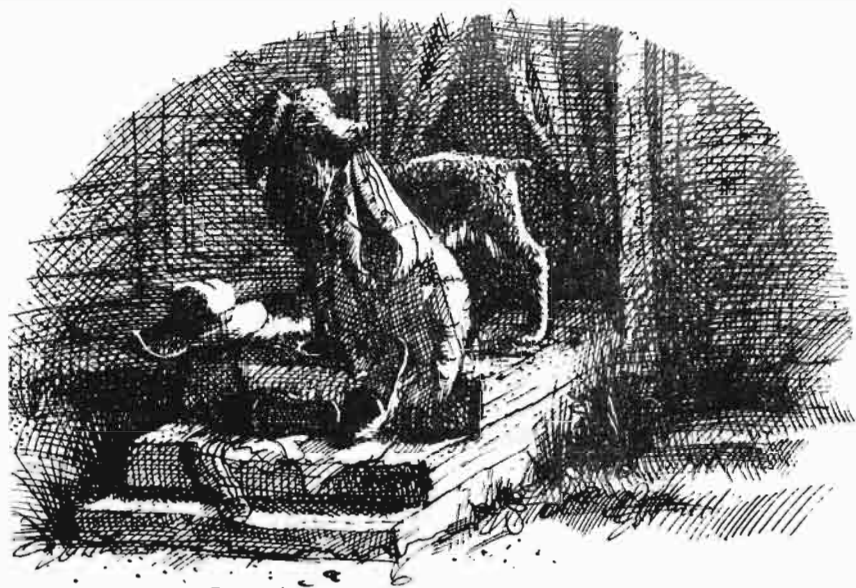
Но как же увидеть их среди дремучих зарослей, в особенности теперь, когда лес еще не сбросил листву? Кто поможет мне разыскать осторожную куницу или выпугнет из непролазной чаши редкую птицу — горного тетерева? Несколько раз я отправлялся бродить по окрестным горным лесам, знакомился с их чудесной растительностью, но, увы, всюду попадались на глаза одни только крикливые сойки, да изредка слышалась в лесу громкая стукотня хлопотливого дятла.

«Неужели же мне так и не удастся понаблюдать за обитателями этих заповедных мест? — с невольной досадой думал я, возвращаясь домой из лесу. — Неужели придется писать о зверях и птицах Кавказа, даже не повидав их, а только послушав рассказы местных охотников?» Писать с чужих слов было очень обидно, и я делал все новые и новые, но такие же безуспешные попытки.

Однажды после трудного путешествия по заповеднику я проснулся утром довольно рано. Солнце еще не поднялось из-за гор;

цепляясь за верхушки леса, плыли сизые клочья тумана. Но небо было ясным, безоблачным, обещало погожий день.

У крыльца, в палисаднике, цвело много цветов. Тут же на поляне стояло несколько ульев. Я смотрел, как из них вылезали первые пчелы. Они расправляли крылышки после ночи и потом быстро летели куда-то вдаль. А некоторые подлетали к ближайшим цветам и забирались в их чашечки, еще влажные от ночной росы.

Все кругом меня дышало теплом. Деревья возле дома только слегка начинали желтеть, будто в июле от сильной жары. Но стоило мне взглянуть вдаль на горы, и сразу становилось понятно, что это не лето, а осень. Внизу, у подножия гор, лес был еще сочно-зеленым, зато чем выше, тем больше в нем появлялось желтых и красных пятен, и наконец у самой вершины он уже весь сплошь был ярко-желтым, оранжевым. Одни сосны да пихты темнели густой зеленой щеткой. И за них цеплялись плывущие вверх клочья тумана.

Я так засмотрелся на эти горы, что даже вздрогнул, когда кто-то слегка толкнул меня в бок. Я обернулся. Возле меня на крыльце сидела собака, по виду помесь легавой с дворняжкой. Она виновато глядела мне прямо в глаза, слегка приседала на передние лапы и часто-часто стучала обрубком хвоста по доскам крыльца. Я погладил ее, и она, вся задрожав от радости, припала ко мне и лизнула руку влажным розовым языком.

— Ишь, без хозяина скучает,— сказал, останавливаясь у крыльца, старичок рабочий.

— А где же ее хозяин?

— Рассчитался и уехал домой, в Хамышки. А она, видно, отстала. Вот и не знает, куда голову приклонить.

— А как ее звать?

— Альмой,— ответил старик, направляясь к сараю.

Я вынес хлеба и покормил собаку. Она, видно, была очень голодна, но брала хлеб аккуратно и, взяв кусочек, убегала. Съест и опять вернется. А сама так и глядит в глаза, будто хочет сказать: «Покорми, мол, еще — очень есть хочется». Наконец она наелась и с наслаждением улеглась на солнышке у моих ног. С этого дня у нас с Альмой завязалась крепкая дружба. Бедняга, очевидно, признала во мне нового хозяина и ни на шаг не отходила от меня.

— Умный пес, ученый,— хвалили Альму в поселке.— По зверю и по птице может работать. Хозяин-охотник всему ее обучил.

Как-то раз мы с наблюдателем заповедника, Альбертом, решили подняться в горы. Альма, видя, что мы куда-то собираемся, взволнованно вертелась под ногами.

— Взять ее или не надо?— спросил я.

— Конечно, возьмем,— ответил Альберт.— Она скорее нас кого-нибудь из зверей или птиц разыщет.

Наши сборы были недолги. Захватили с собой бинокль, немного еды и двинулись в путь.

Альма весело бежала впереди, но далеко в лес не уходила.

Сразу же за поселком начался подъем. Зная, что я совсем не мастер лазать по горам, Альберт шел еле-еле, и все же мне казалось, что он бежит. Наконец, видимо, не в силах плестись так же, как я, мой спутник уселся на камень.

— Вы идите вперед,— сказал он,— а я покурю и вас догоню.

Так своеобразно проходил наш подъем. Я еле-еле плелся вверх, а Альберт курил, сидя на камне или на пне. Когда я уходил от него метров на сто, на двести, он поднимался и в несколько минут догонял меня. Догонит и опять усядется покурить. Когда мы поднялись на первый перевал, Альберт показал мне пустую папиросную коробку.

— Вот видите,— улыбаясь, сказал он,— целую пачку из-за вас выкурил.

Наконец мы вошли в сплошной пихтовый лес. Тут было тихо и сумрачно, только попискивали где-то в вершинах синицы.

Неожиданно громкий лай заставил меня приостановиться.

— Это Альма кого-то нашла,— сказал Альберт,— идемте посмотрим.

Мы прошли метров двадцать и увидели собаку. Она стояла под высокой пихтой и лаяла, глядя вверх.

— Белка, белка вон на сучке сидит,— показал Альберт.

Действительно, на нижнем сучке метрах в пяти от земли сидел серый пушистый зверек и, нервно вздрагивая хвостом, сердито цокал на собаку: «Цок-цок-цок!»

Альберт подошел к дереву и легонько стукнул по нему рукой. В один миг белка стрелой взлетела вверх по стволу и скрылась в густой кроне ветвей. Но я уже успел хорошо ее разглядеть в бинокль: шкурка у нее была совсем серая, а не рыжеватая, как у наших подмосковных белок. Ведь раньше на Кавказе водилась только кавказская белка — поменьше нашей белки, с очень скверной рыжевато-серой шкуркой. Кавказскую белку местные охотники не добывали на пушнину. Но в последние годы на Кавказ и в Теберду были завезены и выпущены алтайские белки с прекрасным дымчато-серым мехом. Эти зверьки поразительно быстро размножились в новых местах и расселились по кавказским лесам далеко за пределы Теберды. Теперь их сколько угодно не только в северной части кавказских лесов, но также и в южной. И местные охотники могут уже начать беличий промысел.

Отозвав от дерева Альму, мы отправились дальше. Не прошло и получаса, как она подлаяла вторую, а потом третью, четвертую белку. Однако нам не приходилось сворачивать с тропы, чтобы отзывать собаку. Достаточно было свистнуть несколько раз, как она сама возвращалась.

Но вот Альма снова залилась в лесу громким лаем.

Мы посвистели — нет, не подходит. Альберт прислушался. — Что-то уж больно азартно лает, — сказал он. — Похоже, не на белку; может, куницу нашла?

Нечего делать. Пришлось опять свернуть с тропы и пробираться через густые заросли рододендрона. Наконец выбрались на полянку. Посередине стояла столетняя пихта. Альма металась под деревом, вся оцетинилась, захлебываясь от злости.

Мы подошли к самому дереву и начали осматривать сучья и ветки. Почти у самой вершины в развилке между двумя толстыми суками я заметил что-то серовато-бурое: не то гнездо, не то какой-то нарост на дереве. Концы ветвей склонялись вниз и мешали рассмотреть, что это такое. Я вынул из сумки бинокль, взглянул вверх и поспешно передал бинокль Альберту.

Он тоже навел его на темный предмет, видневшийся на вершине дерева, но тут же отдал мне бинокль обратно, огляделся по сторонам и снял с плеча карабин. В бинокль можно было легко разглядеть притаившегося между суками небольшого медвежонка. Он сидел, обхватив передними лапами ствол дерева, и внимательно смотрел вниз на собаку.

— Идемте-ка лучше отсюда, — сказал Альберт, поймав Альму и взяв ее на поводок, — а то как бы сама не пожаловала.

— А разве это нам не поможет? — указал я на карабин.

— В крайнем случае, конечно, поможет, — ответил Альберт, — только ведь в заповеднике бить зверя не полагается. Да и этот малыш, на кого он тогда останется? Еще дитя малое, ишь как приутился.

Когда мы отошли подальше от поляны, с вершины пихты раздался громкий призывный крик, похожий на детский плач,— медвежонок звал свою мать.

— Не кричи, потерпи малость, сейчас зайвится,— улыбнулся Альберт.

И действительно, вдали уже слышалось тревожное ворчание и хруст валежника под ногами тяжелого зверя.

Мы поспешили удалиться, чтобы не помешать этой трогательной, но малоприятной для посторонних встрече.

Чем выше мы поднимались по склону, тем чаще на полянах и по ложбинам среди пихт попадались участки высокогорного клена. Наконец мы выбрались в субальпику — на границу леса и альпийских лугов. Здесь пихты и клены встречались все реже и реже, их сменило высокогорное березовое криволесье. На полянах густо разросся рододендрон. С тропы невозможно было свернуть. Неожиданно Альма повела носом, но не кинулась со всех ног, как за белкой. Наоборот, вся вытянувшись, она стала осторожно красться среди ползущих по земле гибких стеблей. С трудом пробираясь сквозь заросли, мы следовали за собакой. Было интересно узнать: кого же она почуяла и почему не бежит, а так осторожно крадется?

Альберт на всякий случай снял с плеча карабин. «Уж не медведь ли? Здесь, в зарослях рододендрона, ему очень легко за-таиться». Но вряд ли собака станет его так странно, по-кошачьи, выслеживать.

Вдруг Альма остановилась как вкопанная среди густых, непролазных зарослей. Сомнений не было — собака стояла в стойке.

Я скомандовал: «Вперед!»

Альма рванулась, и из-под кустов с треском взлетел горный тетерев. На лету он был очень похож на нашего обыкновенного косача, только как будто немного поменьше. Тетерев полетел низко, над самыми зарослями, и скрылся в березняке. Альма все также стояла в стойке. Потом она обернулась к нам, будто спрашивая: «Почему же вы не стреляли?»

— Нельзя стрелять,— погладив собаку, сказал я.— Ведь мы в заповеднике.

Но Альма, конечно, не могла понять моих слов. В этот день она находила нам то белок, то медвежонок, а мы все отзывали ее. Это было не то, что мы искали. Наконец она нашла такую дичь, за которой нельзя гнаться по следу с лаем, а нужно осторожно подкрасться к ней. И Альма подкралась. По команде «Вперед!» она выпугнула дичь и снова осталась на месте. Она сделала все, как ее учил старый хозяин, но новый хозяин почему-то и тут не выстрелил. Альма явно недоумевала, что же теперь от нее хотят.

А мы тоже не могли объяснить ей, что нам никого убивать не надо. Нужно только видеть — какие звери и птицы населяют этот заповедный лес. И Альма прекрасно помогла нам. Мы с Альбертом остались очень довольны.

Однако охотничья страсть нашей четвероногой помощницы была совсем не удовлетворена, и на обратном пути Альма уже почти не искала ни зверя, ни птицы. Ведь все равно мы ни в кого не стреляли. Собака уныло плелась позади нас до самого дома.

Это путешествие в горы оказалось для меня очень трудным, и я без сил опустился на крылечко. Альма села рядом и грустными внимательными глазами смотрела на меня. Казалось, она хотела угадать, что же мне все-таки от нее нужно. Наконец она нерешительно встала, посмотрела на дверь. Я открыл ее.

Альма побежала в комнату и через секунду вернулась назад. В зубах она держала мою тапочку.

«Может, тебе это нужно?» — казалось, спрашивала она.

— Вот так умница! — обрадовался я, снимая тяжелый горный ботинок и надевая легкую тапку.

Альма со всех ног бросилась в комнату и принесла мне вторую. Я погладил и поласкал собаку.

«Так вот какая дичь нужна ему», — видно, решила она и стала таскать мне из комнаты все подряд: носки, полотенце, рубашку.

— Довольно, довольно! — смеясь, кричал я, но Альма не унималась, пока не перетаскала все, что только смогла достать и принести.

С тех пор она начала прямо изводить меня. Стоило только мне забыть запереть дверь в комнату, и Альма уже тащила откуда-нибудь из одежды. Так она старалась угодить мне целый день. А ночью она спала на крыльце, возле моей комнаты, и никого ко мне не впускала.

Но дружбе нашей скоро должен был наступить конец. Я уезжал из Гузерипля в Майкоп, а оттуда — в южную часть заповедника. Я решил взять Альму с собой и, проезжая через Хамышки, отдать ее хозяину.

Наконец мы тронулись в путь. Дорога была отвратительная. Я положил вещи на подводу, а сам шел впереди пешком. Альма весело бегала возле дороги.

Но вот в долине показались и Хамышки.

«Как-то встретит Альма своего старого хозяина?» — невольно думал я с ревнивым чувством.

На краю поселка белел домик, где он жил. Мы подъехали. Сам хозяин возился тут же с повозкой. Заслышав стук колес, он обернулся и увидел собаку.

— Альмушка, откуда ты взялась? — радостно воскликнул он.

Альма на секунду приостановилась и вдруг со всех ног бросилась к хозяину. Она визжала, прыгала ему на грудь, видимо, не зная, как и выразить свою радость. Потом, будто что-то припомнив, бросилась к нашей повозке, вскочила на нее, и не успел я опомниться, как Альма схватила в зубы лежавшую на соломе мою шляпу и понесла ее своему хозяину.

— Ах, ты, негодница! — рассмеялся я. — Теперь от меня все тащишь. Давай-ка сюда обратно.

Я подошел и наклонился к собаке, чтобы взять у нее свою вещь. Но Альма, положив ее на землю, крепко прижала лапой и, оскалив зубы, сердито на меня зарычала. Я был изумлен.

— Альма, да ты, что же, не узнала меня? Альмушка!

Но собака меня, конечно, узнала. Она прилегла к земле, виновато глядела в глаза, виляла своим обрубок хвоста; она как будто просила простить ее, но шляпу все-таки не отдавала.

— Можно, отдай, отдай, — разрешил хозяин.

Тогда Альма весело взвизгнула и охотно разрешила взять мне шляпу.

Я погладил собаку. Она смотрела на меня так же ласково и дружелюбно. Но я чувствовал, что теперь она нашла своего настоящего хозяина, которому будет повиноваться во всем.

— Умница песик, — сказал я. И мне не было больше обидно, что Альма так легко променяла меня на другого. Ведь тот, другой, вырастил, воспитал, обучил ее, и ему одному она отдала навек всю свою преданность и любовь.

Зеленый шум

Май — это месяц первой зелени, первых цветов, первых весенних гроз.

Помню, однажды такая гроза застала меня в далекой лесной деревушке. Я возвращался с охоты, спешил в Углич на пароход. И вдруг — гроза, первая гроза в этом году.

Я переждал ее в сенном сарае. Как только кончился ливень, я выбрался за деревенскую околицу, прямо в лес на поляну, да так и остановился. Нужно спешить, а я стою и глаз не могу оторвать от того, что вижу. Передо мной — молодой березовый лес, умытый дождем. Он еще голый, без листьев. Стволы березок тонкие, белые, а ветви лиловые. На концах ветвей сережки висят, а на сережках — капли дождя.

Снизу от влажной земли пар поднимается, плывет над поляной. А воздух, воздух какой! Теплый, влажный, пахнет сырой землей и горечью набухших березовых почек.

Я постоял, посмотрел и пошел по лесной дороге.

Кругом по деревьям птицы поют: зяблики, овсянки, скворцы, дрозды... Вдали кукушка кукует. Каждый певец на свой манер старается. Одни звонкую трель выводят, другие свистят, третьи щебечут.

А из каждой весенней лужи слышится нежное урчанье лягушек. Вон их сколько, веселых лупоглазых певцов. Это травяные лягушки. Они первые открывают весенний концерт. Потом, попозднее, когда вода в водоемах хорошенько прогреется, запоют другие — водяные лягушки. Вот те уже настоящие певцы. Но такие концерты еще впереди.

Поляны начинали уже зеленеть. А по их окраинам, под кустами орешника виднелись цветы медуницы, той самой медуницы, о которой вспоминает Садко, сидя в подводном дворце морского царя:

Теперь, чай, и птица,
и всякая зверь
У нас на земле веселится;
Сквозь лист прошлогодний
пробившись, теперь
Синеет в лесу медуница!

Пройдя поляну, потом сухой бугорок, я спустился под гору в просторную луговину, еще покрытую талой водой. Там, прямо из мелководья, поднимали золотые головки крупные цветы калужницы. И как они были красивы на синем фоне воды! Смотришь сверху и видишь сразу два цветка — сам цветок и его отражение. И оба одинаково четко видны. Невольно подумашь: какой же из них настоящий?

Миновав заросли осинника, я вышел вновь на светлые солнечные поляны и в молодые березняки. Идти среди них было особенно легко и радостно.

Но что за чудо! В начале пути, когда я только вошел в этот лес, ветви берез были усеяны набухшими почками, даже признаков листьев нигде не было видно. А теперь на каждом деревце что-то слегка зеленело. Я наклонил одну из веток. Почки на ней уже лопнули, и из-под бурых чешуек высунулись нежные зеленые язычки. Мне посчастливилось быть свидетелем того, как лес одевается в свой весенний убор.

Будто в сказке, с каждой минутой, прямо на моих глазах лес распускался и зеленел. Набежал ветерок, качнул мохнатые нежно-зеленые ветви березок, и я вдруг услышал легкий, едва уловимый шум, не посвист ветра в голых ветвях, а именно совсем особый, похожий на сдержанный шепот, первый шум молодой листвы.

Услышав его, я сорвал от радости с головы кепку и по-мальчишески крикнул куда-то в лесную даль:

— Здравствуй, весна! Здравствуй, зеленый весенний шум!

Было уже совсем темно, когда я пришел в Углич на пристань.

Причалил ярко освещенный теплоход. Я уселся на палубе и поплыл по ночным волжским просторам домой, в Москву.

Вот и все, что случилось в этот весенний день, проведенный мною в дороге. Собственно, ничего особенного и не случилось. Почему же я решил рассказать о нем?

Я уверен, что тот, кто любит природу, сразу поймет меня. Поймет и оценит — что значит услышать весною в лесу первый зеленый шум.

Тропинки дружбы

Многие из вас, наверное, залюбуются хорошей картиной, где нарисовано поле, лес или глубокая омутистая речка. Многие также любят хорошую музыку, тихую, задушевную песню.

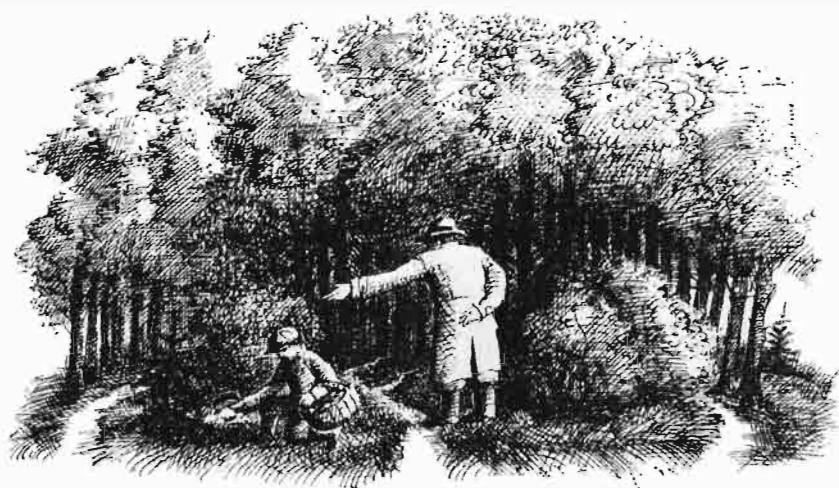
А подумайте только, что может быть лучше живых, полных света и ярких красок картин самой природы, что может быть лучше музыки весенних ручьев, летнего зеленого шума в березовом перелеске или осенней переклички отлетающих журавлей, когда они в строгом воздушном строю будто плывут над полблескими перелесками, над простором убранных, опустевших полей.

Но для того чтобы еще полнее, еще глубже понимать и любить искусство, понимать и любить его живой образец — природу, надо развить в себе вдумчивое, сердечное отношение к ней, ко всему тому, что вас окружает в родных полях и лесах.

Каждый настоящий натуралист-следопыт непременно должен быть в душе хоть немного художником, а главное, быть чутким, заботливым другом родной природы.

Я сам очень жалею о том, что я не художник и не умею в красках передать другим то, что мне удастся увидеть во время моих скитаний по полям и лесам.

Но я не тужу, а внимательно всматриваюсь в каждый раскрывшийся цветок, в каждого жука, в каждую бабочку, будто хочу их получше запомнить для своих будущих зарисовок. И это помогает мне еще полнее и глубже вникнуть в их жизнь.

В тех местах, где я ежегодно провожу в деревне весну, лето и осень, у меня есть заветные глухие тропинки. Я называю их тропинками дружбы. Там возле них в густой траве, в кустах живут мои маленькие крылатые и четвероногие друзья — разные зверьки, птицы, насекомые. Да и сами кусты, деревья, каждый стебель травы, каждый цветок — это тоже мои друзья. Я слежу за их жизнью с весны до глубокой осени, я знаю каждого из них и вместе с ними переживаю все их радости и невзгоды.

Сейчас кончается лето, наступает осень. В зеленой листве кустов и деревьев появляются первые желтые пряди. Это очень важное событие в жизни леса. Его обязательно надо отметить в моем дневнике.

На лесных полянах ярко краснеют гроздья рябины. Стаи дроздов с громкой трескотней перелетают с дерева на дерево. Дрозды начинают сбиваться в стаи, готовятся к отлету на юг.

А недавно на песчаной дорожке я заметил совсем необычный следок. Кто-то маленький, неуклюжий, с трудом волоча свое тело, перебирался через дорожку. Я долго разглядывал непонятный след и наконец догадался, кто его здесь оставил. Это вялый, неповоротливый увалень тритон выбрался из своей лужи и отпра-

вился в далекий путь искать себе к осени «квартирку» посуше, поуютней, какую-нибудь норку в земле или старый трухлявый пенек.

И так везде: на деревьях, в кустах, в траве — каждый день я подмечаю что-нибудь новое. Увижу — и будто переверну листок в живом календаре родной природы.

А сколько появилось в лесу грибов! Они выглядывают повсюду: из-под засохших стеблей травы и из-под серых прошлогодних листьев. Тут и стройные подберезовики в темно-коричневой, будто шоколадной, шапочке, и нарядные подосиновики с оранжевой круглой головкой, похожей на увядший листок, и розовые волнушки, и рыженькие рыжики... каких, каких только нет. Но, конечно, лучше всех коренастые, крепкие белые грибы. Это уже всем грибам гриб.

Теперь, в начале осени, я каждое утро отправляюсь в лес по грибы. Я выхожу очень рано, еще на зорьке, когда трава кажется седой и мохнатой от крохотных капель осевшей ночной росы. В эту раннюю пору так хорошо в лесу: тихо, свежо и влажно; свежо и влажно уже по-осеннему. Пахнет начинающей вянуть листвою и грибами.

Я брожу по лесу несколько часов подряд, но возвращаюсь домой обычно с пустой корзиной.

— Эх вы, горе-грибник! — смеются надо мной соседи. — Вам бы подзорную трубу с собою брать, может тогда какую-нибудь старую сыроежку и разыщете.

Я терпеливо выслушиваю все эти дружеские нападки. Они меня вовсе не задевают. Ведь никто из тех, кто надо мною подтрунивает, даже не подозревает, что я отлично вижу и нахожу грибы. Только я их просто не собираю. Мне жаль срывать грибы, которые выросли возле моей заветной тропинки. Они так красивы, точно лесные гномики в разноцветных шапочках и колпачках. Зачем мне их рвать? Если мне захочется сварить грибной суп, я попрошу грибов у моих приятелей — деревенских ребят. У меня с ними давнишняя дружба. Вместе мы удим рыбу, вместе отыскиваем в лесу гнезда птиц и жилища разных зверьков. На рыбалке я частенько даю ребятам лески, крючки, поплавки, а они охотно делятся со мною своими лесными сборами — ягодами и грибами.

Возле моей заветной тропинки я знаю каждый грибок, каждый из них у меня на примете. Но я берегу их не только для того, чтобы следить за тем, как они растут. Нет, это мой грибной питомник. Ведь каждый созревший гриб рассеивает несметное множество крохотных спор. Вот я в моем питомнике и стараюсь сохранить побольше грибов, чтобы они вполне зрели и дали бы жизнь новому грибному поколению. А чтобы уберечь их от посторонних глаз, я заботливо укрываю вновь появившийся грибок пучком травы, мохом или опавшими листьями. Пусть себе растет, до поры до времени укрытый лесным одеяльцем.

Но мои «гномики» частенько не хотят прятаться, так и лезут наружу. Прикроешь его листком, а наутро глядишь — он уже из-

под листа высматривает, будто встречает тебя. Ну, я, конечно, снова укрою проказника и дальше иду. Смотрю под кусты, не появился ли еще где-нибудь новый грибок. Так я каждое утро обхожу свое грибное хозяйство и зорко наблюдаю за ним.

Только вот как-то на днях я неожиданно сам нарушил порядок в своем питомнике. Об этом я сейчас и расскажу.

На ранней утренней зорьке обошел я, как всегда, свои глухие заветные тропы, прошел мелколесье и выбрался на лесную поляну. Там и присел на пеньке отдохнуть.

Сижу и люблюсь. Посреди поляны старая поваленная бурей сосна, а дальше — сосновый бор. Лучи солнца ярко освещают его, где-то вдали между стволами деревьев едва синее легкий туман. Совсем как картина Шишкина «Утро в сосновом лесу», только нет медведицы с медвежатами.

И вдруг, я даже вздрогнул: возле упавшей сосны кто-то зашевелился в кустах. Неужто и впрямь медвежонок? Так и есть. Среди кустов мелькнуло что-то темное, и на поляну выбрался... только совсем не медвежонок, а парнишка лет шести-семи, в серой курточке, с кузовком через плечо. Малыш прилежно заглядывал под каждый кустик, искал грибы.

Увидя меня, юный грибник подошел поближе.

— Ну, как дела? — спросил я у него.

Мальчуган показал свой кузовок. В нем лежало несколько разноцветных сыроежек и желтеньких, как опавшие березовые листочки, лисичек.

— Нет грибов, — вздохнул парнишка, — поздно пошел, все уже обобрали.

— А что ж ты так долго спишь? За грибами надо пораньше вставать.

— Я-то рано встал, да мамка все не пускала, то воды ей принеси, то лучин накопи для печки, вот и опоздал в лес, — сокрушенно вздохнул он. — Мамка теперь меня дома с грибами ждет, а я ничего не набрал, ну, пойду еще поищу маленько.

Парнишка побрел дальше в лес. Я посмотрел ему вслед, на его крохотную озабоченную фигурку. И вдруг в голове у меня мелькнула мысль.

— Подожди, мальчуган, пойдем-ка вместе. Я тебе помогу грибов набрать.

Парнишка недоверчиво поглядел на меня.

— Мне поможет? Да вы и сами ничего не набрали, — ответил он.

— А я еще и не искал. Сейчас мы с тобой полную корзину их наберем.

И вот я веду моего юного спутника по своим заветным местам.

— Загляни-ка под те кусты, копни там опавшие листья, — командую я.

Парнишка нехотя раскалывает листву. А под ней — белый гриб. Вот так находка! Малыш бросается к грибу, хочет сорвать, но я останавливаю.

— Стой. Вот тебе ножик. Аккуратно подрежь корешок. А если выдерешь вместе с корнем, порвешь подземные нити грибницы, порвешь их, и больше на этом месте грибы не вырастут.

Парнишка повинуется, ловко подрезает грибок, кладет к себе в корзиночку и хочет идти дальше.

— Поищи рядом, вон подле сосенки во мху.

Мальчик ищет и опять находит белый гриб.

Он с изумлением смотрит на меня, но ничего не говорит.

Мы идем дальше, от одного ранее замеченного мною гриба к другому. С каждой минутой удивление мальчугана все растет. Он поглядывает на меня даже с какой-то опаской.

— Почему вы знаете, что они тут растут?— спрашивает малыш.

— По месту угадываю,— отвечаю я.— Ведь для каждого гриба свое особое местечко в лесу имеется.

— А почему вы их сами не собираете?

— Еще успею, набери сперва ты.

Парнишка совсем озадачен. Не знает, что и подумать. Но как же мне объяснить ему, почему я на самом деле не рву грибы, объяснить, что это мой грибной питомник, что я ему первому открыл небольшую часть своих лесных сокровищ. Мой спутник еще слишком мал, он все равно ничего не поймет. А кроме того, мне забавно глядеть на его изумление.

— Теперь свернем вот сюда на полянку,— говорю я.— Ищи вон под теми дубками. Нашел? Молодец. Ищи второй, только самого маленького не трогай, пусть еще подрастет.

Нет, это уже совсем чудеса! Мальчуган смотрит на меня с явным испугом. В его глазах я, наверное, кажусь чародеем, ведь я не только знаю место, где под травой, под листьями растут грибы, но даже точно знаю, сколько их там и какие они — старые или молодые.

— Дядя, возьмите ваши грибы,— неожиданно говорит парнишка.— Мне не надо, я лучше домой пойду.

— Да что ты, что ты! Ты, что же, меня за колдуна принимаешь?— весело говорю я.— Ты думаешь, я их через траву вижу, да вовсе нет. Я их просто раньше нашел и сам же листками прикрыл, чтобы никто другой не увидел.

Я пытаюсь, как могу, объяснить парнишке, что я натуралист, люблю лес, люблю природу, что я наблюдаю за тем, как живут звери и птицы, как растут трава, цветы и грибы...

— Теперь ты понял, что такое натуралист?

— Понял,— радостно кивает головой мой юный приятель.— Это, который не рвет грибы, а только их примечает.

— Ну пусть так,— соглашаюсь я.— А теперь беги в деревню к мамке, она, наверное, давно уж тебя с грибами ждет...

Малыш перекинул через плечо кузовок и весело засеменял ножками по тропинке. Вот и скрылся.

Я смотрю ему вслед и думаю: «Нет, он так и не понял, что значит слово «натуралист». Но зато он, конечно, понял, что есть на свете какие-то чудные люди, которые находят, но не срывают

без надобности грибы, которые разыскивают птичьи гнезда, но не разоряют их, а осторожно наблюдают за тем, как в гнезде появляются и растут птенцы. Есть люди, которые не ломают, а берегут в лесу каждый кустик, каждое деревце.

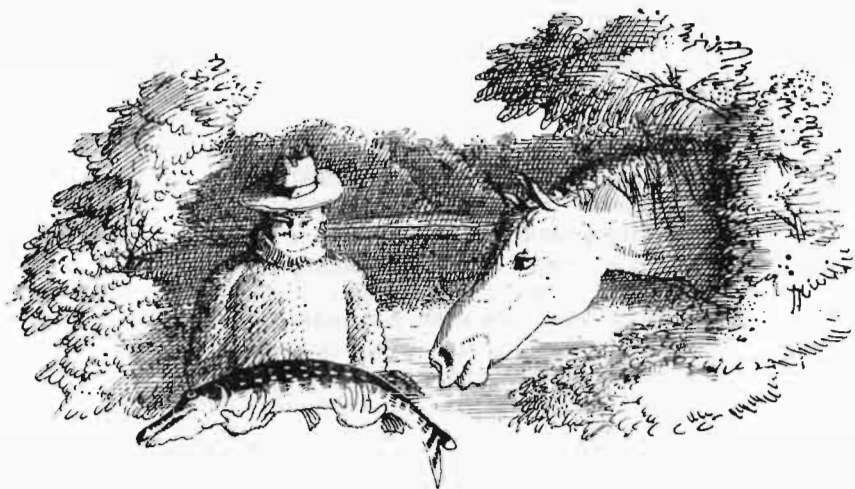
Я думаю о том, что пройдет еще год-другой, мальчуган поступит в школу, и тогда, может быть, вспомнит о нашей встрече утром в осеннем лесу, вспомнит и, уж наверное, поймет, что такое натуралист.

А быть может, он и сам разыщет в лесу такую же чудесную, полную загадок и тайн тропинку дружбы и будет каждое утро на зорьке бродить по ней, подмечая все новое и новое в жизни родной природы.

Чупик

Хорошо летом отдохнуть в деревне. Хорошо вместе с другом-приятелем пойти на утренней зорьке в лес по грибы или закинуть удочки в тихую, покрытую легким туманом речку.

А вот если приятеля рядом нет, если ты все один да один, тут уж дело похуже — ни поговорить, ни поделиться не с кем.

Так однажды, много лет назад, случилось и со мной. Я тогда учился в институте и приехал на лето к родителям в деревню. Кажется, все хорошо: и речка рядом, и погода как по заказу — тихая, солнечная, а вот порыбачить не с кем, все своими делами заняты. А одному, без приятеля, какая рыбалка! Вытащишь круп-

ную рыбу — не с кем удачей поделиться, а упустил — и того хуже, даже никто не посочувствует.

Ну что же поделаться? Нет друга-приятеля, откуда же его возьмешь. Стал я ходить на рыбалку один. А потом попросил как-то в совхозе старого «заштатного» конька по прозвищу Чупик. На нем только зимой воду возили, а летом он все больше отдыхал. Запряг я Чупика в тележку и поехал порыбачить верст за двенадцать в деревню Распопово. Там, под самой деревней, протекает речка Снежить.

Приехал я на место ловли в самое время — под вечер. У старой мельницы на луговинке распряг Чупика, пустил пастись, а сам сбегал на брод, за какие-нибудь полчаса полное ведерочко пескарей наловил.

Пескарь — лучшая приманка для щуки да и для другой хищной рыбы.

Размотал я живцовые удочки, насадил на крючки пескарей и расставил снасти вдоль берега, крепко воткнув концы удилиц в землю.

Все удочки расставлены, теперь можно браться и за другое дело: сбегать в соседний лесок, притащить на берег побольше сушняка для костра. Как ни коротка летняя ночь, а без огонька все-таки скучно дожидаться рассвета, да и котелок вскипятить нужно, и картошку испечь тоже не мешает.

Пока хлопотал с сушняком для костра, пока стелил себе под ветлой мягкую постель из свежей, только сегодня накошенной травы, глядь, уже совсем стемнело. На западе догорела, поблекла заря. По реке голубой дымкой стелился туман.

Перед тем как разжигать костер и устраиваться на ночлег, обязательно надо осмотреть живцовые удочки.

Так и есть: на одной что-то попало.

С большим трудом вытащил на отмель крупную, даже потемневшую от старости щуку. Ну, значит, не зря сюда приехал: начало есть. А на утренней зорьке, может, и еще попадет.

Вот теперь можно и чай вскипятить, и картошку в горячей золе испечь.

Уже совсем ночь настала, теплая, душная июньская ночь. За рекой в лугах перепела кричат, один перед другим стараются: «Спать-пора, спать-пора!» А какой там сон, когда уже светлая полоса зари переползла по горизонту с запада на восток и снова там разгорается!

Сижу у костра, жду, пока котелок закипит. А сам все про щуку свою вспоминаю. Вон она под кустом на земле лежит, сверху влажной травой прикрыта.

Дай-ка еще разок на нее полюбуюсь. Вытащил из-под куста, ну и рыбина! Пасть огромная, зубастая, прямо как у крокодила. А чешуя мелкая-мелкая с зеленоватым отливом. Хороша, очень хороша! Жаль только, некому ее вот сейчас показать, не с кем удачей своей поделиться.

Вдруг слышу — сзади хрустнула ветка. Обернулся — прямо за моей спиной Чупик стоит, голову наклонил, тоже, верно, на шуку смотрит.

Я приподнял ее повыше.

— Гляди! — говорю. — Ты, брат, конечно, такую рыбину за всю свою жизнь не видывал.

Чупик переступил с ноги на ногу, потянулся мордой к моей шуке, обнюхал ее и одобрительно закивал головой.

— Нравится, и тебе нравится? — обрадовался я. — Это, брат, наша общая. Ты тоже в этом деле участник — ты ведь привез меня сюда, на мельницу, получай же за это награду.

Я отрезал большой ломоть черного хлеба, посыпал его солью и, положив на ладонь, предложил Чупику.

Он потянулся к нему и мягкими, точно бархатными, губами взял хлеб с моей ладони, взял и принялся с аппетитом жевать. Так мы вместе с Чупиком и провели остаток этой светлой июньской ночи. Вместе и чайку попили. Собственно, чай пить Чупик не стал, зато от своей порции сахара не отказался.

На этом и кончилась наша первая совместная рыбалка. Утром рыба нам не попалась, и к полудню мы уже вернулись домой.

Вот с этой самой поездки Чупик и сделался моим постоянным спутником на рыбной ловле. Запрягу его, бывало, в тележку, приеду к речке на луг и пушу на ночь пастись, даже ноги ему не спутаю. Чупик все равно далеко от меня не уйдет, всю ночь похаживает возле костра.

Потом, на утренней зорьке, я пойду живцовые удочки осматривать, и Чупик следом за мной. И закусываем тоже вместе. Я печеную картошку ем, а он — хлеб с солью. Я чай пью, а он сахаром похрустывает.

Хорошо я тогда вместе с Чупиком порыбачил. И не скучно вдвоем. Вот друг-приятель у меня и нашелся.

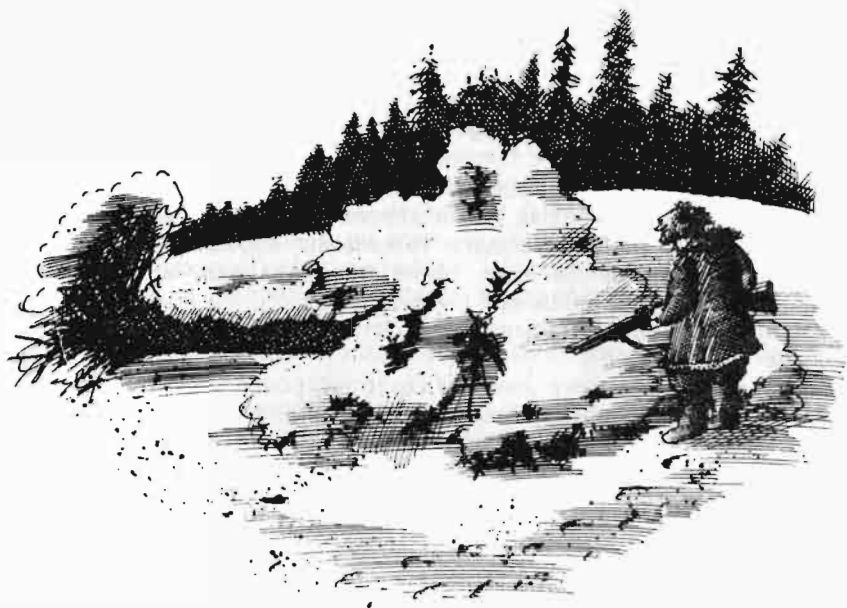
Пороша

Зима — это лучшее время для охотника-следопыта. Но особенно хорошо самое начало зимы — первые пороши. Нам, охотникам, нужно, чтобы снегу напало побольше. Однако очень плохо, если он будет сыпать всю ночь до утра. Тогда в лес хоть не ходи: ведь большинство зверей днем спит, а ночью бродит в поисках пищи. Значит, если снег шел всю ночь, он засыпал не только старые, но и свежие следы, и поутру их не найдешь. Самое лучшее для охоты, когда снег перестанет идти еще с вечера. Утром охотнику будет над чем потрудиться, разгадывая, что делали ночью четвероногие обитатели леса и куда они укрылись на дневной отдых.

С каким нетерпением ждешь всегда первого снега, а он, как нарочно, никак не выпадает. Так было и в этом году. Осень

стояла холодная. Голая земля промерзла и была твердая, как камень, а зима все еще не наступала.

Но вот потеплело, и к вечеру пошел снег. Крупные мохнатые снежинки закружились в воздухе. С каждой минутой их становилось все больше, больше, и наконец снег повалил хлопьями, затягивая окрестность мутной дрожащей пеленой.

В один миг ступени крыльца нашей лесной сторожки, и лавочка перед окном, и ветви старых сосен сделались белыми, пушистыми. А снег все не переставал.

Я накинул на плечи полушубок и вышел на крыльцо.

С запада, нагоняя тучи, тянул слабый ветерок. Но он уже не обжигал лицо, не колот морозными иглами. Воздух был чистый и свежий, и в нем как-то особенно хорошо пахло молодым, только что выпавшим снегом. Начинало смеркаться. Кругом было совсем тихо, как бывает только зимой в старом, глухом лесу перед наступлением ночи.

Я стоял, прислонившись к перилам крыльца, следил за тем, как из мглистого вечернего неба сыпал и сыпал на землю белый пух зимы, слушал отдаленные голоса в деревне и думал о том, что еще только вчера вечером я был в городе, шел, торопясь, на вокзал по асфальтированным улицам, мимо ярко освещенных магазинов, среди оживленной толпы людей...

А здесь — лиловая полумгла заката, покрытая снегом поляна возле сторожки, сосны да ели кругом... Ни блеска огней, ни автомо-

бильных гудков, тишина, только изредка ветер чуть-чуть зашуршит в вершинах деревьев.

— Что, на снежок любишься? — спросил меня старичок лесник, выходя на крыльцо сторожки.

— Да, хорошо, дедушка.

Мы постояли еще немного и пошли в дом.

Наутро лесник разбудил меня чуть свет.

— Вставай — пороша! Снег еще с полночи перестал, тепло, след как печатаный будет.

Мы наскоро напились чаю. Я оделся, взял ружье и вышел из дому.

Мороза не было. Снег под ногами совсем не скрипел, и мои следы от валенок оставались на нем действительно как отпечатанные.

Я шел по узкой лесной тропинке. С обеих сторон над ней нависали мохнатые белые ветви деревьев. Изредка снег срывался с них и падал на землю тяжелыми хлопьями, а освободившиеся ветки потом еще долго покачивались, и еще долго дрожала в воздухе снежная пыль.

Я внимательно оглаживался по сторонам, рассматривая различные следы.

Вот между кустами снег будто прострочен — это наследили мыши. А вон от дерева к дереву проскакала белка, и ее следы тоже четко виднеются на снегу.

Рябчик набегал по лесной полянке — видно, разгуливал здесь на зорьке. Из-под снега торчат кое-где кустики черники, брусники, и птичьи следы виднеются возле них. Значит, лесной петушок склевывал здесь последние уцелевшие ягоды.

Я пошел краем поляны. Вдруг в ельнике послышался быстрый трескучий взлет — рябчик. Взлетел и тут же затаился где-то среди густых еловых веток. Выждав немного, чтобы рябчик успокоился, я осторожно достал из охотничьей сумки манок и засвистел. Иногда в начале зимы в теплые дни рябчик отзывается на манок, но это бывает нечасто. Я подождал, послушал и еще поманил. Никто не откликнулся мне из глухой еловой чащи. Я спрятал манок и побрел дальше, поглядывая по сторонам и прислушиваясь к негромким звукам хмурого зимнего леса.

Где-то недалеко стучал дятел, выколачивая из шишки крылатые семена, да попискивали, перелетая с дерева на дерево, хлопотливые синицы.

Я прошел через густой ельник и вышел на свежую порубку. Тут прямо с краю вокруг сваленной осины весь снег был в заячьих следах и кора с сучков и веток дочиста обглодана. Заяц объел даже те сучки, которые находились от земли выше чем на полметра. Вот как постарались косые!

Я невольно представил себе, как, вставая на задние лапы, трудились здесь ночью длинноногие, длинноухие зверьки.

Держа ружье наготове, я обошел порубку и, найдя выходной заячий след, осторожно, чтобы не затоптать его, пошел рядом,

сторонкой. Видно, в эту ночь заяц бродил недолго. Да так и следовало ожидать: в оттепель после пороши зайцы обычно много не ходят, а покормятся — и спешат поскорее на лежку.

Скоро следы начали путаться. Верно, мой белячок решил отправиться на покой.

Я не стал разбираться в замысловатых заячьих петлях, а сделал широкий круг и сразу попал на выходной след. Прошел немного. Вот опять петли, опять выходной след и другой такой же прямо по нему, но уже в обратную сторону.

Я хорошо знаю все эти заячьи хитрости. Это все натворил тот же самый беляк — сначала побежал в чашу, потом вернулся назад своим же собственным следом. А затем сделал сметку — огромный прыжок в сторону, еще и еще, и снова запрыгал мелкими прыжками. За первой сметкой невдалеке оказалась вторая, за ней третья. Значит, заяц был старый, выдавший виды. Ишь ведь сколько напутал, нескоро и разберешь.

За третьей сметкой заяц прошел еще немного кустами и выбежал на поляну. Тут он, видно, сел, осмотрелся кругом, прыгнул раз, другой и направился прямо к старой, поваленной бурей сосне.

Сердце у меня так и застучало: «Здесь он! Иначе и быть не может!»

Я остановился, чтобы немного успокоиться. Сколько охочусь — скоро уж сорок лет будет, — а вот до сих пор даже дух захватит, как заметишь лежку и начнешь к ней подбираться.

Вот и сосна. Она вся завалена снегом, только под самым стволом осталась узкая щель, и прямо туда уходит заячий след.

А где же сам заяц? Выходного следа не видать — значит, здесь.

Я легонько стукнул ногой по стволу. Но заяц не выскочил. Стукнул сильнее — никого. Да куда же он девался? Я обошел дерево со стороны кроны и начал трясти рукой за ветки, сбивая снег. «Не может быть, чтобы он лежал так крепко! Видно, все-таки ушел. Надо посмотреть, где же выходной след».

С досады я сильно стукнул ногой по нижней лапчатой ветке. И вдруг прямо из-под нее что-то метнулось в сторону, мелькнули черные кончики ушей, и матерый беляк огромными прыжками понесся через поляну.

...Короток зимний день, не заметишь, как он уже и прошел. Начало смеркаться. Я вышел на лесную опушку. Вечерело. В дальней деревне зажигались первые огоньки.

Голубой дворец

Бывают такие люди: простые, радушные — встретишь человека впервые, а кажется, будто ты давным-давно знаешь его, давно уже дружишь с ним.

Вот таким именно и был старый лесник Петр Захарович, по прозвищу «мил человек».

А прозвали его так за то, что это была его любимая присказка. И по правде говоря, больше всего она подходила именно к нему самому.

Я познакомился с Петром Захаровичем совершенно случайно. Шел как-то летом с охоты поздно вечером. Лес чужой, путь до деревни, где я остановился, неблизкий. Устал я. А уж начало смеркаться.

«Не заночевать ли, — думаю, — прямо в лесу? Развести костер, вздремнуть тут же, под елкой. А как начнет светать, поохотиться на утренней зорьке — и в деревню».

Только вот беда — уж очень комары донимают. Так и лезут в лицо. Пожалуй, за ночь совсем съедят. Что же делать?

Иду, раздумываю. Вдруг вижу — в стороне огонек блеснул. Я — туда. Выхожу на поляну. Посредине ее деревянный домик — лесная сторожка. В окне свет горит. Вот тебе и ночлег. Наверное, пустят на ночь в избушку.

Захожу: просторная комната, у окна стол, лампа горит, на столе самовар, в уголке старичок сидит, чай пьет. Увидал меня, говорит:

— Откуда-то гость ко мне пожаловал? Заходи, мил человек. Чайком с медом, с малиною угощу.

— Спасибо, дедушка.— Я поставил в угол ружье, повесил на гвоздь сумку, куртку и подсел к столу.— Я в вашем лесу первый раз. Вчера только в деревню Дубки в отпуск приехал. Хочу поохотиться, порыбачить.

— Так-так,— кивнул старик. Он налил мне чаю, пододвинул деревянную чашку с медом, кузовок с малиной.— Пей, мил человек, на здоровье, отдыхай, устал небось.

Выпили мы по стаканчику, по второму, разговорились. Вернее, я больше слушал, а Петр Захарович рассказывал про свой лес, где какая дичь водится, куда сходить по грибы, по малину.

— Да чего тебе, мил человек, в деревне сидеть. От Дубков и лес и речка не так уж близко. А у меня все под боком. Сходи завтра в деревню, возьми свое добро и ко мне возвращайся. Живи хоть месяц, хоть два, сколько душе пожелается. И тебе на охоту ходить способнее, и мне, старику, веселей.

Так я и сделал. На следующий же день отправился в Дубки, забрал свои вещи и переселился к деду в сторожку. Весь отпуск у него прожил. Какое это было чудесное время! Дни выдались все как на подбор — ясные, солнечные, по-настоящему летние.

Вставали мы с Петром Захаровичем вместе с солнышком, пили чай, брали немного еды и отправлялись на целый день в лес.

Дедушка захватывал с собой кузовок. Он его сам сделал. Ловко так смастерил, с перегородкой на два отделения. Одно — для грибов, другое, поменьше, — для ягод.

Я же брал с собой ружье или удочку. Так мы сразу распределили обязанности: я должен был заботиться о дичи и рыбе, а Петр Захарович — о ягодах и грибах.

Выйдем, бывало, на зорьке в лес. Воздух прохладный, чистый, пахнет свежескошенным сеном. Все поляны седые от обильной ночной росы. А до кустов, до деревьев лучше и не дотрагивайся — чуть заденешь плечом, сразу дождь на тебя польется.

— Не беда, мил человек,— улыбнется дедушка.— Солнышко выйдет — разом высушит.

Мы уходили от дома далеко в лес, бродили по заросшим черникой сухим болотам. В таких болотах нога тонула, будто в перине, в глубоком мху, а в воздухе крепко пахло пьянящим запахом багульника. Потом мы выбирались на лесные поляны, сплошь покрытые душистым клевером и белыми глазастыми ромашками. Мы заглядывали в густые малинники и рвали темно-красные спелые ягоды. Рвать их приходилось очень осторожно — иначе они осыпались на землю, оставляя после себя на концах ветвей короткие белые «пальчики».

Нередко мы посещали и старую вырубку. На ней тут и там торчали широкие полусгнившие пни. На этих пнях на солнце пеке

грелись юркие ящерицы и сидели, распутив крылья, красивые бабочки с темными, почти черными крыльями — «траурницы» и ярко расписные «адмиралы».

При нашем приближении ящерицы тотчас исчезали в расщелинах пней, а бабочки взлетали и кружились над вырубкой.

Иногда возле старого пня нам удавалось найти совсем перезревшую ягоду земляники. Она походила на густую, засахаренную каплю варенья и пахла так аппетитно, будто и впрямь была только что сварена здесь на солнышке.

Потом мы шли в прохладные березняки и осинники, искали в траве среди прошлогодних листьев подберезовики с темно-коричневыми бархатными шляпками и красноголовые подосиновики. Очень часто во время наших скитаний я совсем забывал про охоту и про рыбалку. Мне нравилось, больше чем удить или стрелять, ходить вместе с дедушкой и наблюдать за тем, с каким вниманием, с какой любовью осматривал он все, что нас окружало.

Петр Захарович знал всех птиц, мог определить их по голосу, по внешнему виду, знал, какая из них где гнездится, чем кормит птенцов, какую пользу приносит лесу, помнил все барсучьи и лисьи норы, мог точно сказать, где водятся белки, куницы, где летом держатся лоси со своими лосятами. Он знал лес не хуже, чем свой собственный дом. Да, пожалуй, лес-то и был его настоящим домом.

Сколько раз мы с ним забирались в самую глушь и бродили там до глубокой ночи. Старик никогда не плутал в лесу, всегда безошибочно находил дорогу к сторожке.

Ходим, бродим, бывало, весь день, наберем ягод, грибов, а вот дичи нет.

— Не беда, мил человек, — улыбнется дедушка. — На что нам мясо. Мясо вещь вредная. Мы сейчас картошку почистим, с грибами наварим, самое хорошее кушанье.

Все живое: зверей, птиц, ящериц, лягушек — любил и берег Петр Захарович.

Старик зорко следил за тем, чтобы никто из ребят, пришедших по ягоды, по грибы, не ломал кустов и деревьев, не разорял птичьих гнезд, вообще не вредил лесу.

Сам Петр Захарович выполнял свою работу, как говорят, не за страх, а за совесть. С утра до ночи пропадал он в лесу. На десятки километров знал каждое дерево. И все, бывало, хлопочет, то молодые саженцы проверяет, следит — не напали ли на них вредители, то сушняк соберет да и сожжет, чтобы в нем не развелись короеды, то пойдет старые деревья осмотрит — не треснул ли где ствол, не поломало ли ветром сучья.

А уж за птицами, за всякой живностью так наблюдает, будто это не простой лес, а заповедник.

Но, заботясь обо всех обитателях леса, Петр Захарович имел особую привязанность к крохотным труженикам — муравьям. Це-

лыми часами дедушка мог сидеть возле муравейника и следить за этими занятыми существами.

— Нет, ты приглядишься-ка получше,— говорил он.— Вот это работники! С утра до ночи трудятся: кто соломинку ташит, кто листочек несет, а кто на охоту отправился за слизняками, за гусеницами. Сколько погани разной уничтожат, не сочтешь. Большую пользу лесу приносят.

Если Петр Захарович видел, что муравей не может справиться со своей ношей, старик брал прутик или травинку и осторожно помогал маленькому труженику преодолеть препятствие. При этом Петр Захарович ласково приговаривал:

— Ты не бойся, дурашка, я ж тебе вреда не сделаю, я ж помогаю тебе.

И должен сказать, что нигде я не видел таких огромных, никем не тронутых муравейников, как в лесу у Петра Захаровича. Это были настоящие лесные дворцы, сказочные терем-терема.

Да разве одни муравейники говорили о том, с какой душой выполняет дедушка свое любимое дело. Никогда еще не встречал я такого множества разных птиц и всякой другой живности, такого будто всегда улыбающегося леса. Этот старый веселый лес всем своим видом напоминал мне самого дедушку.

Незаметно пролетел мой отпуск в лесной сторожке. Пришло время возвращаться в город. Я простился с Петром Захаровичем, обещая будущим летом опять приехать в отпуск в его лесную избушку.

Но на следующий год началась война.

Только спустя десять лет мне вновь довелось побывать в знакомых местах.

И вот я опять бреду по той же лесной дороге, прямо к сторожке Петра Захаровича. Наверное, старика давно уже нет в живых. Кто же теперь там живет, кто охраняет лес с его зверями, птицами, со сказочными дворцами-муравейниками? Деревья редют. Впереди поляна. Но где же сторожка? Может, я ошибся, попал на другое место? Нет, не ошибся. Вот здесь, под соснами, стоял деревянный домик. Полуразрушенный остов из кирпича — основание печи — да обломки сгнивших бревен, целый ворох гнилушек — это все, что осталось от дома Петра Захаровича, все, что осталось как память о нем самом.

Но нет, не все! Есть и еще одна памятка. И кто же ее смастерил? Именно те хлопотливые лесные труженики, о которых старик всегда так забойился.

Под старой сосной, где раньше была скамеечка, на которой старик сживал по вечерам, муравьи выстроили свой огромный лесной дворец.

Я подошел к нему и даже улыбнулся. Как хорошо! Лесной дворец был построен из тех самых гнилушек, которые остались от домика лесника.

«Наверное, дедушка был бы доволен, если бы знал, как лесные жители используют остатки его старенького жилища», — подумал я.

Долго сидел я на лесной поляне и наблюдал за муравьями. А они все тащили гнилушки, все отстраивали из них свое удивительное жилище.

Потом я пошел бродить по лесу, по тем местам, где мы хаживали вместе с Петром Захаровичем. Хотелось повидать и старый дуб, и барсучьи норы, и заросший черемухой берег лесного ручья.

Уже стало темнеть, когда я наконец спохватился: ведь придется идти обратно в деревню километров двенадцать, а то и больше. «Не беда, в этом лесу мне знакомы все дорожки, все тропы. Правда, за десять лет многие совсем заросли. Ничего, доберусь как-нибудь».

Не без труда выбрался я наконец на дорогу и пошел по ней. Вот и поляна, где стояла сторожка. Но что же там светится, неужели остатки костра? Может, кто-нибудь тут ночует? Нет, свет какой-то странный, голубоватый.

Я свернул на поляну и остановился. За всю свою жизнь я не видел такого зрелища. Это светился лесной дворец-муравейник. Он весь казался сделанным из голубого стекла и был освещен откуда-то изнутри.

Да и не он один. Вся поляна кругом была точно усыпана тысячами крохотных голубых огоньков. Будто это совсем не земля, а темная ночная вода и в ней отражаются мириады тусклых лесных звезд.

Сразу я ничего не понял. Но вскоре догадался. Да это же светятся рассыпанные по земле гнилушки.

Я еще раз взглянул на светящийся, будто вылитый из хрусталя, лесной дворец и подумал: «Вот достойная награда тому, кто всей душой любил родную природу».

Удачная охота

Страшися славы, почестей, похвал.
Кто их достиг, счастливее не стал.
Но если ты в лесах зарю весны
не встретишь —
Пойми, глупец, ты счастье потерял.

Эти коротенькие стихи я написал в назидание самому себе на первой странице тетради, куда записываю все неотложные дела. Написал и с того же дня взялся за дело.

Что касается первой части моего изречения — «страшися славы, почестей, похвал», то выполнить ее мне было чрезвычайно легко, так как ни слава, ни прочие связанные с ней осложнения в жизни мне вовсе не угрожали. А вот относительно того, чтобы встретить зарю весны не дома за письменным столом, а в полях и лесах, осуществить оказалось куда сложнее.

Едва только я подумал об отъезде в деревню, как со всех сторон посыпались какие-то срочные, неотложные дела, казалось, что и конца им не будет. Чтобы пресечь их нескончаемый поток, я принял самые решительные меры: не стал подходить к телефону и объявил себя больным.

Наконец, выбрав удобный момент, я сел в машину и вместе со своим старым приятелем Владимиром Сергеевичем отправился на охоту.

Чудесно ранней весной выбраться из большого многолюдного города на простор недавно оттаявших полей и светлых, еще не покрытых листвой перелесков.

По низинам блестят огромные лужи воды, по овражкам шумят и пенятся мутные потоки.

Поля и леса уже ожили от зимнего сна. Тут и там по желтовато-зеленой, еще не успевшей оправиться озими деловито разгуливают грачи, копошатся носами в земле, достают какую-то еду.

А над полями далеко разносятся переливчатые песни жаворонков.

Это уже весна, настоящая весна! Скорее, скорее умчаться подальше от города в поля, в леса, забраться туда, где приход весны чувствуется особенно сильно.

Моему товарищу тоже не терпелось попасть поскорее в лес. Он гнал машину так, что только ветер посвистывал. К ночи мы были уже далеко от Москвы в уютной лесной сторожке.

Закипел самовар. Мы напились чаю, закусили и решили перед выходом на охоту подремать часок-другой.

Укладываясь на лавке, я все боялся, как бы не проспать, ведь уже скоро одиннадцать, а вставать надо в час ночи.

— Да не беспокойся ты, я точно проснусь, — уверял приятель. — Я как по заказу могу.

Говоря это, он сладко позевывал, и мне что-то не верилось, чтобы он действительно проснулся вовремя.

— А ты, милоч, не тревожься, — вмешался в наш разговор дедушка-лесник, у которого мы остановились. — У меня будильник есть. Уж он не обманет.

Я окинул взглядом всю комнату. На стене висели ходики, но будильника нигде не было видно.

— А где же он?

Старичок указал на входную дверь.

— Там, на насесте. Мой будильник живой. Он вернее всяких часов время сказывает. Вот как за полночь перевалит, так он и загремит.

Все эти обещания меня мало успокоили, и я лег с твердым намерением не спать, а только подремать немножко.

Мне казалось, что я и вправду не спал, когда дедушка потряс меня за плечо:

— Вставай! Слышишь, будильничек заиграл?

В сенях за дверью послышалось хлопанье крыльев и звонкое «кукареку».

— Уж он в третий раз играет, — улыбнулся дедушка. — Я вам и самоварчик поставил. Думаю, пускай малость поспят. Умаялись, чай, вчера — прямо с дороги.

— А не проспали мы?

— Нет, самое время.

Я быстро встал и оделся. Но разбудить товарища оказалось не так просто.

— Всю ночь не сплю, — бормотал он сквозь сон. — Заболел я. Иди один... И приятель, повернувшись к стене, сладко всхрапнул.

— Ишь, как разнежился, — покачал головой старик. — Что с ним поделаешь?

— А вот сейчас поделаю. — Я зачерпнул ковшом холодной воды и слегка плеснул на лентяя.

Товарищ поспешно схватился за одежду и мигом вскочил.

Через четверть часа мы уже вышли из сторожки и сразу окунулись в холодную сыроватую мглу весенней ночи.

— Ну и темень! — сказал мой спутник, доставая из сумки электрический фонарь.

Щелкнул выключатель. Голубой кружок лег на дорожку и побегал впереди нас, освещая влажную утопанную землю и бурую прошлогоднюю траву на обочине. Сначала мы шли через лес, а потом по вспаханному полю. Тут идти было очень трудно: ноги вязли по шиколотку. Казалось, что никогда не выберемся из этой трясины.

Но вот и конец пашне. Под ногами твердая земля. А впереди густой щеткой топорщится мелколесье.

С северной стороны под кустами что-то белело. Это последний снег, последняя память прошлой зимы.

Пройдя вдоль опушки шагов двести, мы остановились. Нужно было расходиться: приятелю идти к своему шалашу через мелколесье, а мне — к своему, дальше по опушке. Эти шалаши соорудил дед-лесник.

— Ну, ни пуха ни пера! — пожелали мы друг другу, и товарищ исчез в кустах.

Мне идти недалеко. Торопиться было некуда, и я стоял, отдыхая и слушая затихающие звуки шагов.

Люблю я эти часы уходящей весенней ночи. Темнота становится еще гуще, небо укрыто облаками, и только в просветах между ними, где-то высоко-высоко мигают неяркие голубые звезды.

В ночной тишине монотонно бурлит ручей. Вот что-то зашуршало в кустах. Может, лесной зверек пробежал, а может, трава растет, топорщится, подымает прошлогодний опавший лист.

Подул ветерок, обдал лицо прохладной весенней свежестью. Как хорошо, не хочется двигаться. Кажется, так бы стоял и вдыхал полной грудью этот свежий, бодрящий воздух и вместе со всей природой набирался новых сил.

Однако долго стоять некогда. Пора идти к шалашу.

Вот он виднеется недалеко от опушки, похожий на большой темный куст. Шалаш на току я делаю всегда открытым, чтобы в случае надобности привстать и стрелять через верх.

Раздвинув ветки, я забрался внутрь на мягкую подстилку из сухого сена. Его я принес из сторожки еще вчера. Нести не хотелось, зато теперь как приятно сидеть на мягком! Устроившись поудобнее, я задремал в ожидании зари. Но привычное ухо невольно ловило каждый звук просыпающейся природы.

Громко крикая, пронеслась утка над залитой водой низиной. В темной вышине, будто барашек, заблеял болотный кулик-бекас. Где-то совсем близко с характерным криком «хор-хор» медленно пролетел вальдшнеп.

Я раздвинул ветки и выглянул из шалаша. Начинало светать. Кусты на опушке уже ясно отделялись от сплошной массы темного мелколесья.

Небо на востоке быстро очищалось от облаков и уже теплело утренним светом зари.

«Давно бы пора им начинать,— с беспокойством подумал я.— Может, сегодня вовсе не затокуют?»

Но в это время где-то вдалеке раздался первый призывный клич тетерева: «Чу-фшшшш... чу-фшшшш...».

И сейчас же с разных концов на него отозвались другие тетерева. Потом послышалось их тихое воркующее бормотание, словно зажурчали невидимые ручейки. Тетерева слетелись на поле и начали распевать свои весенние песни. Как говорят охотники, тетерева затоковали.

Но как далеко от шалаша расселись эти лесные краснобровые петухи! Неужели не подлетят? Ведь я точно поставил шалаш там, где сказал лесник. Уж он-то не ошибется. В чем же дело?

Я глядел в отверстие между ветвями на посветлевшее поле, на лесную опушку, глядел и слушал чужья канья и бормотание тетеревов.

Вдруг невдалеке за перелеском что-то грохнуло. Выстрел — наверное, приятель уже с добычей. Недоброе, завистливое чувство шевельнулось в душе. И сразу сделалось как-то грустно. «Конечно,

тетерева не подлетят ко мне. Очевидно, я не понял деда и поставил шалаш не на месте».

Захотелось выбраться из засады. Может, лучше побродить по лесу, может, скорее убью петуха, подкравшись из-за кустов.

Снова загремел выстрел, и сейчас же второй.

«Да что же это такое! Он стреляет, а у меня и близко ни одного нет. Мне всегда так не везет, хоть охоту бросай».

Внезапно все мои размышления были прерваны.

Черный как уголь петух, громко хлопая крыльями, подлетел к шалашу. Он сел на жнивье шагах в двадцати, настороженно вытянув шею и оглядываясь по сторонам.

Близко, а стрелять не с руки. И шевельнуться нельзя — сразу улетит.

Я лежал, затаив дыхание. «Затокует или перелетит?»

Просидев с минуту, тетерев подскочил и с задорным криком «чу-фшшшш...» отлетел на несколько шагов.

Теперь стрелять еще неудобнее. Вот и совсем слетел. Экое невезение!

Петух оказался задорным: громко хлопая крыльями, он яростно зазывал к себе бойцов.

И подозвал. К веселому драчуну стали подлетать другие тетерева. Вот уже несколько петухов токуют поодаль. Стрелять далеко, но это полбеды. Теперь есть надежда, что подлетят ближе. Только бы кто-нибудь не спугнул.

Громко чужья, вся компания краснобровых бойцов двинулась к моему шалашу. Держа ружье наготове, я глядел, не отрывая глаз, на это занятное зрелище.

Первые лучи солнца позолотили серую щетину жнивья.

На золотистом поле бегали, гоняясь друг за другом, петухи. Потом они замирали, припав к земле, вытянув шеи и распутив лирой свои роскошные хвосты.

Бормоча песню, похожую на журчание весеннего ручейка, они очень медленно кружились на одном и том же месте, и когда поворачивались ко мне спиной, то ходили со своим распушенным лирой хвостом на черные сказочные цветы с ярко-белой серединой и иссиня-черными лепестками вокруг нее.

Закончив свою песню, тетерева снова подскакивали и с громким криком задорно бросались друг на друга.

Я терпеливо ждал, когда разыгравшиеся тетерева подбегут к моему шалашу на верный выстрел.

Вдруг мне показалось, что в кустах на опушке леса шевельнулось что-то серое, рыжеватое. Наверное, ветер качнул сухой прошлогодний папоротник.

Вот опять шевельнулось. Нет, это не папоротник.

Я пригляделся, да так и замер.

Через кусты, припадая всем телом к земле, пробиралась лиса. Она подкрадывалась к токующим тетеревам.

«Сейчас весь ток разгонит. Что делать? Крикнуть? Все равно спугнешь. Лучше подожду».

Лиса подбиралась к тетеревам все ближе и ближе. Она то замирала, припав к земле, то быстро переползала от одного куста к другому. Так она добралась до самого поля. Больше кустов нет, укрыться негде.

Лиса залегла у последнего куста. Своей рыжеватой окраской она настолько сливалась с прошлогодней травой, что я совсем потерял ее из виду.

Не подозревая об опасности, тетерева продолжали токовать.

За перелеском опять прогремел выстрел. Это уже четвертый. Но теперь я не обратил на него никакого внимания. Что мне за дело до трофеев приятеля, когда у меня на глазах разыгрывается такая необыкновенная сцена!

В эту минуту я совсем забыл про ружье и, сгорая от нетерпения, ждал, чем кончится эта любопытная охота.

Гоняясь друг за другом, тетерева то и дело перелетали с места на место.

Вдруг один из петухов шлепнулся прямо у самой опушки, возле куста, где затаилась лиса.

Бросок. И пойманный тетерев уже бьется в ее зубах.

Другие срываются, летят прочь. Я выскакиваю из шалаша. Но лисы давно уж след простыл. Только черные перья виднеются на опушке леса возле куста.

Садиться обратно в шалаш после таких «происшествий» уже нет никакого желания. Мне не терпится поделиться с кем-нибудь всем виденным. Лучше пойду потихоньку до места, где условилась встретиться с товарищем.

Я иду вдоль опушки. В лесу весело перекликаются зяблики и длиннохвостые овсянки расппевают свои звонкие песенки, сидя на самой верхушке молодых елочек.

Неожиданно впереди из кустов показывается приятель. За спиной у него торпочится туго набитый мешок.

— Я троечку взял,— еще издали торжествующе говорит он.

— А я ни одного, но зато какую сцену видел!— И я рассказал историю с лисицей.

— Очень интересно,— промолвил приятель, когда я кончил рассказ.— Правда, такую сцену нечасто увидишь. А ведь в этом и есть главная прелесть охоты — заглянуть в тайники природы.

— Да, у нас сегодня у обоих удача,— весело ответил я, насколько не завидуя его трофеям.— А погляди, какое славное утро!

Действительно, утро было чудесное. Поля и лес, еще не одетый листвою, и весенний разлив, затопивший низину,— все было залито ярким солнечным светом.

Мы поднялись на пригорок, остановились передохнуть.

Впереди по полю, ворча и фыркая, медленно двигался трактор, волоча тяжелые плуги. Они отваливали в стороны черные лоснящиеся глыбы земли. Следом летела стая грачей и галок, выбирая из свежей пашни разных личинок.

— Смотри-ка, гуси! — неожиданно воскликнул товарищ.

Я взглянул вверх. Прямо над нами, плавно махая крыльями, летели большие серые птицы.

Легкое гоготанье слышалось с вышины.

«Куда же они держат путь? — подумал я, провожая глазами вереницу гусей. — Может, в далекую тундру, а может, остановятся и гораздо ближе, где-нибудь на болотистых островах».

Лесная ловушка

Как-то в начале лета Ваня с Володей бродили по лесу. Вдруг ребята увидели на сосне рыженького длиннохвостого зверька. Он сидел, прижавшись к сучку, и внимательно смотрел на мальчиков черными, как бусинки, глазами.

— Гляди, белка, — зашептал Ваня. — Наверное, молодая. Давай поймаем!

Ребята потихоньку, стараясь не испугать зверька, подошли к дереву. Но как только Ваня обхватил руками ствол, чтобы влезть на него, белка стрелой взлетела на самую верхушку, с нее перескочила на соседнюю елку, с этой елки — на другую, третью и спряталась там в густых ветвях.

— Жаль, не поймали, — вздохнул Ваня. — Вот бы в школу к нам принести в живой уголок. Там и клетка есть, специально для белки устроена. Помнишь, с колесом, чтобы она могла в нем бегать, кружиться.

— Да разве ее поймаете. Ишь как понеслась! — ответил Володя.

Мальчики стояли, глядя на густую елку, где затаился зверек.

— А знаешь, я придумал, как нам ее поймать, — неожиданно сказал Ваня. — Бежим домой ловушку делать!

И ребята побежали в деревню.

По дороге Ваня рассказал, что он придумал:

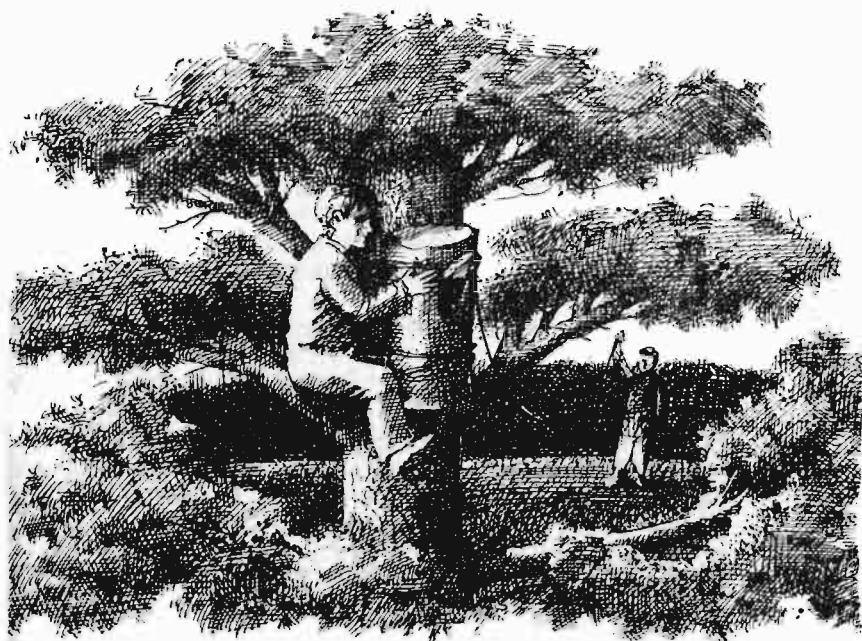
— Видал, у нас во дворе толстое полено лежит, совсем трухлявое и дупло сбоку? Мы труху из него вычистим, прибьем снизу и сверху дощечки, вот и получится дуплянка, как для птиц. А к самому дуплу дверцу приделаем, с веревочкой, чтобы захлопывалась. Пристроим ловушку там, на сосне, а внутрь сахару набросаем. Белка полезет за ним, мы — дерг за веревочку, и готово дело!

С устройством дуплянки ребята провозились до самого вечера, но зато все было сделано как нельзя лучше.

Рано утром мальчики отнесли свою ловушку в лес. Трухлявое полено хотя и было большое, толстое, но оказалось совсем легким. Ребята обвязали его веревкой, Ваня привязал ее конец себе к поясу, потом он ловко залез на сосну, уселся на крепком суку и втащил за веревку дуплянку. Этой же самой веревкой

он прикрутил ее к стволу. Внутри дуплянки положил несколько кусочков сахара, потом открыл дверцу, насторожил спуск, привязал к сторожке тоненькую бечевку, а весь ее моток бросил Володе. Закончив, Ваня спустился на землю.

Все было готово, оставалось только ждать, когда зверек заберется в дуплянку.

— А полезет ли она туда?— усомнился Володя.

— Конечно, полезет!— с жаром ответил Ваня.— Белки любопытные, так всюду и шныряют. Увидят дупло, как же туда не заглянуть. А там сахар... Ты по себе суди: разве удержишься?

Володя в знак согласия кивнул головой.

Ребята разматывали с клубка бечевку и, растянув ее по земле, спрятались за кусты. Ваня держал клубок в руках, готовый в нужный момент дернуть за бечевку, а Володя уже приготовил мешок, куда они посадят пойманного зверька. Вот только бы поймать его. Но время шло, а белка все не показывалась.

— Да, может, она отсюда совсем убежала,— прошептал Володя.

— Ну и что же?— ответил Ваня.— Разве здесь, в лесу, одна только белка. Не эта, так другая придет.

Посидели еще с полчаса. Солнце уже высоко поднялось над лесом. Ребятам стало жарко. Ветви кустов плохо укрывали их от горячих лучей.

Володе надоело сидеть и ждать, но не хотелось сознаться в этом товарищу. Вон он как терпеливо караулит.

Просидели еще полчаса. Ваня тоже заскучал.

— Нет, видно, сегодня уже не придет,— сказал он, вставая и разминая затекшие ноги.— Пускай ловушка здесь так и останется. Завтра на зорьке белка непременно в ней побывает. Это даже лучше: попривыкнет, не будет бояться туда залезать. Мы ее тогда сразу поймаем.

Наутро ребята опять прибежали осмотреть дуплянку. Увы, дверца была открыта и сахар внутри не тронут.

И на третий, и на четвертый, и на пятый день было все то же. Одни только мухи повадились залезать туда.

Ребятам надоело понапрасну бегать к ловушке. Они стали посещать ее все реже, реже, а потом и совсем про нее забыли. Так прошел месяц, другой.

Лето кончилось. Наступила погожая золотая осень.

Однажды после занятий в школе Ваня с Володей собирали в лесу грибы.

— Гляди-ка, вон наша дуплянка,— сказал Володя, указывая на сосну.

— Верно, верно,— ответил Ваня.— Давай посмотрим, может белка в нее все-таки лазает.

Мальчики подошли к сосне и в изумлении остановились.

Дверца ловушки была открыта, и возле нее в воздухе вились какие-то темные точки.

— Вроде как мухи,— проговорил Володя,— только уж очень много, целый рой.

— Да это пчелы!— воскликнул Ваня.— Узнали, что внутри сахар лежит, ну и повадились. Пчелы сладкое любят.— Он неодобрительно покачал головой.— Вот уж некстати. Теперь белка, наверное, не придет, побойтся.

— Хорошо бы их отучить в дуплянку лазить,— сказал Володя.— Только как это сделать?

Прятели задумались.

— Вот что, давай попробуем,— предложил наконец Ваня.— Когда стемнеет и пчелы улетят к себе в улей, придем сюда, вынем из дуплянки весь сахар, а вместо него кусочки вареного яйца положим. Я читал, что белки очень любят яйца, даже в гнезда к птицам за ними лазают.

— Давай попробуем,— согласился Володя.

Вернувшись домой, ребята выпросили у Ваниной бабушки куриное яйцо, сварили его, очистили от скорлупы и разрезали на мелкие кусочки.

Едва наступил вечер, приятели отправились в лес.

В нем в эту пору мальчики еще никогда не бывали. Как там было теперь хорошо, но хорошо по-новому, по-особенному. Заблудиться ребята совсем не боялись. Лесок невелик, знакома каждая полянка, каждый кустик.

Но в сумерках все выглядело по-иному: гуще кусты орешника, глубже лесные овражки, глуше, таинственнее молодая поросль березняка.

Идя по тропинке, мальчики с любопытством оглядывались по сторонам.

В воздухе пахло ночной свежестью и грибами.

Ребятам невольно вспомнилось — сколько молодых подберезовиков они частенько набирали в этом лесу.

А вот и полянка. На ней недавно Володя нашел сразу пять штук, так и стояли, будто солдатики, один возле другого.

— Под этой березкой ты их нашел, — сказал Ваня, подходя к деревцу.

Вдруг в стороне что-то зашуршало, наверное, какой-то зверек.

Оба мальчика бросились на шум. Из травы послышалось сердитое пыхтение, фыркание.

— Ежик! — воскликнул Володя. Он присел на корточки и вытащил из-под куста свернувшегося в клубок зверька. — Ишь какой сердитый, иголки свои растопырил. Колется как...

— Давай возьмем, отнесем в живой уголок, — предложил Ваня.

— Да ведь у нас уже есть, зачем же второго? И с одним сколько хлопот. То жуков, то личинок, то улиток ему лови.

— Это верно, — согласился Ваня. — Тогда давай его выпустим.

Отпустив зверька, ребята направились своим путем.

Вскоре приятели добрались до той самой сосны, где помещалась их ловушка. Нет терять времени, Ваня полез по стволу. Вот и сук, а на нем дуплянка.

«Может, в ней сейчас белка? — подумал мальчик. — А что же, очень возможно. Забралась туда на ночь и спит. Вот бы здорово вышло. Захлопнуть крышку — и дело с концом».

Ваня осторожно подобрался к дуплянке. Прислушался. И вдруг даже сердце от радости замерло: внутри дуплянки как будто послышался слабый шорох.

Не раздумывая ни секунды, мальчик захлопнул дверцу ловушки.

Из дуплянки ясно слышалось какое-то гудение. «Нет, там не белка, но что-то живое, кто-то шевелится, гудит, — подумал Ваня. — И почему здесь так пахнет медом, будто на пчельнике возле самого улья? — Вдруг Ваня понял. — Вот так сюрприз!»

— Ой, Володька! — радостно воскликнул он. — Ты знаешь, что в нашей дуплянке? Пчелы, целый рой пчел. И мед натаскали, пахнет как хорошо!

— Не упусти их! — закричал снизу Володя.

— Не упусти, я дверцу захлопнул. Гудят там внутри, проснулись, значит. Как же теперь быть?

— Не знаю. Оставим так до утра.

— Нет, лучше давай домой отнесем.

— Ой, смотри, чтобы не вырвались. Закусают.

— Ничего, не вырвутся. — Ваня отвязал от дерева ловушку, поставил ее на сук и как можно туго обмотал веревкой.

В дуплянке сердито гудели потревоженные пчелы.

Ваня осторожно опустил ловушку на землю. Следом прыгнул и сам.

— Понесем домой.

И вот мальчики, едва веря такому счастью, пустились в путь, неся свою неожиданную находку.

— Да как же они туда забрались?— радостно спросил Володя.— Наверное, их сахар туда приманил.

— И вовсе не сахар,— ответил Ваня.— Рой откуда-нибудь улетел, наткнулся на нашу дуплянку и поселился в ней. За лето вон сколько меду туда натаскали. Чувствуешь, как тяжело нести. Ты разве не знаешь, пчеловоды нарочно в лесу пустые колоды развешивают, чтобы улетевший рой туда заманить.

— Но разве мало дупел в лесу, почему же именно к нам они залетели?

— Вот уж этого я не знаю, спроси их самих об этом!— весело отозвался Ваня.

Дуплянку с пчелами ребята принесли в деревню и поставили в саду возле школы. Была уже ночь, но спать мальчикам не хотелось. Какой уж там сон!.. Забежали домой, рассказали обо всем, что случилось, выпросили разрешение идти спать в школьный сад.

Ванина бабушка покачала головой:

— Ох, уж мне эти ребята, одна сумятица с вами! Ну, бегите да одежку с собой захватите, к утру теперь студено бывает, прозябнете.

А уж ребят и след простыл.

Прибежали в сад. Темно. Пахнет яблоками и сухой травой. Приятели забрались в сарай на сено, решили не спать всю ночь, да тут же и уснули.

Разбудил их предрассветный холодок. Мальчики немного замерзли. Они хотели укрыться одеждой и снова заснуть, но вдруг вспомнили про свою ночную находку. Ваня сразу вскочил, побежал к дуплянке — не упала ли она, плотно ли закрыта дверца.

Дуплянка стояла там же, под яблоней, где ее вчера и поставили, но выход из нее был слегка приоткрыт. Верно, вчера впотьмах мальчики нечаянно сдвинули дверцу.

«Целы ли пчелы?— Ваня осторожно подошел поближе.— Кажется, целы, вон несколько штук выползло на стенку. А не летят, должно быть, холодно еще».

Подошел и Володя. Оба приятеля молча присели на корточки, стали ждать, что будет дальше.

Становилось все светлее. В разных концах деревни перекликались петухи. А вон и пастух заиграл в рожок. Тут и там заскрипели ворота, хозяйки выгоняли из хлева скотину. Коровы задумчиво мычали, не спеша отправляясь на пастбище.

Наступало утро. Из-за старых берез показалось солнце.

Оно осветило сад, засверкало в каплях ночной росы, зарумянило спелые яблоки, от которых так и клонились к земле ветви деревьев. Сразу стало теплее.

И вот навстречу утреннему лучу из дуплянки начали вылетать одна за другой первые пчелы.

Они вылетали из своего домика, но уносились вдаль совсем не так стремительно, как это всегда бывает. На этот раз крылатые обитатели дуплянки были как будто удивлены тем, что вместо знакомых сосен и елей их окружали яблони, сливы, груши. Пчелы, словно в нерешительности, облетали вокруг своего домика, оглядывая незнакомую местность, и только потом отправлялись в полет — отыскивать душистый нектар последних осенних цветов.

Мальчики долго еще сидели не шевелясь и смотрели на то, как из дуплянки вылетали все новые и новые пчелы.

А вот уже некоторые из них летят обратно, спешат забраться в свой домик. Наверное, они успели собрать нектар с цветов и теперь несут на новоселье свой первый взятки.

Наконец Ваня привстал с земли.

— Ну, пора домой,— сказал он.— Попьем чайку — и к учителю, к Петру Ивановичу, он рано встает. До занятий в школе ему все расскажем.

— А может, без чая, прямо сейчас к нему,— предложил Володя.

— И правда, давай сейчас,— согласился Ваня.— Вот, брат, значит, недаром мы ловушку с тобой смастерили,— добавил он.— Думали белку поймать, а поймали целый пчелиный рой. Еще лучше дело-то получилось.

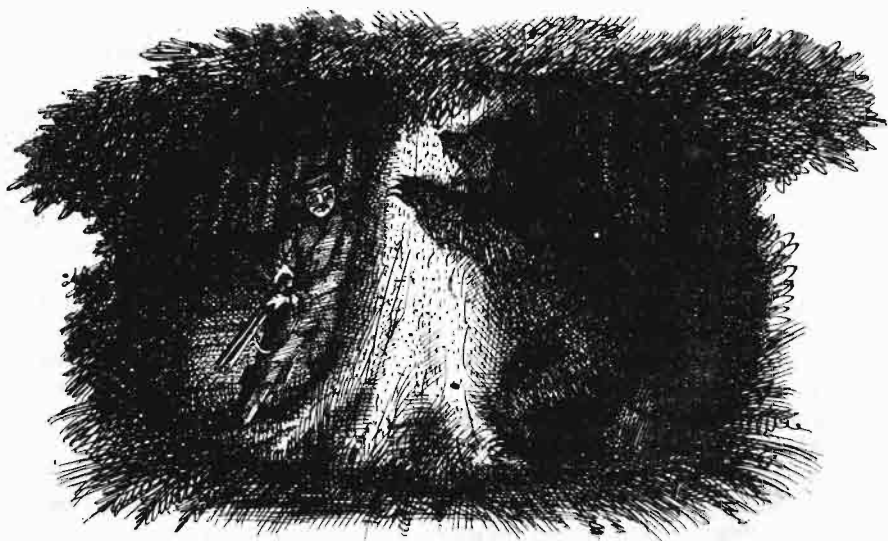
За медведем

Я решил съездить на Кавказ поздней осенью, побродить по горным лесам, послушать олений рев, а если удастся, то попытаться поохотиться на кабанов и медведей.

И вот в октябре, когда у нас под Москвой природа уже нахмурилась — то дождь пойдет, а то и снежок,— в эту унылую пору я вышел утром из вагона поезда на маленькой станции приморского поселка.

Вышел, огляделся кругом и невольно подумал: до чего же разнообразна природа нашей страны! Ведь всего только два дня назад, отъезжая из Москвы, я видел в окно вагона потемневшие от дождей поля, голый лес, проселочные дороги с размытыми колеями, полными дождевой воды... А вот здесь, на Кавказе, еще совсем по-летнему: светит солнце, все кругом зелено, а издали, с берега моря, слышится веселый смех и говор купающихся.

Несмотря на то что я торопился, чтобы не опоздать на автобус, я не удержался от соблазна — прямо с вещами пошел к морю и искупался в чудесной, совсем теплой воде.

Ну, а теперь нужно спешить на автобус. К счастью, я не опоздал, занял у окошка местечко и покатил от моря, от веселой курортной публики в дикие горы, в вековые леса, туда, где бродят олени и козы, а по ночам медведи и кабаны лакомятся опавшими дикими грушами, орехами и каштанами.

Через три часа пути по извилистой дороге среди утесов и скал автобус прибыл в Красную Поляну. Этот поселок расположен в котловине и со всех сторон окружен покрытыми лесом горами. Я уже заранее знал, что в горных лесах возле Красной Поляны водится много медведей. Мне хотелось на них поохотиться. Оставалось самое главное — найти товарища по охоте, который бы хорошо знал места, где держится зверь, и согласился бы взять меня с собой. Но за этим дело не стало. Недаром говорится: «Рыбак рыбака видит издалека». Так бывает и у охотников.

В этот же день, придя в столовую, я познакомился там с опытным медвежатником Иваном Тимофеевичем. Познакомились и решили завтра же идти на охоту.

«Ну что ж, вот и чудесно!» — подумал я, выходя из столовой.

На охоту мы пошли ранним утром. Было по-летнему жарко, и если бы не разноцветный убор осеннего леса, я никогда не поверил бы, что октябрь уже на исходе. Мы спустились в долину горной реки. С веселым шумом неслись по камням хрустально-чистые потоки воды. Местами из реки высовывались, будто гладкие серые спины чудовищ, огромные камни. Вода ударялась о них, взлетала вверх. Все кругом шумело, кипело и двигалось. Казалось, что серые чудовища тоже движутся, плещутся в реке, громко фыркая и отдуваясь.

Вся речная долина была похожа на запущенный фруктовый сад. По обеим сторонам нашей тропы росли исполинские дикie груши, черешни, кислицы, изредка попадались дикie яблони. А между этими деревьями на небольших полянках, как вековые дубы, стояли какие-то огромные, развесистые деревья.

Я спросил у Ивана Тимофеевича, что это за деревья.

Вместо ответа он подошел к одному из них и, наклонившись, стал что-то искать на земле среди опавших листьев.

— Узнаете?— сказал он мне, протягивая грецкий орех.

— Конечно. На этих деревьях они и растут?

— На этих самых.

Я тоже стал присматриваться к земле и тоже нашел несколько орехов. Некоторые из них были еще одеты в растрескавшуюся зеленую шкурку.

Признаюсь, до этого я и не знал, что грецкий орех растет не открыто, как наш лесной, а заключен в виде крупного зерна в зеленоватый плод, немного похожий на грушу. К осени сам плод засыхает, лопается, и орех, падая вместе с ним на землю, обычно выскакивает из своей оболочки. Только некоторые, еще не дозревшие плоды падают на землю, не треснув и не освободив заключенного в них зерна.

А вот и еще какие-то орешки лежат несколько поодаль среди опавшей листвы. Они гладкие, темно-коричневые, немного напоминают с виду наши лесные, но по величине они значительно крупнее.

Тут же валяются треснувшие серо-зеленые шкурки, из которых выскочили орехи. Шкурки снаружи покрыты длинными колючками и похожи на маленьких ежейков.

Я взглянул вверх, чтобы узнать, с какого же дерева напали эти орехи. Дерево было тоже большое, старое. По листьям я сразу узнал — каштан.

В этом году был хороший урожай каштанов. Это-то и привлекло сюда много медведей.

Фруктовые деревья и грецкие орехи растут преимущественно по долинам, а каштаны, так же как бук и граб, поднимаются высоко в горы.

Первая задача нашего путешествия и состояла в том, чтобы найти в горах среди леса такое место, где растет много каштанов. Сюда обычно выходят медведи на кормежку. Здесь мы их и должны были караулить. Но, признаться, я что-то не очень верил в успех этого дела.

Мы прошли еще немного вдоль реки и свернули в гору. Для меня начался самый мучительный путь. По ровному месту я могу идти долго, а по горам не могу — начинаю задыхаться, кажется, вот-вот разорвется сердце.

На минуту останавливаюсь, чтобы перевести дух и набраться сил. Но стоять некогда — товарищ забрался уже много выше.

«Какой он счастливец!— с завистью думаю я.— Вот бы мне быть на его месте, там, наверху».

Наконец, когда я уже совсем выбился из сил, Иван Тимофеевич неожиданно сел на сваленное бурей дерево и молча поманил меня к себе.

С большим трудом добрался я до него и в полном изнеможении опустился рядом.

— Видите, — тихо сказал мой спутник, когда я немного отдышался. И он указал рукою на землю.

Там среди опавшей листвы валялись пустые шкурки каштанов. Местами листва была перерыта, видимо, кто-то здесь копался.

— Это медведь кормился, — так же тихо сказал Иван Тимофеевич. — Здесь его и будем караулить. Один сядет тут, а другой повыше — вон у того бука. Там тропа есть. Где хотите сидеть?

Я взглянул вверх. До бука нужно было взбираться по крутому склону еще метров тридцать.

— Можно, я здесь останусь?

Товарищ кивнул головой и взял из рук мое ружье. Собственно, оба ружья были его, только одно из них он дал мне на время охоты.

Иван Тимофеевич достал из заплечного мешка электрический фонарик в виде короткой трубки и ловко прикрутил его сбоку к ружью.

— Как слышите, что зверь совсем близко подходит, — пояснил он, — нажмите кнопку. Фонарь сразу его осветит. Стрелять легко. Только подпускайте как можно ближе. Не бойтесь. Он вас не учует. Ночью ветер с гор вниз дует. И медведи тоже с гор к долинам спускаются. Против ветра зверю чутье не поможет. Подпустите шагов на десять, стрельнете — и тут же за дерево. Раненный, он часто на свет кидается. Прячьтесь за ствол. Проскочит мимо, тогда уж не зевайте, бейте со второго.

Признаюсь, от всех этих наставлений и предостережений у меня мороз побежал по коже. Я и раньше охотился на медведя, да только в берлоге. Там все было куда проще, но главное — там стрелять приходилось днем, а тут ночью, при свете фонарика, да еще совсем рядом — в упор.

Стыдно сознаться, но я даже подумал: «Хорошо, если бы зверь вышел на Ивана Тимофеевича. Тот ведь опытный, а мне бы для первого раза и поглядеть довольно». Но делать было нечего — ведь сам напросился на охоту. «Ну, будь что будет».

Иван Тимофеевич приделал такой же фонарик и к своему ружью и не спеша полез вверх по откосу.

Усевшись поудобнее у корней старого каштана, я осмотрелся по сторонам. Я сидел на крутом горном склоне, поросшем старыми буками и грабами. Передо мной сверху вниз шла неглубокая лощина, в ней росли каштаны. Весь лес кругом был старый, тенистый. Многие деревья от старости упали на землю. Вокруг них густо разросся рододендрон.

Было совсем тихо, только откуда-то снизу доносился монотонный шум реки. Но этот шум был настолько однообразен, что вовсе

не нарушал общей тишины, наоборот — даже казалось, что это напряжение не то звенит, не то шумит в ушах.

Изредка шлепался на землю упавший каштан да где-то в лесу раздавался крик сойки.

Солнце закатилось за гору, и начало быстро темнеть. Стало заметно свежее; дневной жар сменился какой-то неприятной проливающей сыростью.

С наступлением сумерек лес будто очнулся и начал жить таинственной ночной жизнью. Какие-то шорохи то тут, то там едва слышались в опавшей листве.

При каждом шорохе я невольно стискивал в руках ружье еще зорче всматривался в синеватую вечернюю мглу. Но шорох стихал, и кругом снова наступала чуткая, настороженная тишина.

Совсем стемнело. Уже нельзя было различить стволы ближайших деревьев.

И вдруг среди наступившей тишины я ясно услышал легкий треск сучьев. Все ближе, ближе. Сомнения не было — зверь шел прямо ко мне.

«Подпусти метров на десять и нажми кнопку», — казалось, шептал кто-то в самое ухо. «Что же, пора или еще нет?» Я хотел заранее нащупать кнопку фонаря и не мог: от волнения пальцы дрожали и совсем не слушались.

Внезапно хруст сучьев и шум листвы прекратились. Теперь больше ни единый звук не выдавал присутствия зверя. Но ведь я знал, знал наверное, что он стоит где-то совсем близко в этой сырой, непроницаемой темноте.

Чем дольше продолжалось напряженное ожидание, тем становилось все более и более жутко. Я сдерживался изо всех сил, чтобы не шевельнуться, не нарушить этой зловещей, подстерегающей тишины.

«О-ох!» — раздался вдруг какой-то жуткий глубокий вздох. И вновь затрещали сучья, но уже где-то в стороне от меня.

Признаюсь, в эту секунду я почувствовал огромное облегчение — зверь пошел вверх по откосу. Но уже в следующий миг охотничья страсть победила страх и я был готов отдать все на свете, чтобы медведь вновь повернул ко мне.

А треск сучьев и шум шагов слышатся все дальше, уходя куда-то в гору.

Вдруг там, на горе, вспыхнул свет, будто вырвал из темноты ствол дерева и возле него — что-то темное, живое. В тот же миг грохнул выстрел.

Раздался оглушительный рев. Зверь метнулся вперед. Фонарь погас, и я услышал наверху, в темноте, какую-то возню. Вниз ко мне полетели камешки и земля.

«Задушил, загрыз! — мелькнула мысль. — Что же теперь делать?»

— Свети, свети! — неожиданно послышался сверху отчаянный крик.

«Светить? А чем, где спички? Ах да, фонарь!» Я поднял его вверх и нажал кнопку.

И вот в луче света — друг против друга человек и свирепый зверь.

Человек прячется за дерево. Зверь встал на задние лапы. Передними царапает, рвет кору, пытаясь достать, схватить человека. Оба крутятся вокруг ствола.

Но вспышка фонаря на секунду отвлекает внимание зверя. Он оглянулся.

Вновь грохнул выстрел, и что-то огромное, режущее покатилося вниз, под откос. Я еле отскочил в сторону.

Медведь, пролетев несколько десятков метров, тяжело ударился о древесный ствол и затих. И снова кругом все стало так же безмолвно.

Я боялся пошевелиться: «А ну-ка он только ранен и опять бросится?»

Вверху чиркнула спичка. Товарищ закурил, потом осторожно спустился ко мне.

— Фу, черт, чуть не задрал! — стараясь говорить спокойно, сказал он. — Понимаешь, как все было-то. Шел он на тебя, потом остановился, постоял и вверх полез — прямо ко мне. Я его подпустил поближе, дал свет и под лопатку — хлоп! А он как кинется, я — за дерево. Ружьем-то махнул о ствол и сшиб фонарь. Что делать? Темнота. Крутится он вокруг ствола, вот-вот схватит. Кричу тебе: «Давай свет!» — а ты не даешь. Ну, думаю, пропал.

— Да что ты! Я сразу же засветил.

— Вот так сразу! — добродушно засмеялся товарищ. — Он бы уж десять раз башку мне снес, спасибо дерево выручило. — И Иван Тимофеевич принялся вновь пристраивать к ружью свой фонарик.

— Пойдем поглядим его, — предложил я.

— Нет уж, дружок, до света глядеть не стоит, — ответил товарищ. — Там внизу чаща. Полезешь к нему, а он, коли жив еще, так облапит, что и не охнешь. До свету смотреть нечего, наш теперь, никуда не уйдет.

Мы разожгли костер и провели остаток ночи тут же, в лесу. Иван Тимофеевич даже вздремнул немного, но я никак не мог заснуть. Только закрою глаза — все чудится, будто зверь откуда-то снизу, из темноты, лезет.

Наконец стало светать. Густой туман затянул всю низину. Только на восходе солнца он разошелся.

Мы спустились со склона. Огромный медведь лежал, прижав тонкие стебли рододендронов. Зверь был мертв.

Сняв с него шкуру, мы взяли часть мяса в заплечные мешки и отправились домой, чтобы сейчас же вернуться в лес за оставшейся частью добычи.

Джек и Фрина

Конец августа. Раннее утро. Солнце только что поднялось из-за верхушек соснового бора и осветило просторное моховое болото. По краям оно поросло частым березняком. Кое-где темнеют одиночные молодые сосенки.

Вся земля в низинах покрыта зеленым мохом, а на буграх — целые заросли брусники, черники, гонобобеля. В воздухе пахнет свежестью, багульником и каким-то особенным запахом вянущих трав и листы. Отдельные листья, как желтые бабочки, кружатся в воздухе и садятся на землю, на зеленые шапки мха.

Ночами уже по-осеннему серебрят землю обильные холодные росы. А на восходе солнца все кругом — земля, кусты и деревья — все искрится разноцветными огоньками, будто в каждой листке, на каждой травинке вспыхнул да так и остался гореть утренний солнечный луч.

Но особенно ярко сверкают обрызганные росой паутинные звезды. Ими украшены ветви кустов и деревьев. И в каждой звезде, в самом центре, как крупная жемчужина, сидит паук-крестовик.

Я осторожно пробираюсь среди кустов, отяжелевших от ночной росы. Мой пойнтер Джек деловито обнюхивает моховые кочки, заросли брусники, черники в поисках тетеревиных бродков. Это следы, которые оставляют птицы, бродя по росистой траве. В этот утренний час тетерева выходят кормиться из лесной чащи. Самое время застать их на открытых полянах.

Джек уже стар, чутье у него ослабло, но зато с каким мастерством разбирается он в запутанном, сложном рисунке те-

теревинных бродков! Наконец выходной птичий след найден. Джек осторожно отправляется по нему к ближайшим кустам, к молодым березкам и там замирает в стойке.

Я подхожу, командуя: «Вперед!» Джек нерешительно делает шаг, другой, и из-под кустов, из густой, слегка завядшей травы, с шумом взлетают тетерева.

Вскидываю ружье, стреляю. Одна из птиц падает, сбивая с березок желтые листья. Джек видит ее падение, слышит, как она тяжело шлепнулась на сырую землю, но продолжает стоять, не трогаясь с места. И только когда я посылаю его вперед, он опрометью бросается в кусты и через минуту выходит оттуда, неся убитого тетерева. А какое блаженство выражает его собачья морда! Он забавно морщит нос, улыбается и сует мне в руки добычу. Но когда я хочу взять, он чуть-чуть придерживает ее зубами, будто желая продлить этот миг нашего охотничьего торжества.

— Ну, отдай, отдай, пожалуйста, — ласково говорю я.

Джек отдает и во все глаза глядит, как я прячу добычу в сумку. На его мягких губах и даже на кончике носа прилипли тетеревиные перышки. Я снимаю их, и мы отправляемся дальше.

Но бывает и так. Скроется Джек где-нибудь за кустами да там и станет в стойку. А я не вижу, не знаю, где он. Бегаю по кустам, ищу, зову, даже иной раз охрипну — Джек не идет. Но почему же? Ведь он слышит меня. Почему же он не отойдет со стойки, не подбежит ко мне? Вместе бы мы куда скорее опять подошли к найденной дичи. Неужели такой умный пес не может понять самую простую вещь? Кажется, сообрази он, что нужно сделать, когда я не вижу его, подойди ко мне сам, насколько осмысленнее, интереснее сделалась бы охота. Нет, значит, страсть, которая приковала Джека к затаившейся дичи, так сильна, что в этот миг лишает его природной смекалки. Ничего уж тут не поделаешь.

Обычно мы охотимся с Джеком все утро, пока тетерева не уйдут в чашу. Тогда мы возвращаемся домой в деревню.

На крыльце меня поджидает жена. Возле нее на солнышке греется Фрина — красный сеттер, баловень и любимица.

Увидя нас, Фрина вскакивает, стремительно бросается навстречу. Подбежит к Джеку и начинает его обнюхивать. При этом Джек обычно стоит в позе победителя, гордо подняв голову и вытянув в струнку свой «прут».

С особым старанием Фрина обнюхивает морду Джека, тычет нос ему прямо в губы, будто целует его. От мягких Джекиных губ, наверно, пахнет тетеревами, и этот запах для Фрины куда приятнее, чем для нас самые тонкие, дорогие духи.

— Хоть бы разок взял на охоту Фрину! — укоризненно говорит мне жена.

— Ну зачем ее брать? — отвечаю я. — Ведь ты же сама знаешь.

Пробовали ее натаскивать, в позапрошлом году целое лето жила у егеря. Вернул назад, сказал — никуда не годится.

— Да знаю!— с досадой отвечает жена.— Не для охоты возьми, а для нее самой. Видишь, как она радуется, когда вас встречает.

Но ходить на охоту с негодной собакой только ради ее удовольствия мне, признаться, совсем не хотелось. Я продолжал охотиться с Джеком, а Фрина оставалась дома.

И все-таки однажды жена упростила меня взять Фрину в лес, в настоящие тетеревиные места. Это было уже в сентябре.

В прохладный осенний денек мы пошли на лесные вырубки. Там пропасть брусники и обычно держались тетерева. Джека на этот раз я оставил дома, а чтобы он не волновался, ружья с собой тоже не взял.

Жена всю дорогу вела Фрину на поводке, чтобы та зря не бегала по лесу, не гонялась за птичками.

— Ну, Фринушка, найди-ка нам тетерева,— ласково сказала жена, глядя собаку и спуская ее с поводка.

Почувствовав себя на свободе, Фрина со всех ног помчалась в лес и в один миг скрылась с глаз.

Я попробовал вернуть ее и заставить искать как полагается, но не тут-то было: Фрина не слушалась ни окриков, ни свистка. Она носилась по лесу словно вихрь, только изредка попадаясь нам на глаза.

— Теперь сама видишь,— сказал я жене,— на охоте она никуда не годится — летает как полоумная, все живое разгонит.

— Да, вижу,— нехотя согласилась жена.

Мы пошли не спеша по лесной тропинке по направлению к дому, уже больше не обращая никакого внимания на Фрину — носись себе сколько душе угодно! Изредка я только посвистывал, чтобы она знала, где мы, и не потерялась в лесу.

Но вот Фрина, очевидно, вдоволь набегавшись, явилась к нам сама, и какая-то виноватая, смущенная. Подходит нерешительно, уши прижала, глядит прямо в глаза.

— Ты что, испугалась чего-нибудь?— спросила жена.

Собака приостановилась и неожиданно совсем легла.

В чем же дело? Мы позвали ее и тихонько пошли по дорожке. Глядим — не идет за нами. Все на том же месте лежит, а сама глядит на нас, глаз не спускает.

— Что-то неладно. Уж не укусила ли ее змея?— забеспокоилась жена.

Мы подошли к собаке.

И вдруг она робко приподнялась и тихо-тихо пошла прочь в кусты. А сама все оглядывается, смотрит — идем ли мы за нею.

— Она нас куда-то ведет,— сказала жена.

— Да куда там вести, просто так, дурака валяет,— ответил я.

Мне уже надоело это бесцельное хождение по лесу. То ли дело пройти теперь по этим же вырубкам с ружьишком, с Джеком! А то лезь через кочки, через кусты невесть куда и зачем.

Но Фрина кралась все дальше и дальше, с каждым шагом все тише, все осторожнее и наконец совсем остановилась, замерла, будто в стойке. Это еще что за фокус?!

— Ну, иди, иди хоть куда-нибудь! — с досадой сказал я, шагая вперед мимо собаки.

И вдруг прямо из-под моих ног с громким квохтаньем взлетела тетерка.

Фрина не выдержала, бросилась за ней.

— Назад, назад! — закричал я.

Отбежав немного, собака вернулась и с виноватым видом легла у моих ног.

Мы с женой стояли в полном недоумении. То, что Фрина погналась за птицей, неудивительно — она ведь была почти не обучена и дома тоже носилась за всякими птичками.

Но вот что совсем непонятно: почему Фрина так долго вела нас по лесу и в конце концов наткнулась на эту тетерку?

Так и не разобравшись, в чем дело, мы пошли по дорожке к дому, а Фрина вновь исчезла в лесу. Но теперь мы уже невольно прислушивались к легкому хрусту сучьев или к шелесту сухой листвы под ее быстрыми ногами.

И вдруг Фрина снова явилась к нам с таким же виновато-растерянным видом и приостановилась возле дорожки, взглядом прося идти за нею. На этот раз мы сразу пошли за собакой.

Осторожно, крадучись, она пробиралась между деревьями, между кустами, наконец вывела нас на полянку и там замерла в стойке.

— Вперед!

Из кустов можжевельника вылетел целый выводок тетеревов. От шума крыльев Фрина даже присела.

— Умница, молодец! — в восторге воскликнул я.

Теперь уже сомнений не было — Фрина сама, без всякого руководства, отыскивала дичь, но не становилась в стойку, а возвращалась к нам и вела нас к найденной птице.

Вот так сюрприз! Жена от радости бросилась обнимать и целовать свою любимицу. Я был тоже чрезвычайно доволен. Но как же егерь-то, у которого Фрина находилась в натаске целое лето, ничего не заметил и вернул ее как совсем непригодную?

Всю дорогу к дому мы с женой говорили о Фрине. Ведь возвращаться со стойки ее никто никогда не учил. Значит, она сама сумела преодолеть охотничью страсть, которая заставляла ее замереть возле птицы. Привязанность к людям у нее оказалась сильнее. А может быть, Фрина по-своему, по-собачьи, как-то сообразила, что именно так и следует поступать. Во всяком случае Фрина сделала то, чего не смогли сделать ни Джек, ни другие собаки, которых я до сих пор имел.

С этого дня я начал брать на охоту обеих собак. Но где же старому Джеку было угнаться за быстрой, как ветер, Фриной! Она носилась по лесу, отыскивала тетеревов и, только когда, бывало, найдет, возвращалась к нам и вела вслед за собою.

Но Джек, даже глядя на Фрину, не мог усвоить ее повадки. Разыскав дичь, он, как и прежде, упорно стоял в стойке, не двигаясь с места, сколько бы я его ни звал.

Так и не понял старик, чего от него я требую. Смекалка Фрины оказалась не для него.

Товарищи по охоте

Егор Иванович вышел из сторожки, засунул валенки в ляжки широких лыж и отправился в очередной обход своего участка.

Тусклый зимний рассвет занимался над лесом. Небо, укрытое облаками, было пепельно-серым. Только вдаль, над самым горизонтом, наволочь облаков немного приподнялась и из-под нее выглянула прозрачная, как морской янтарь, утренняя заря.

Слегка морозило. Воздух был чистый и бодряще свежий. Лыжи почти без усилий скользили по крепко укатанной лыжне.

Егор Иванович шел не спеша, внимательно, по-хозяйски осматривая свой участок.

Вот уже почти тридцать лет он ежедневно обходил его, охраняя от пожаров и тайных порубок; ухаживал за вверенным ему лесом, как за чем-то самым близким и дорогим.

С наступлением весны он приводил лес в порядок, собирал в кучи старый сушняк и сжигал его, чтобы там не развелись вредные насекомые, а главное, летом, в жару, не возник бы пожар.

На полянах и вырубках Егор Иванович подсаживал молодые деревца и зорко следил, чтобы кто-нибудь не поломал, не испортил посадок. Недалеко от сторожки он даже устроил лесной питомник. Каждое утро Егор Иванович обязательно его навещал. Вот и сейчас он прежде всего заглянул в «детский сад».

Молодые елочки, дубки и липки, укутанные снегом, действительно ходили теперь на ребят в белых пушистых шубках, шапочках и меховых рукавичках. Они будто тянули к старику свои растопыренные ручонки — здоровались с дедушкой.

— Ишь какие крепкие, коренастые! — ласково улыбнулся им Егор Иванович. — Ну, растите, растите!

Лесник обошел кругом свой питомник. С одного края он увидел свежий заячий след.

— Э-э, брат, это уж совсем неладно, что ты сюда заглядываешь! — недовольно покачал головой старик и пошел по заячьему следу.

Но зверек, видно, только случайно пробежал через питомник. След направлялся дальше, к поляне, где лежала свежесрубленная осина. Ее нарочно срубил сам Егор Иванович, чтобы зайцы глодали кору сучков и не портили молодых посадок.

На поляне вокруг срубленного дерева были видны заячьи следы и сучья дочиستا обглоданы.

— Ишь куда забрался косою! — улыбнулся Егор Иванович, представляя себе, как ночью ушастый зверек вспрыгнул на лежащий ствол дерева, потом привстал на задние лапы и начал обгрызать горьковатую, но по-зайчиному, может, самую сладкую кору осины.

— А это что же такое? — удивился лесник, заметив сброшенный с дерева снег.

Видно, заяц перепугался чего-то и метнулся в сторону, а потом понесся огромными скачками через поляну.

Его Иванович направился туда же, чтобы проверить, что испугало косою. Вот и разгадка.

Сбоку поляны, в кустах, виднелся другой скользящий по снегу след. Какой-то зверь полз к срубленной осине.

Но заяц вовремя заметил врага и вмиг ускорился.

Зверь даже не пытался его преследовать. Он встал на лапы, отряхнулся и пошел обратно в чашу, оставляя за собой на снегу четкую, будто выведенную по нитке, цепочку следов.

— Что, лисонька, не пришлось зайчатиной полакомиться? — улыбнулся старик. — И поделом. Иди-ка лучше в поле да лови мышей: и тебе легче, и нам полезнее.

Разобравшись в ночном происшествии, будто прочитав в лесной газете последнюю новость, Егор Иванович отправился дальше.

Проходя мимо елочки, на которой он еще осенью развесил маслята, лесник увидал, что грибов уже нет: значит, белки поели.

Голодно этим зверькам зимой, вот Егор Иванович и помогает им грибов на зиму заготовить. Идет осенью по лесу, увидит грибок, сорвет и повесит на дерево в развилку сучьев.

В начале зимы белки не очень охотно едят его угощение. Может, оно не так повешено, а может, запах от рук человека еще остался. Кто его знает, что смущает зверька. Но в середине зимы, когда холод и голод проберут по сильнее, тут уж церемониться некогда, белки все грибы до одного подберут.

— Ну что ж, кушайте, на здоровье,— говорит Егор Иванович, отходя от елки.

Он спешит дальше. Много у него еще разных дел: надо пойти осмотреть сухостой, который завтра придут рубить, надо сходить на болото проверить лосей, не беспокоит ли их кто.

Егор Иванович еще раз осмотрел и сосчитал засохшие, предназначенные к рубке деревья. Он отодрал с одного из них сухую кору и неодобрительно покачал головой. Под корой, как белая мука, виднелась источенная древесина и темнели дырочки, проделанные лесными вредителями.

«Квей, квей!»— протяжно закричал где-то невдалеке черный дятел желна.

— «Квей, квей!..»— передразнил его старик.— Эх ты, квекалка! Стучишь, стучишь по дереву носом, а червя под корой прозевал. Вишь, он тут что понаделал.

Дятел вдруг весело запел, перелетая с дерева на дерево.

— Ну ладно уж, пой себе на здоровье, только носом получше работай,— примирительно кивнул ему вслед Егор Иванович и стал спускаться к болоту, заросшему частым осинником и березняком.

Тут с самого края на снегу виднелись следы лосей, а кора на стволах осинок была будто соскоблена тупым перочинным ножом.

— Ишь сколько обглодали!— промолвил Егор Иванович, разглядывая на дереве свежие погрызы животных.

Вот кора обглодана очень высоко. Нужно поднять руку, чтобы дотянуться до места погрыза. А под деревом на снегу виднеются широкие следы копыт. Это кормился старый лось. Егор Иванович его давно уже заприметил. Пойдет в обход по болоту, а он стоит где-нибудь в осиннике и с места не сдвинется, будто знает, что Егор Иванович ему не враг, а друг — охраняет его.

— Ты что, дружок, глядишь на меня?— спросит лесник.— Встречаешь, соскучился?

Лось только уши насторожит, а сам глядит на старика своими внимательными глазами, словно и вправду его встречает.

— Ну, отдыхай на здоровье,— приветливо скажет Егор Иванович.— Я тоже пойду отдохну.— И покатит себе не спеша на лыжах обратно в сторожку.

Егор Иванович так привык встречать в лесу своего приятеля, что даже сердился, когда его не видел.

— Где ты там по лесу шляешься?— ворчал он.— Не мог меня подождать! Ведь знаешь, я каждое утро сюда прихожу.

Осмотрев свежие следы и погрызы на дереве, лесник тихонько пошел вперед, чтобы увидеть самого лося. Наверное, он стоит где-нибудь здесь, в болоте, с подветренной стороны.

Неожиданно Егор Иванович остановился, с тревогой глядя на снег. Из болота шел свежий след бегущего лося, а по бокам еще два следа вроде собачьих, но много крупнее.

«Волки!»— вздрогнул старик и поспешил по следам.

— Снег глубок. Не уйти ему!— сокрушенно твердил Егор Иванович.

Вот и поляна. Здесь, судя по следу, волки нагнали лося и он стал отбиваться от них копытами. На месте отчаянной схватки весь снег был изрыт, будто вспахан.

Лесной великан не поддался волкам. Он разогнал зверей и помчался дальше, на этот раз под гору, вниз.

«Скорее, скорее»,— спешил лесник, предчувствуя беду.

Лежащего на снегу лося Егор Иванович увидел еще издали. Волки загнали его в лощину, тяжелый зверь завяз в снегу, и хищники без труда с ним расправились.

— Сгубили, проклятые!— охнул старик, подбегая к лося.

Он лежал на боку, закинув назад свою тяжелую горбоноую голову. Невидящие глаза были широко раскрыты.

— Загрызли!— дрогнувшим голосом пробормотал старик.— Ну, погодите!— погрозил он в чашу леса, куда уходили неторопливые следы сытых зверей.— Вот я вам!..

Егор Иванович решил сегодня же идти за двадцать километров в город, привести охотников, а завтра чуть свет затянуть флажками лесную чашу и устроить облаву. «Мы вам зададим!»— еще раз погрозил старик.

Но тут он вдруг вспомнил, что ведь именно завтра с утра в лес приедут рубить сухостой. Как стукнут топором, так волков и поминай как звали. Уйдут подальше, куда-нибудь в самую чашу. А потом, когда в лесу поутихнет, снова вернуться. Всех лосей за зиму пережрут.

Что делать? Не давать лес завтра рубить — нельзя: народ из дальних колхозов нарочно приедет. Разве можно такое дело сорвать? Нужно сегодня же бить волков. А как?.. Флажков ведь нет, да один с ними ничего и не сделаешь. Вот если б луна ночью была, можно бы покараулить в засаде. Но луны, как на грех, и нет.

Егор Иванович не знал, на что и решиться. Знал только одно: упускать волков никак нельзя. Лесник стоял с минуту в раздумье. Потом вдруг, что-то сообразив, быстро повернулся и чуть не бегом пустился по лесу обратно домой.

— Старуха, ты где?— позвал он, входя в сторожку.

Жены дома не было. Верно, ушла за чем-нибудь в ближайшую деревню.

— Вот еще незадача!— с досадой махнул рукой Егор Иванович.— Тут каждая минута дорога, а ее нет! Ну, да я и один управлюсь.

Он достал ключ, отпер сундук, где хранилась одежда, и стал выкидывать на пол добро: платья жены, свои рубашки, материю... Все яркое и пестрое он откидывал в сторону.

Старик перерыл весь сундук, отобрал что поярче, потом быстро взял ножницы и начал резать на лоскуты отобранную одежду и материю. Вот уже изрезаны занавеска, старухина кофта, сатин для подушек... На полу перед стариком пестрела целая куча тряпья.

Занятый делом, Егор Иванович даже не заметил, как сзади скрипнула входная дверь.

Испуганный возглас заставил его обернуться. На пороге стояла жена и в ужасе глядела на его работу.

— Молчи, не шуми, старуха!— сказал Егор Иванович, вставая навстречу жене.— Волки лосей резать начали...

— А ты-то что делаешь? В уме ты?— пролепетала, не слушая его, жена и вдруг, закрыв лицо руками, горько заплакала.— Ой, родные мои, всю одежду порвал!

— погоди, погоди, старуха,— старался успокоить ее лесник.— Ты только послушай. Волки лося загрызли. Нужно зафлажить их, а флажков нет. Я тебе новое платье куплю!..

Но старуха и слушать ничего не хотела. Опомнившись, она бросилась отнимать уцелевшие вещи, а сама все плакала, все причитала:

— Отдай, отдай, беспутный! Одумайся, не губи добро!

Наконец Егор Иванович не выдержал.

— На, бери!— крикнул он, бросая рубаху.— Прячь в сундук, копи тряпье. А волки нынче лося, а завтра скот в колхозе порежут. Тебе что? Тебе тряпье дороже!

Старуха сразу притихла.

— А я тут при чем?— нерешительно сказала она.

— А при том, что за каждый клочок хватаешься. Из этих тряпок я флажки наделаю, за волками пойду...

— Ну, так бы мне и сказал,— уклончиво отвечала старуха.— Только уж больно одежду жалко. Ишь сколько добра накроил...

— Мало, мало этого,— перебил ее Егор Иванович.— Дай хоть рубаху еще.

— погоди, я лучше уж старенькую поищу,— торопливо сказала жена и полезла в сундук.

Закончив с материей, Егор Иванович наколол щепок и привязал к ним разноцветные тряпки. Другую часть тряпья он насовал в мешок. «На кустах развешаю,— решил он.— Эх, жаль, шнура нет! Настоящие бы флажки устроил, целую гирлянду. Ну, да ладно, и так сойдет».

Набив тряпьем заплечный мешок, Егор Иванович оделся и снял со стены ружье.

— Старуха, одевайся и ты,— сказал он.

— А мне зачем?— удивилась она.

— Со мной за волками пойдешь. Мне одному не управиться.

— Да ты совсем очумел!— изумилась жена.— Я-то что там делать буду?

— Загонять будешь. Я в засаду, а ты — загонщиком.

— И не выдумывай! Не пойду!— наотрез отказалась старуха.— Страсть-то какая — волков по лесу гонять! Да они кинутся, заедят еще!

— Не мели чепуху!— рассердился Егор Иванович.— Они и близко к тебе не подойдут. Волк человека пуше огня боится. Ты их и не увидишь. А без тебя я один ничего не сделаю. Зря, значит, только одежду порвал.

Эти последние слова подействовали лучше всяких убеждений.

— Как — зря порвал?— закипятилась старуха.— Раз уж порвал, надо до дела доводить!— И она стала быстро одеваться.

— Лыжи-то не забудь!— напомнил ей Егор Иванович.

— Ты что, старик, надо мной смеешься? Али совсем ум потерял?..

— Нет, не смеюсь. Без лыж в лесу не пролезешь. Ты же раньше ловко с горы каталась. Помнишь, на масленице, когда я за тебя посватался.

— Эва! Что вспомнил!— махнула рукой жена.— Это ведь сорок лет тому назад было! Тогда мне только двадцать годов исполнилось, а теперь все шестьдесят.

— Да неужто ты совсем разучилась?— огорчился старик.— Без лыж ты мне не помощник! Упустим волков, а за убитого премия полагается пятьдесят рублей,— добавил он.

— Пятьдесят рублей!— изумленно повторила старуха.— Ну, шут с тобой! Давай лыжи. Попробую. Может, что и получится.

Не прошло и получаса, как охотники тронулись в путь. Впереди шел старик с ружьем и заплечным мешком с флажками, а сзади старуха с вилами.

Сколько Егор Иванович ни уверял, что волки и на глаза ей не покажутся, она все-таки на всякий случай взяла оружие для защиты.

— Ты, дед, не больно спеши,— останавливала она старика,— а то у меня что-то лыжа на лыжу все наезжает.

— Ничего!— ободрял ее муж.— Ты у меня молодчина. Придет маслена, опять с гор кататься поедем.

— Какое уж тут катанье!— охала старуха.— Все ноги-то отвертела! Того и гляди, на ровном месте свалюсь!

К счастью, почти до самого места охоты идти было не очень трудно — шли по укатанной лыжне.

Добравшись до чащи, Егор Иванович стал осторожно обходить ее кругом, развешивая над землей по сучьям кустов разноцветные лоскутки. А в прогалинах, где кустов не было, он втыкал в снег лучины с привязанными к ним тряпицами. Так он окружил флажками всю чащу. Выходных волчьих следов нигде не попалось, значит, волки, наевшись лосятины, лежали неподалеку.

— Теперь я с другой стороны зайду и схоронюсь где-нибудь за деревьями,— сказал Егор Иванович, вернувшись к жене.— А ты подожди минут двадцать, пока я до места доберусь, а потом ступай не спеша прямо в чащу. Там тропку увидишь, по ней и иди. А сама полегоньку покрикивай. Волки сразу, как ты зашумишь, поднимутся с лежки, начнут во флажковом кругу метаться, выхода искать, на меня и наскочат. Убьем — пятьдесят рублей премии, да еще пять рублей за шкуру дадут.

— Ох, дед!— вздохнула старуха.— Уж я покричу, а ты тоже смотри, не сплошай.

Егор Иванович осторожно пошел обходить зафлаженную часть леса. Он дошел до входного следа волков, где они гнали лося.

«Здесь где-нибудь и затаюсь»,— подумал Егор Иванович.

Он осмотрелся и стал за большим кустом можжевельника. Впереди была широкая просека, на ней удобно стрелять. Устроившись в засаде, Егор Иванович стал ждать. «Только бы старуха не струсила»,— подумал он. Но в это время где-то вдали послышался знакомый голос:

— Пошли! Пошли! Вот я вас!— кричала старуха, будто выгоняла из огорода соседских кур; при этом она изредка постукивала вилами по стволам деревьев.

Егор Иванович напряженно ждал. Теперь волки, испуганные криком, уже вскочили с лежки и мечутся по чаще, ищут выхода из флажков. Вот-вот наскочат.

— Егор, а Егор!— вдруг услышал старик.— Тут две тропы, по какой идти-то?

Егор Иванович даже плюнул с досады. «Вот бестолковая!— подумал он.— Да иди по любой; Как же я тебе отвечать-то буду? Ведь я волков отпугну!»

— Егор! Ты что, заснул, что ли?— кричала старуха.— Отвечай, не дури, а то я домой уйду!

«Что с ней поделаешь!— выходил из себя старик.— Уйдет — и охоте конец. Волки оглядятся да и выйдут где-нибудь между флажками».

— Ну, я домой пошла, а ты как знаешь!— крикнула старуха в последний раз.

Егор Иванович чуть не заплакал с досады. «Все пропало!» Он тоже хотел уже сойти с места и окликнуть старуху, но вдруг так и замер.

Впереди в чаще леса мелькнуло что-то живое, послышался легкий хруст снега — и большой серый зверь показался на просеке.

Лесник вскинул ружье, загремел выстрел. Волк исчез за кустами.

«Промах!»— так и кольнуло охотника в самое сердце.

Но в тот же миг второй волк тоже выскочил на просеку и тяжелым галопом помчался вдоль нее.

Старик хорошенько прицелился. Снова выстрел — и волк упал.

Быстро перезарядив ружье, Егор Иванович подбежал к зверю. Он был мертв.

— Егор! Егор! Ты в кого там палишь?— слышался где-то вдали голос старухи.

— Иди сюда!— радостно отозвался Егор Иванович.

— Ты в меня-то смотри не пальни!— кричала старуха.

Выйдя на просеку, она так и всплеснула руками:

— Волка убил! Ай да старик! А в кого же ты еще раз палил?

— В другого. Да промахнулся,— отвечал ей Егор Иванович, рассматривая убитого зверя.— Это самец, а самка, значит; ушла. Э-эх, жаль! В ней-то ведь самое зло и есть. Еще выводок тут поблизости принесет, тогда беда!

Егор Иванович пошел взглянуть на след ушедшего волка, чтобы проверить, куда лег по снегу заряд картечи.

— Заряд правильно лег,— промолвил он и в раздумье прошел шагов десять по волчьему следу.

«Что это, будто горошина виднеется на снегу? Да ведь это кровь! А вот еще и еще!.. Зверь, значит, ранен».

Егор Иванович заторопился по следу.

— Куда ты, куда?— кричала ему старуха.

Но он и не слушал. Кусты, поляна, опять кусты, чаща — и в чаще что-то темное... Даже сердце замерло от волнения. Так и есть!

В кустах, уткнувшись мордой в снег, лежала волчица.

— Старуха, старуха!— от радости не своим голосом завопил Егор Иванович.— Волчицу нашел. Обоих, значит!.. Вот тебе и премия! И новое платье! Все тут!..— радовался Егор Иванович, прямо в лесу снимая шкуры с убитых зверей.— А главное — стадо в колхозе цело останется и лосей моих трогать не будут. А ты на такое дело тряпки жалела!

— Ладно, помалкивай!— весело перебила его жена.— Без моих тряпок да без меня ты бы с волками и не управился.— Она задорно взглянула на старика и добавила: — Выходит, и я в этом деле не меньше тебя участница.

— Верно!— с радостью согласился Егор Иванович.— Ай да старуха моя!— воскликнул он.— Во всех делах мне первый помощник была! А теперь и на охоте не подкачала!

За лисой

Я сидел за столом и набивал патроны, когда в комнату вошел мой приятель, художник.

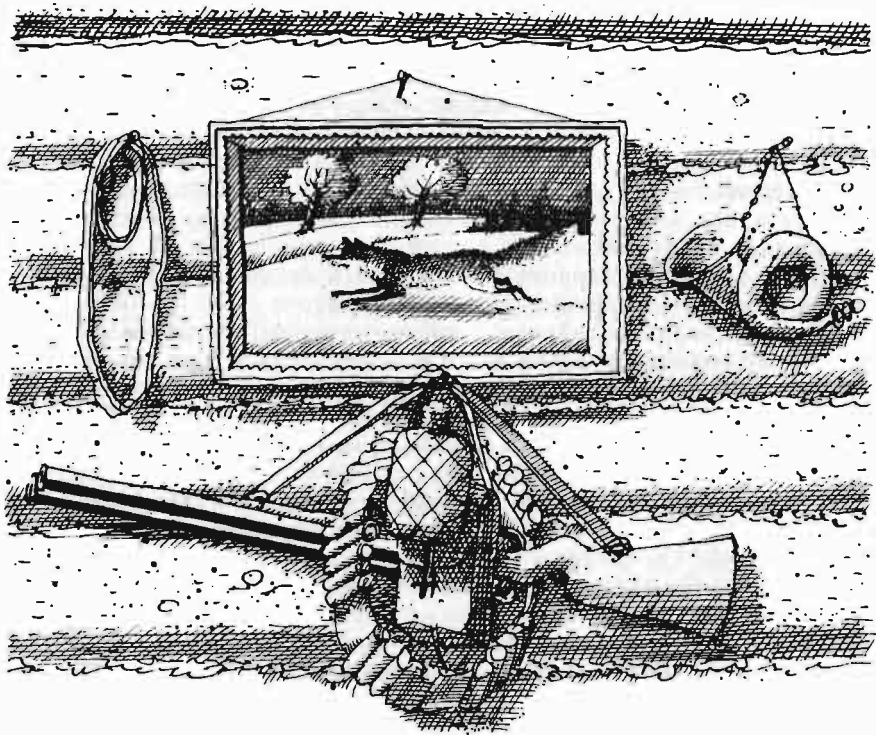
— Здорово, тетка! Ты это куда собрался?— спросил он.

— Хочу на охоту за лисой поехать.

— Отлично!— сказал приятель.— У меня как раз свободный день, я с тобой тоже поеду. Вот и встретим в лесу начало зимы!

Это известие, признаюсь, меня не очень обрадовало. Дело в том, что мой приятель совсем не охотник и даже в извест-

ной степени противник охоты. «Не понимаю удовольствия стрелять зверей и птиц, — часто говорит он, — гораздо интереснее наблюдать их, а потом нарисовать». С точки зрения художника он, наверное, прав, но мы, охотники, совсем не прочь и подстрелить дичину. Вот поэтому я и не очень обрадовался такому товарищу в предстоящей охоте.

Но приятель, видно, не обратил на это никакого внимания. Он ушел домой переодеться и часа через два уже был у меня, одетый в теплую куртку, ушанку и валенки. Я тоже переоделся, взял ружье, и мы отправились на вокзал.

Была уже глубокая ночь, когда мы добрались до деревни где жил знакомый старичок охотник дядя Федя. Хозяин постелил нам постель, и мы улеглись, чтобы отдохнуть немного перед охотой.

Отдыхать пришлось недолго. Скоро в окне забелел мутный зимний рассвет. Старик встал, поставил самовар. Мы все выпили по стакану чаю, оделись, взяли заплечные мешки с флажками и отправились на охоту.

Утро было чудесное. Свежий, пушистый снег укрыл всю землю. Лес был мохнатый, белый, а над ним неярко синело прозрачное зимнее небо.

Мы шли по тропинке через мелколесье. Кое-где по сторонам возвышались старые сосны, сплошь усыпанные снегом. На синеватом фоне неба они казались совсем белыми, будто вылитыми из гипса.

За мелколесьем начались овражки, поросшие кустарником, и густая, непроходимая чаща.

Мы внимательно осматривали на снегу свежие ночные следы зверей, видели несколько заячьих и беличьих, а лисьего следа все не попадалось.

Но вот наконец и он: ровный, лапка в лапку, словно выведенный по нитке, тянется от опушки прямо в чаше густых кустов.

— Подождите меня тут,— сказал дядя Федя, снимая с плеч свой мешок с флажками и кладя на землю.— Я мигом эту чашу обойду и погляжу, есть ли выходной след. Может, лиса здесь и улеглась на дневку.

Мы тоже сняли свои мешки и уселись на них. Сидели молча, боясь разговором спугнуть чуткого зверя.

Вскоре старик показался с другой стороны. Он почти бежал.

— Нет выходного. Тут в чаше и лежит,— зашептал он, быстро развязывая мешок с флажками.— Становись здесь у елочки и карауль,— сказал он мне,— а ты со мной иди, я тебя у полянки поставлю,— обратился он к приятелю.— На чистом месте ты ее хорошо разглядишь.

Дядя Федя вынул из мешка веревку, на которой были нашиты красные лоскуты — флажки, и начал ее растягивать, цепляя за ветки кустов. Он шел все дальше и дальше, опоясывая лесную чашу красной гирляндой. А мой приятель шел следом за ним, помогая развешивать флажки.

«Только бы они как-нибудь не спугнули лису раньше времени, успели бы обтянуть флажками всю чашу!— думал я.— Тогда уж лиса не уйдет. Куда ни сунется — всюду наткнется на флажки». Так и будет бегать по чаше, отыскивая выход из круга, пока не наскочит на охотников. Нужно только стоять очень тихо, не шевелиться, чтобы зверь тебя не заметил.

Я стоял у елки и с нетерпением ждал, когда дядя Федя затаяет флажки.

Наконец он вновь показался из кустов и весело подмигнул мне:

— Затянул, теперь не уйдет!

Он привязал веревку с флажками к кустам, шагах в двадцати позади меня. Круг был замкнут. Я очутился внутри него.

— Сейчас зайду с другой стороны и буду ее легонько погугивать, а ты стой, не шевелись. Она прямо на тебя и выскочит.

Дядя Федя скрылся в лесу. Скоро где-то вдали послышался его негромкий окрик: «Ау-ау!..»

Я замер на месте, зорко вглядываясь в лесную чашу. Охота началась. Теперь лиса, испуганная человеческим голосом, уж, вер-

но, вскочила с лежки и мечется по лесу, стараясь найти выход из флажкового круга. Каждую секунду она может проскочить мимо меня.

Вдруг что-то ярко-желтое мелькнуло среди белых кустов. Лиса! Она неслась по чаще легким галопом. Я вскинул ружье, но зверь уже вновь скрылся. Лиса направилась в сторону той полянки, где стоял мой приятель.

Я перевел дух и опустил ружье: не беда, деваться ей некуда, сейчас вернется назад.

Но прошло минут пять—десять, дядя Федя, слегка покрикивая, подошел к нам по лесу ближе и ближе, а лиса все не выскакивала. Да куда же она девалась?

Наконец впереди из-за кустов показалась засыпанная снегом фигура старика. Он подошел ко мне:

— Где же лиса?

— Не знаю. Один раз проскочила вон там, мимо елок, пошла к поляне — и конец.

Дядя Федя в недоумении пожал плечами:

— Что за история! Мимо меня тоже не проходила, я хорошо глядел. Может, впереди где-нибудь затаилась, залезла под валяжину и сидит? Пойду-ка по следу, разберусь.

Старик опять скрылся в лесу, а я вновь принялся ждать. Неожиданно из-за овражка с поляны послышался громкий крик. Дядя Федя кого-то ругательски ругал на весь лес.

Я поспешил на его голос. Перебрался через овражек, вышел на поляну и вижу — на самом краю на пеньке сидит мой приятель и что-то рисует в блокноте. А перед ним стоит дядя Федя, весь красный, шапка на затылке, руками размахивает, кричит. Я к нему:

— Что случилось?

— А вот полюбуйся, что твой дружок здесь натворил!

Я поглядел на полянку. Что такое? Она и не затянута флажками. Флажки разорваны и замотаны на кустах с двух сторон по краям полянки, а прямо посредине через нее идет свежий лисий след. Значит, лиса здесь и вышла из круга.

— Почему же вы полянку не затянули?— изумился я.

— Как — не затянули?— в бешенстве закричал дядя Федя.— Это вот твой дружок ей ворота открыл.

— Зачем вы так кричите?— добродушно, как ни в чем не бывало обратился к нему мой приятель.— Я же сказал, что вину свою искуплю, привезу из Москвы вам не одну, а две лисьи шкурки, да еще выделанные, совсем готовые.

— Ну вот и поговори с ним!— махнул рукой дядя Федя.— Разве это охота?

— Объясни, пожалуйста, в чем тут дело?— спросил я товарища.

— А вот в чем,— охотно ответил он.— Понимаешь, стою я здесь. Впереди полянка, вся белая, так и искрится на солнце. А за полянкой, видишь там — зеленые елочки из-под снега выглядывают. Вот бы, думаю, по этой полянке да лиса проскочила!

Ты понимаешь — рыжая, на белом снегу, на фоне этих елочек... Какой сюжет для рисунка, а?.. Ну, я ей выход на полянку и устроил. Забыть не могу, как она по ней пронеслась. Хвост на сторону, трубой. Так перед глазами и стоит. Такой, брат, рисунок будет, ты прямо ахнешь.— Приятель кивнул в сторону дяди Федя.— А он вот понять не хочет, сердится, кричит. Я ж у вас в долгу не останусь, две лисьи шкурки вместо одной привезу.

— Нет, ты мне шкурки из Москвы не вози, у меня своих хватит,— сурово ответил ему старик, принимаясь сматывать флажки.— А вот что слушай: больше не смей ко мне и на глаза показываться.— Он помолчал и вдруг, лукаво улыбнувшись, добавил: — Ежели ты мне настоящую картину всей этой охоты не привезешь. Чтобы и снег был, и елочки, и лиса на снегу... Все, как ты здесь сейчас рассказывал.

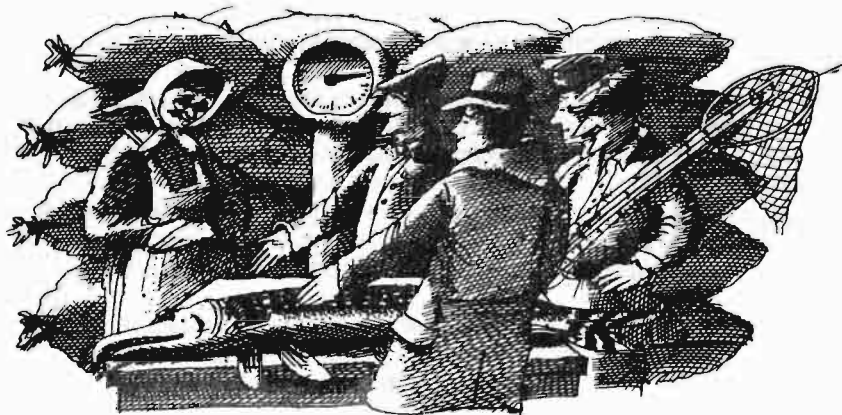
— Вот это дело!— радостно воскликнул приятель. Он вскочил с пенька и обнял старого охотника.— Привезу, дедушка! Уж для тебя от всей души постараюсь. Вот видишь,— сказал он мне,— дедушка, значит, тоже в душе художник. Ему не шкурка нужна, а сама лиса!

— Да чтоб на снегу как живая была!— добавил дядя Федя.

Речной волк

Есть один интересный способ ловли хищной рыбы: щуки, окуня, судака... Это — ловля на кружкí.

Кружок делается из сухого дерева или из пробки. Сверху он окрашен в красный цвет, а снизу — в белый. Посредине кружка вставлена палочка. Через нее перекидывается намотанная на кружок прочная леска, а на конце привязывают грузило и тройной крючок на тонкой проволоке, чтобы попавшаяся хищная рыба не могла перекусить леску.

Ловля на кружки очень увлекательна, особенно там, где много крупной рыбы. Поэтому я, отправляясь в свою летнюю поездку в Карелию, захватил с собой в числе прочих рыболовных принадлежностей и десяток кружков.

Я много слышал о рыбных богатствах карельских озер, и мне не терпелось поскорее самому половить там рыбу.

И вот наконец я на месте.

Переночевав в маленькой деревушке на берегу озера, рано утром я отправился на рыбалку.

Старичок хозяин, у которого я ночевал, одолжил мне свою лодку. Я положил в нее кружки, подсачек, ведро с заранее наловленными живцами, потом взял весла и отплыл от берега.

Утро было теплое. Дул легкий ветерок, подергивая поверхность озера серебристой рябью. А у самых берегов вода была совершенно спокойная, и в ней отражались угрюмые скалы, местами поросшие мхом, и чахлые полузасохшие сосны.

Сизые чайки носились над озером. Порой они падали в воду, схватывали мелких рыбешек и вновь взлетали с добычей, роняя в озеро частые капли воды.

Я плыл недалеко от берега, отыскивая место, о котором говорил мне хозяин лодки.

Вот и заливчик. Скалы и лес отступили здесь от озера. Далеко в глубь берега вдается узкая полоса воды, а по сторонам густой зеленой щеткой топорщатся камыши.

Я вынул из сумки глубомер — гирьку на длинной бечевке — и измерил глубину: восемь с половиной метров. Немного отплыл и измерил еще несколько раз. Так я нащупал края подводной ямы. Потом заплыл с таким расчетом, чтобы ветер гнал мои кружки через яму, насадил на крючки наживу и начал ловить.

Ветер дул вдоль берега, и мои кружки, словно стайка красных птиц, поплыли мимо зеленых зарослей камыша.

Начало ловли — хорошие минуты для рыбака. Что-то даст сегодняшнее утро?

Слегка направляя веслами лодку, я медленно плыл вслед за кружками. Было совсем тихо, только изредка покрикивали левашие над озером чайки.

Неожиданно где-то невдалеке от меня послышался сильный всплеск воды, потом отчаянный утиный крик, и из камышей выскочила, хлопая крыльями, дикая утка, а вслед за ней целый выводок утят. Они, как темные пушистые шарики, катились по воде следом за матерью.

Выбравшись на чистую воду, старая утка поплыла вдоль заливчика, испуганно оглядываясь и тревожными криками подзывая к себе утят.

Я сидел неподвижно, чтобы не напугать утиное семейство, пока оно не скрылось в камышовых зарослях по другую сторону заливчика.

Мне очень хотелось узнать, что напугало утку-мать. Наверное, какой-нибудь зверь подобрался к утятам. Но кто же именно?

Лиса не могла забраться так глубоко в воду, да и было бы слышно, если бы она пробиралась среди камышей. Может, выдра?

Я подождал еще немного, не покажется ли кто-нибудь? Но никого не было видно, и я вновь занялся своими кружками.

Вдруг один из них прямо на моих глазах перевернулся белой стороной вверх и, как волчонок, закружился в воде. Значит, рыба схватила живца и потащила в глубину, быстро разматывая леску.

Стараясь не плескать веслами, чтобы не спугнуть рыбу, я повел лодку к перевернувшемуся кружку. А он, то наклоняясь набок, то погружаясь в воду, уходил от меня. Рыба тянула снасть прочь от берега. Но вот я уже настигаю бегущий по воде кружок. Он уже у самой лодки. Я бросаю весла, быстро перегибаюсь через борт, хватаю кружок, потом леску. Резко дергаю, чтобы подсечь рыбу, и чувствую, как кто-то невидимый в глубине вырывает ее у меня из рук.

Я перехватил леску поудобнее и стал слегка подтягивать. Но рыба не поддавалась. Она тянула так сильно, что леска резала руку. «Ого, даже лодку тащит! Значит, хороша попалась!» От волнения я едва перевел дух, напрягая все силы, чтобы не упустить крупную добычу.

Туго натянутая леска впивалась в воду и чертила по ней своей концом. Рыба то тянула прочь от берега, то поворачивала к камышам. Я старался не дать ей затащить леску под лодку, а то зацепит за дно и сразу оборвет.

Постепенно рыба стала уставать. Я начал подтягивать ее к лодке. И вот не далее двух-трех метров от борта из глубины показалось что-то большое, темное, словно я поднимал со дна затонувшее бревно. «Щука! Какая огромная! Разве такую вытянешь?»

У самого борта рыба точно опомнилась. Она шарахнулась так, что лодка закачалась. Я едва успел, распуская леску, дать ей ходу.

Отпустив щуку метров на двадцать, я стал вновь придерживать ее и, приостановив, опять потащил к лодке. Прошло не менее часа напряженной борьбы.

Наконец, подтянув добычу к самому борту, я опустил в воду острый багор и подвел его к рыбе.

Рывок — и багор вонзился щуке под самые жабры. Она отчаянно забилась, обдавая меня с ног до головы водой. Я изо всех сил потянул за багор и едва втащил в лодку тяжелую рыбу. Борьба закончилась. Пойманная щука лежала на дне лодки, изредка открывая свою страшную зубастую пасть. Ну и рыбина! В ее пасть свободно входит ступня моего сапога. А зубы-то, зубы какие огромные! Как у хорошей дворовой собаки. И острые, как шило. Наверное, такая «рыбка» весит не меньше двадцати килограммов. А сколько ей может быть лет — полвека или больше? Вся она была темно-бронзовая, с зеленоватым отливом.

Настоящее водяное чудовище — гроза и бич всего живого, что только плавает в воде.

После такой удачи мне в это утро ловить рыбу больше уже не хотелось. Лучше поскорее вернуться в деревню, показать всем свою добычу, сфотографировать ее, рассказать, как поймал, и при этом еще раз пережить все волнующие минуты редкой охоты.

Приплыв домой, я первым делом взвесил на колхозных весах пойманную щуку. В ней оказалось двадцать два килограмма.

Потом я рассказал по порядку все, как было, собравшимся приятелям-рыбакам.

— Надо ее выпотрошить, а то жарко, как бы не испортилась,— сказал мой хозяин.— Посмотрим, что у нее в желудке, чем сегодня позавтракала.

Он начал потрошить щуку, вынул желудок и разрезал его.

— Ба-ба-ба, да ведь она сегодня не рыбу кушала!— промолвил он, вынимая из рыбьего желудка что-то покрытое не то слипшейся шерстью, не то пухом.— Утенок... А вот и еще один... Ах, разбойница! Значит, она утят на воде ловила.

Тут я и вспомнил о всплеске воды в камышах и о дикой утке, выскочившей оттуда со своим семейством. Значит, вот кто охотился за утятами!

Я поглядел на щуку, на ее огромную пасть. Да, такой пастью можно схватить не только утенка, но и взрослую утку. Сколько живого переловит этот прожорливый водяной хищник! Недаром щука зовется «речной волк».

Тетеревиная косточка

Мне посоветовали съездить за зайцами к старому леснику Егору Ивановичу, и я, не теряя времени, после работы отправился на охоту.

Под утро я уже был в лесной сторожке, среди векового леса, за много километров от человеческого жилья.

Егор Иванович принял меня очень радушно.

— Вот только моей старухи дома нет,— огорчился он,— в деревню к сестре ушла. Ну, да мы и без нее управимся.

Он быстро согрел самовар, и мы уселись пить чай.

Я расспрашивал старика об охоте, о том, много ли зверя и птицы водится в этих лесах.

— Много, всего много,— приветливо отвечал хозяин.— А ты что, только дичью интересуешься или вообще до нашего лесного житья-бытья охотник?

— То есть как это?— не понял я.

— Да ведь охотники разные бывают,— пояснил старичок.— Одни хотят настрелять побольше, а другие — в лесу побывать,

полюбопытствовать, как он растет, какие звери, птицы в нем водятся.

Егор Иванович помолчал и добавил:

— Вот я, к примеру, большой охотник до леса. Иду по нему, а сам ко всему приглядываюсь — где какой следок, где царапину на стволе увижу или шерсти клочок, перо какое-нибудь на земле запримечу... Глядишь на эти лесные приметки, а сам разгадываешь, кто из зверей или птиц здесь побывал, что делал, куда на дневку убрался. Пройдешь утречком по лесу — про все лесные дела узнаешь, будто свежую газету прочтешь. Это ведь тоже охота — в лесной грамоте уметь разобраться.

— Ах, вот ты про какую охоту говоришь, — сказал я. — Меня это все очень интересует. Даже больше, чем дичь застрелить.

— Ну, тогда мы с тобой сразу поладим! — весело ответил лесник. — А то я, признаться, побаивался, что ты всех моих зайцев зараз перебьешь, а на лесок-то и не посмотришь.

Мы допили чай и, одевшись, отправились на охоту.

Егор Иванович шел впереди, приглядываясь к разным следам и следочкам, которыми был исчерчен весь снег.

— Ишь сколько петель здесь понапутала! — указал он на след, похожий на кошачий, только поменьше.

След действительно петлял вокруг лесной дороги, по которой мы шли.

— Это ночью куница набегала,— пояснил старик.— Вчера по дороге сено из леса в деревню возили, натрусили семян, стебельков разных. Вот мыши за ними сюда и пожаловали, а куница — за мышами. Только что-то у нее охота, видно, не получилась,— добавил Егор Иванович.

— Почему ты так думаешь?— спросил я.

— А если бы она мышей наелась,— отвечал лесник,— не стала бы зря снег месить. Живо бы куда-нибудь в дупло залезла — и на боковую.

След куницы неожиданно резко свернул с дороги. Он повел напрямик на лесную поляну, окруженную молодыми березками.

— Ишь куда стрельнула!— сказал старик.— Видно, что-то там заприметила али учуяла кого. Надо пойти взглянуть.

Мы тоже свернули с дороги и, пройдя несколько шагов, увидели на чистом снегу черные перья, пух и растерзанного тетерева.

— Вот кого она учуяла,— сказал Егор Иванович, поднимая с земли оторванное крыло.— Значит, вечером тетерева здесь на березах кормились, а потом в снег на ночь залезли. Семнадцать штук было,— добавил он, сосчитав пустые углубления в снегу.

Егор Иванович вынул из кармана перочинный нож, быстро обрезал им с тетеревиного крыла мясо, перья и бросил их, а косточку прочистил внутри тоненьким шильцем и спрятал в сумку.

— Зачем тебе?— удивился я.

— А кто знает, может, и пригодится,— ответил лесник.

Мы снова вышли на дорогу и отправились по ней дальше, пытаюсь найти свежий заячий след. Но желанного следа все никак не попадалось.

Мы уже подходили к лесной опушке. Впереди между стволами деревьев виднелся просвет укрытого снегом поля.

Вдруг Егор Иванович остановился и поманил меня к себе. Я осторожно подошел.

— Вон лиса на поле мышкует,— тихо сказал лесник.

Действительно, недалеко от опушки леса по полю бегала лисица. Она как будто играла: то приостановится, то приляжет, а потом — прыжок и уткнется мордой в снег. На белом снегу она была очень красива со своим огненно-рыжим мехом, с пушистым, раздутым трубою хвостом.

Неожиданно Егор Иванович, сделав знак, чтобы я следовал за ним, опустился на снег и пополз к густому дубовому кусту, который виднелся впереди нас на опушке.

Я полз за лесником. Снег был влажный, мягкий. Совсем не шуршал, но зато, попадая в рукава или за ворот, тут же таял. Это было очень неприятно. А главное, я не понимал цели нашего «путешествия». Зачем нужно ползти к кусту? Предположим, мы доберемся до него так, что лиса нас не заметит.

Наконец мы добрались до куста и залегли. «А дальше что будет?»— подумал я.

— Сейчас мы ее, голубушку, подманим,— прошептал мне на ухо Егор Иванович.

Он очень осторожно слазил рукою в сумку и достал оттуда наш завтрак. Я недоумевал: неужели же он собирается подманить лису копченой колбасой?

Но Егор Иванович отщипнул только крошечный кусочек хлеба и начал усиленно мять его в руках, а весь бутерброд он так же осторожно спрятал обратно в сумку. Размяв получше кусочек хлеба, сделал из него шарик, Егор Иванович достал из сумки тетеревиную косточку и залепил ее с одного конца хлебом. Потом он проткнул залепленное отверстие тонкой соломинкой.

Закончив свое изделие, Егор Иванович взял косточку в рот и слегка подул в нее. Раздался тонкий писк, будто запищала мышь. Старик подождал немного и пискнул погромче.

В ту же секунду лиса насторожилась и замерла на месте, чутко прислушиваясь.

Снова раздался мышиный писк. Лиса сделала прыжок в нашу сторону и легкими скачками помчалась прямо к лесной опушке...

Вот она уже в сорока, в тридцати шагах...

Чудо техники

Однажды весной мы с товарищем отправились на охоту за тетеревами; я — с ружьем, приятель — с фотокамерой.

На место прибыли только поздно ночью. До утра просидели на полустанке, а едва занялась заря, поспешили в лес.

Чудесно в нем в эту пору ранней весной. Какой запах от влажной земли, от набухающих почек! Каждое деревце, каждый кустик тянет к вам свои ветки — нá, мол, понюхай и запомни потом на всю жизнь.

Начало быстро светать. Кругом зачирикали первые птички. На далеком лесном болоте звучно затрубили журавли.

И вдруг, где-то совсем близко от нас, раздалось долгожданное «чу-фшшшш...» Мы так и замерли на месте.

Снова и снова слышалось громкое чufыканье, потом хлопанье крыльев. Это тетерева слетались на токовище.

Мы начали осторожно пробираться через кусты.

Впереди уже видна поляна, и на ней взапуски бегают, гоняясь друг за другом, тетерева-косачи. Они то наскакивают один на другого с громким задорным чufыканьем, то припадают к земле и заводят длинную монотонную трель: «У-ру-ру-ру-ру...»

Пора. Я тоже начинаю чufыкать — манить к себе драчунов.

И вот один из тетеревов услышал мой призыв. Он лихо подскакивает на месте, распускает лирой хвост и бежит прямо к нам.

Я сжимаю в руках ружье, бросаю искоса взгляд на прия-

теля. Он уже настроил свой аппарат. Раздается еле слышный щелчок — снимок сделан. Приятель готовится ко второму.

Но тетерев неожиданно приостанавливается. Дальше бежать не хочет. «Чу-фшшшш!..» — громко и вызывающе кричит он.

Я молчу. На таком близком расстоянии отвечать не следует — птицу теперь уже не обманешь, миг улетит — и выстрелить не успеешь.

«Да чего же ждет мой приятель? Снимал бы скорее!»

Тетерев снова подскакивает на месте и хлопает крыльями: «А ну-ка, мол, выходи на бой!»

Я больше не в силах ждать, приподнимаю ружье, целюсь и... вдруг над самым ухом: «Чу-фсссс!..» — точно автомобильная шина лопнула...

Косач срывается с места. Я стреляю почти не целясь. Промах. Перепуганные тетерева разлетаются.

— Ты что же наделал? Зачем свистел? — вне себя кричу я на приятеля.

От смущения тот не знает куда деваться.

— Да я хотел подманить, поближе, — лепечет он. — Зуб у меня со свистом. Приеду, сразу выдерну!

— Теперь хоть все повыдергай, — возмущаюсь я. — Сорвал охоту. Эх ты, свистун несчастный!

Мы возвращаемся домой в мрачном молчании. Так кончается день.

Но к вечеру мир между нами уже опять восстановлен, и мы как ни в чем не бывало садимся вместе проявлять фотографии.

— Ну и что же, что не убили?— весело говорит приятель.— Неужели тебе кусок мяса нужен? А ты лучше представь, какой снимок я сделал: тетерев прямо на нас бежит, крылья распустил, хвост лирой... Ведь это же память на всю жизнь!

Я невольно заражаюсь его пылом, тороплю поскорее начать проявление.

И вот лента негативов уже готова. Она промывается в воде. Потом сушится. Но нам не терпится взглянуть на последний снимок: ведь именно там и запечатлен финал нашей охоты.

— Плотноват негатив,— говорю я.— Трудно разобрать детали.

— Не беда,— утешает приятель,— передержал немножко. Это легко исправить.

Я все же пытаюсь разглядеть снимок, и наконец мне это удается.

— Ага, вот и тетерев! Какая поза! Так, кажется, и налетит сейчас. А что такое под ним внизу?

— Бугорок,— поясняет приятель.— Видишь, и кустики на нем.

— Кустики-то я вижу, но сам бугорок какой-то странный. Вот, будто два уха, и нос и рот... Голова какая-то, а вместо волос — кусты и сверху тетерева. Что за чепуха?!

Приятель всматривается и вдруг хватается за виски.

— Ах я болван!— восклицает он.— Настоящий болван.

Я еще толком не понимаю, в чем дело, но уже чувствую, что случилось что-то непоправимое.

— Пленку не передвинул: два снимка на одном кадре!— в отчаянии говорит он.— Видишь: твоя голова, а на ней кусты и тетерев.

— Вот-те и снимок, и память на всю жизнь!— Я не могу больше сдержать своего гнева и на чем свет стоит ругаю злосчастного фотографа.— Испортил охоту да и снять-то как следует не сумел! Никуда больше с собой не возьму. И не проси лучше.

Но самое возмутительное, что приятель уже оправился от смущения. Он глядит на меня как ни в чем не бывало, даже улыбается.

— Да ты постой, не кипятись,— весело говорит он.— Я обещал тебе и повторяю — замечательный снимок выйдет. Ты сам посуди: обычного тетерева на земле ведь каждый дурак снимет. А вот, чтобы на голове у охотника сидел,— ну, где ты такое видал? Ведь это же не просто снимок, а художественная композиция, настоящее чудо техники!

За селезнями

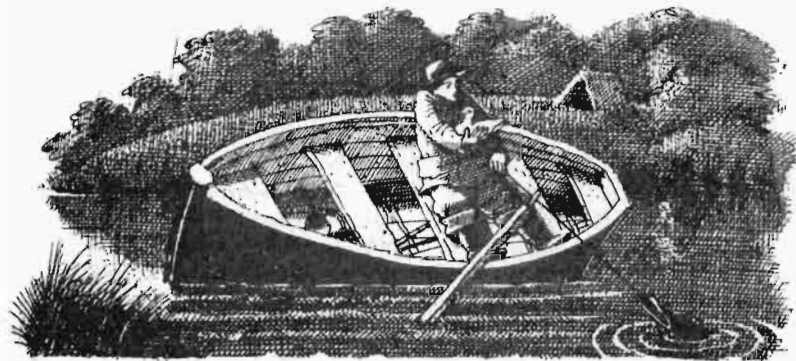
Как только в воздухе запахнет весной, потянут с юга перелетные птицы, тут с нами, охотниками, начинается что-то неладное.

Вот посреди мостовой стоит пожилой человек и, подняв кверху лицо, взволнованно шепчет: «Раз, два, три... пять... восемь... одиннадцать...»

Кругом несутся автомобили, обдают потоками грязи, а он все смотрит и смотрит вверх и считает: «Двенадцать... пятнадцать... семнадцать...»

— Гражданин,— трогает его за плечо какая-то сердобольная женщина,— тебе что — померещилось что-нибудь?

Но он, не отвечая, продолжает считать: «Двадцать... двадцать два, двадцать три...» И так он будет стоять и глядеть вверх как зачарованный, пока вереница гусей не скроется в голубой весенней дали.

В эту пору и самих охотников неудержимо тянет вслед за птицами в леса, на разливы озер и рек, туда, где природа справляет веселый праздник весны.

Хорошо тогда сидеть с ружьем в шалаше на берегу тихой заводи и подкарауливать диких селезней. А чтобы подманить их к шалашу, охотник пускается на хитрость: он сажает на воду перед шалашом привязанную за ногу ручную утку.

Утка покрякивает, селезень подлетает. Только стреляя вернее, не промахнись, и ты всегда вернешься домой с хорошей добычей.

У кого есть ручная, или, как ее охотники называют, «подсадная», утка, тот охотник — счастливец. Ну, а как же быть тому, у кого такой утки нет? Тут уж надо идти на двойную хитрость: вместо живой утки сажать на воду чучело (деревянное или резиновое), а чтобы ветер его не угнал, снизу привязывать на длинной веревке грузик.

Крякать такое чучело, конечно, не может, поэтому приходится

самому. Одни охотники крикают в манок, другие просто в кулак, кто как сумеет. Но все-таки как ни крикай, а вот как настоящая утка — никогда не сумеешь.

Охота без утки плоха еще тем, что чучело сидит на воде неподвижно. На то оно и чучело. Хорошо, если есть ветерок, тогда деревянная уточка плещется на волнах, будто живая. А когда ветер стихнет, чучело торчит на воде, как колчушка, к нему никакой селезень не подлетит.

Долго думали мы, охотники-безутятники, как бы нам «оживить» нашу приманку. Наконец кто-то придумал и напечатал в журнале отличный способ: к той самой бечевке, на которой подвешен к чучелу грузик, надо еще привязать сбоку тоненький поводок с крючком, а на крючок прицепить живую рыбку. Рыбка будет дергать за поводок, и чучело начнет шевелиться, будто живая утка. Просто и хорошо.

...И вот я уже сижу в шалаше, а передо мной на неподвижной воде весело плавает моя «ожившая» уточка. На крючок я прицепил шустрого карасика, он живой, энергичный, так и дергает за бечевку.

Я достаю из сумки манок и начинаю усиленно крикать. Крикаю полчаса, крикаю час... И вдруг откуда-то издали слышится ответный крик селезня. «Шварк, шварк», — отвечает он мне и, свистя крыльями, опускается на воду... Как он хорош в своем весеннем наряде: голова сизая, грудь темно-коричневая, а спина серая с синим зеркальцем на крыле.

Высоко подняв голову и зорко оглядываясь, он плывет все ближе и ближе к моей уточке. Еще секунда — и можно стрелять.

Но тут происходит что-то невероятное: моя деревянная утка неожиданно бросается в сторону, ныряет, вновь появляется на воде и во всю прыть пускается наутек.

Чучело «ожило». Забыв об охоте, я выскакиваю из шалаша. Селезень улетает. Но я уже и не думаю о нем, бегу к лодке и пускаюсь в погоню за уткой. Не тут-то было: она удирает и от меня. С трудом настигаю беглянку, хватаю за шею, тащу из воды, утка упорно сопротивляется. Наконец она в лодке, но какая-то невидимая сила пытается вырвать ее у меня из рук и утащить обратно в воду. Я хватаюсь за бечеву и после короткой борьбы подтаскиваю к лодке крупную щуку, значит, попалась на моего караса и теперь на крючке. Еще миг — щука обрывает бечевку, скрывается под водой.

Вот и конец. Я сижу в какой-то растерянности, сам не могу понять, кто же я: охотник или рыбак? А впрочем, не все ли это равно, главное то, что у меня нет ни щуки, ни селезня. Получилось совсем как в пословице: «За двумя зайцами погнался, ни одного не поймал».

Будь здоров!

Я очень люблю ездить на охоту не один, а с кем-нибудь из приятелей, но при одном условии: мой спутник должен тоже понимать и любить охоту, а не просто бродить со мной в качестве постороннего наблюдателя.

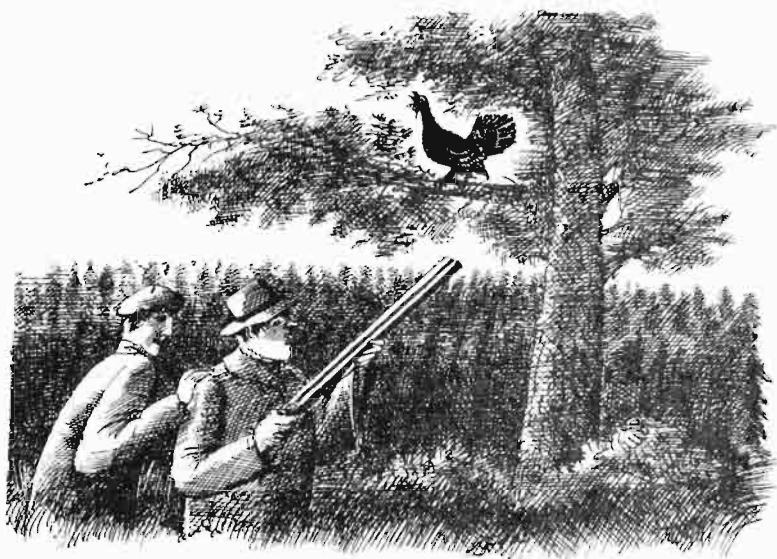
Поэтому я решительно запротестовал, когда мой друг Георгий Николин, отличный товарищ, но вовсе не охотник, решил вместе со мной поехать на глухариный ток.

— Но проводить тебя, надеюсь, можно?— спросил Георгий.

— Конечно, можно. Я тебя всегда рад видеть, только не на охоте.

Мы дружески попрощались, и Георгий ушел домой. А я, закончив приготовления, лег спать.

На следующее утро ровно в девять часов я был уже на вокзале, взял билет и пошел садиться в вагон.

Товарищ поджидал меня на перроне. Его наряд несколько удивил меня. Георгий был одет в короткую куртку и высокие сапоги.

— А куда ты собрался?— спросил я его.

— Как — куда? Тебя провожать, — невинно улыбаясь, отвечал он. — Ты ведь вчера позволил. Я уж и билет купил.

Негодование моему не было границ.

В вагон мы сели не разговаривая. Приятель поместился на соседней лавочке и робко поглядывал на меня. Я делал вид, что его не замечаю.

Поезд тронулся. Мы молча глядели в окно. В душе у меня все кипело от возмущения, и я был даже не рад, что поехал на охоту. Так началось наше совместное путешествие.

Но как только поезд выбрался из пригорода на деревенский простор, мое дурное настроение сразу будто рукой сняло. Мы с приятелем, забыв временную размолвку, уже стояли рядом возле окна и с радостью наблюдали картины весны.

Поезд, набирая скорость, мчался среди полей и лугов. Снег на них уже стаял, и всюду сверкали огромные лужи вешней воды.

Мы проезжали через мосточки. Внизу под ними, бурля и пенясь, неслись водяные потоки.

За окном мелькали осиновые и березовые перелески. Еще не одетые в зелень листья, они казались совсем прозрачными. Земля под деревьями была устлана прошлогодней листвой, а по овражкам среди кустов еще белел нарастающий снег.

День в пути прошел незаметно, и я был даже рад, что поехал не один, а с приятным мне человеком, который тоже любит природу и с которым можно поговорить по душам.

На место назначения мы прибыли только на следующее утро.

Маленький полустанок, затерявшийся в лесу; потом километров десять пешком по лесной дороге; переправа через ручьи; короткий отдых на полянах, пахнущих талой землей и сморчками; и, наконец, сторожка приятеля-лесника.

Наступило блаженство отдыха после трудного перехода; чай за кипящим самоваром и волнующие душу охотника рассказы хозяйина о том, что «глухарь уже токует всюю».

Отдохнув и закусив, я пошел с товарищем побродить немного по лесу возле сторожки.

Мир между нами был уже совсем восстановлен, и я теперь от всей души хотел показать моему другу всю прелесть картины весеннего тока глухаря.

— Только для этого тебе надо сперва получить о ней хотя бы самое общее представление, а потом как следует потренироваться, — говорил я Георгию. — Слушай меня. Глухарь начинает токовать на ранней заре. В лесу еще совсем темно, а он уж запел. Глухарь — птица очень чуткая и осторожная, подкрасться к нему, когда он молчит, почти невозможно: только хрустнет сучок под ногой — сразу услышит и улетит. Зато когда он поет, тут дело другое. Поет глухарь по-особенному: сперва будто деревянной ложкой о ложку постукивает: «Те-кэ, те-кэ, те-кэ...» Постукает и замолчит. Затем снова начнет: «Те-кэ, те-кэ, те-кэ...», все чаще, чаще... да как закатится! А потом словно ножик о ножик точить начнет: «Щчаю, щчаю, щчаю...» Это второе колено песни. Когда он его распевает, совсем глухой становится, хоть из пушки пали — не услышит.

На этом вся охота и основана. Только глухарь начнет «точить», охотник делает к нему два-три прыжка. Не беда, если под ногой сучья хрустят, вода хлюпает: глухарь ничего не услышит. Зато как он кончил петь, сразу на месте замри, не шелохнись. Как стал,

так и стой. Самая трудность при этой охоте в том, что поет глухарь очень тихо, издали его едва слышно. А скакать к нему приходится в темноте, и при этом надо точно рассчитывать каждое движение, чтобы не зашуметь невпопад, без песни, иначе все дело пропало. В один миг за деревья шмыгнет.

Приятель слушал мои объяснения очень внимательно. Когда я кончил, он спросил:

— А в чем же мне надо потренироваться?

— Вот в чем. Я сейчас принесу из сторожки пустую банку из-под консервов и ножик,— сказал я,— потом отойду от тебя шагов на двадцать и буду постукивать и чирикать ножом по банке, будто глухарь поет, а ты должен ко мне приближаться со всеми предосторожностями, чтобы не хрустнуть ничем, когда я «точить» перестану.

— Отлично! Давай попробуем,— с радостью согласился Георгий.

Я принес нужные инструменты, и мы, отойдя поглубже в лес, начали репетицию предстоящей охоты.

Я постукивал и «точил» на совесть: то затягивая песню, то неожиданно обрывая ее, как это делает глухарь на току. А приятель приближался ко мне прыжками и потом замирал, иногда в самых живописных положениях, стоя на одной ноге или споткнувшись и присев на корточки.

В таких неудобных позах я нарочно выдерживал его подольше, чтобы он получше натренировался.

— Слушай, это уже свинство с твоей стороны!— обиженно говорил он в минуты отдыха.— Я только поднял ногу — валежину перешагнуть,— а ты петь перестал. Вот и стой на одной ноге, как журавль. Да еще издеваешься — тетекаешь, а не шипишь. Минут пять меня на одной ноге продержал!

— Это все пустяки,— утешил я его.— На охоте иной раз и похуже приходится. Сейчас хоть светло, а там и вовсе в темноте поскачем. Я однажды не разглядел — в лужу свалился. А глухарь замолчал. Так и пришлось в воде минут десять лежать, пока он запел снова.

Закончив тренировку, мы с Георгием пошли отдохнуть до вечера. С наступлением темноты я решил еще раз проверить умение приятеля подходить к глухарю под песню.

Послушай, а нельзя ли не проверять? Я ведь и так все усвоил,— робко попросил мой друг.

Но я был неумолим.

Ночной урок оказался много труднее дневного. Приятель лопнул по лесу, как медведь. Он то падал, споткнувшись о пень, то залезал в кусты, откуда никак не мог выбраться. Тренировку мы кончили только за полночь. Ложиться спать было некогда. Уже настало время идти к месту тока.

Шли мы не торопясь по заглохшей лесной дороге. А кругом разросся старый сосновый бор. Пахло сыростью и хвоей.

Небо подернули облака. Было очень темно. Мы двигались почти ошупью.

— А глухари теперь, наверное, спят и не думают, что мы их идем стрелять,— неожиданно промолвил мой спутник.— Скажи мне по совести, не жалко тебе убивать такую красивую, мощную птицу?

От такого вопроса я сразу насторожился.

— Слушай, Георгий,— строго сказал я,— ты только не вздумай мне на охоте мешать, а то как следует поссоримся. Лучше вернись от греха в сторожку, а я один пойду.

— Ну что ты!— возразил товарищ.— Я ведь обещал, что буду тебя слушаться. Это, брат, не по-приятельски: весь день меня муштровал, а теперь домой гонишь!

— Я тебя не гоню, а только предупреждаю.

— И предупреждать нечего,— отвечал Георгий.— Только вот что я тебя попрошу: когда подойдем к глухарю, не стреляй сразу, дай мне его рассмотреть получше.

— Это можно. Я и сам люблю на него поглядеть. Уж когда подкрался к нему, торопиться некуда.

— Ну, вот и договорились,— примиряюще сказал мой друг.— А ты сразу закипятился, хотел меня домой прогнать.

Переговариваясь, мы прошли километра два по дороге и дошли до мостика через ручей.

— Тут и подождем,— сказал я.— За ручьем начинается сосновая грива, а дальше моховое болото. Глухари обычно токуют на этой гриве.

Мы уселись на бугорке возле моста. Внизу, у самых ног, журчала вода. После ходьбы по лесу и бессонной ночи так и тянуло прилечь на землю, закутаться получше в куртку и, закрыв глаза, слушать знакомую с детства песенку ручейка. Но мы крепились, чтобы не проспать ток.

Вдруг где-то вдали на болоте послышался дикий хохот.

— Кто это?— спросил Георгий.— Сова?

— Нет, петушок белой куропатки затоковал,— ответил я.— Значит, скоро начнет светать.

Мы посидели еще минут двадцать. Куропатки кричали все чаще и чаще. Потом где-то совсем близко с хорканьем пролетел над ручьем вальдшнеп.

— Пора,— тихо сказал я.— Уже вальдшнепы потянули.

Мы встали с бугра и, перейдя через мост, свернули на еле заметную стезжку, которая тянулась по самому краю гривы.

Было еще темно. Мы шли очень осторожно, останавливаясь через каждые десять — пятнадцать шагов и чутко прислушиваясь.

— Слышишь, поет!— шепнул я приятелю.

Тот отрицательно покачал головой.

— Ну, иди за мной, только потише.

Мы, крадучись, направились дальше по стежке. Прошли еще шагов тридцать и выбрались на бугорок.

Отсюда уже ясно слышались в стороне таинственные звуки глухариной песни.

«Те-кё, те-кё, те-кё!»— будто кто-то невидимый в глубине леса обламывал сухие сучки. И сейчас же следом раздавался какой-то неясный щебет, не то стрекотание.

— Теперь шагай за мной нога в ногу,— шепнул я Георгию в самое ухо и, выждав, когда глухарь «застрекотал», сделал шаг в сторону от дорожки.

Приятель, конечно, опоздал и захрустел много позже. Но я нарочно сделал всего один шаг, так что мы оба замерли еще до конца песни. Снова глухарь запел, и снова один-два шага. К счастью, идти приходилось по сравнительно чистому месту. Кустов пока что не попадалось. Чувствуя, что товарищ приловчился, я начал идти быстрее, небольшими скачками. Георгий немного отстал. Я остановился, давая возможность ему подойти.

Снова уже где-то недалеко, в темной кроне уснувших сосен, слышится таинственное щебетание. И в такт ему, слышу, товарищ делает скачок, другой и с размаху ударяется лбом о дерево.

— У-у, черт!..— невольно восклицает он.

Я в ужасе замираю: «Неужели спугнул?» Но нет, глухарь еще продолжает «точить» — значит, не слышал.

После неожиданного столкновения с сосной приятель стоит не двигаясь, пропускает одну, другую песню, очевидно, никак не может опомниться от удара. Наконец на третьей песне он вновь скачет и присоединяется ко мне.

Дальнейший путь мы уже не скачем, а осторожно крадемся шаг за шагом. Глухарь где-то совсем близко — страшно его спугнуть.

Начинает светать. Впереди — крохотная поляна. На ней — полусохшая сосна. Оттуда и слышится глухариная песня.

Мы подбираемся к самому краю полянки. Дальше идти уже некуда. До сосны не более пятнадцати — двадцати шагов.

Притаившись возле деревьев, пытаемся разглядеть в предрасветных сумерках крылатого певца.

Да вот он сидит на толстом сухом суку.

Дождавшись песни, я спрашиваю приятеля:

— Видишь?

— Вижу.

И мы невольно замираем от звука собственных голосов. Как-то не верится, что вот тут, рядом с нами, сидит на дереве чуткая лесная птица и даже не слышит нас.

Я опускаю ружье и с наслаждением слушаю глухариную песню. Пусть эти странные звуки даже и песней назвать нельзя, но ведь для охотника нет лучшей музыки, лучшей песни о том, что уже наступает весеннее утро в лесу.

Стрелять я не тороплюсь, стараюсь продлить эти минуты

напряжения охотничьей страсти. Дичь не уйдет. Достаточно вскинуть к плечу ружье, нажать курок — и огромная птица тяжело шлепнется на сырую землю.

Уже хорошо рассвело. На фоне зари четко виднеется силуэт глухаря. Он похож на индюка. Распустил веером хвост, растопырил крылья и, задрав вверх бородатую голову, щебечет песню за песней.

Пора стрелять. Я хочу приподнять ружье и вдруг — о ужас! — чувствую, что мне что-то попало в нос, нужно чихнуть.

Стиснув зубы, я мучительно борюсь с собой, выжидаю, когда глухарь вновь запоет. Запел. С облегчением чихаю раз, другой. Глухарь спокойно кончает песню.

— Будь здоров! — неожиданно раздается голос приятеля.

Мгновение я даже не могу понять, что случилось.

Со страшным треском глухарь срывается с места, будто ныряет вниз, за ветви, и исчезает в лесу.

— Что ты наделал?! — вне себя от ярости кричу я товарищу.

— А что? — изумляется он. — Ты чихнул, а я тебе пожелал здоровья.

— Но ведь ты без песни его пожелал.

— Ой, милый! — хватается он за голову. — Прости меня. Совсем машинально. Привычка, знаешь...

Я с гневом и недоверием гляжу на друга.

Вид у него такой расстроенный, сокрушенный, только глаза будто смеются. Кто его разберет!

Смышленные птицы

Я поехал в деревню к приятелю Ивану Антоновичу, чтобы договориться насчет охоты.

Войдя в знакомый домик, я совсем неожиданно оказался свидетелем маленькой семейной сцены. Мой приятель сидел на стуле, сконфуженно опустив голову и пощипывая себя за бороду. А перед ним, вызывающе подбоченясь, стояла его седая, почтенная супруга Анна Саввишна и насмешливо говорила:

— Ну какой ты охотник, если даже ворону и ту подстрелить не можешь! Индюк ты, а не охотник! Индюк, индюк...

— Ну, матушка, при чем же тут индюк? — развел руками Иван Антонович.

— А при том, что он тоже вроде тебя: пыжится, пыжится, а никакого толку и нет. Одна болтовня: блум-блум-блум. Раскрылетится на весь двор...

Анна Саввишна уже хотела продемонстрировать, как именно ходит индюк, растопырила руки, повернулась к двери и тут только увидела меня.

— Батюшки, к нам гость пожаловал!— весело воскликнула она.— А мы тут с Ваней заговорились и не заметили.

— Да, да, заговорились,— показал головой Иван Антонович, пожимая мне руку.— Уж с моей Анной Саввишной много не наговоришься. Командир. Ей бы не птичником ведать, а войском командовать.

— А что же, если понадобится, и скоманую. Это ты вот с воронами никак не справишься.

Иван Антонович даже крякнул с досады:

— Дались ей эти вороны, хоть из дому беги!

— Так разве я не права?— Анна Саввишна обернулась ко мне.— Послушайте, разберите сами. Дали мне птичью ферму, каждый день на откорм птиц еду отпускают: отрубей, хлеба, картошки и всякую всячину. А мы кого — ворон откармливаем! Только еду вынесу, как налетят, кур отгонят, все разом пожрут. До того разожрались, еле-еле летают.— Анна Саввишна насмешливо кивнула в сторону мужа.— А мой охотник ничего с ними поделывать не может.

— Да что же с ними поделаешь?— опять развел руками Иван Антонович.— Я ума и не приложу. Только с ружьем на птичник покажешься, их будто ветром сдует, ни одной нет. А как ушел, опять налстели.

-- Это тебе не тетеревов стрелять,— засмеялся я.— Ворона — птица смышленная, её трудно перехитрить.

Целый вечер ушел у нас на обдумывание этой и впрямь замысловатой охоты. Наконец мне пришла в голову интересная мысль: завтра же утром Иван Антонович оденется в платье и шубу Анны Саввишны, повяжется платком, возьмет ружье, ведро с кормом и пойдет кормить птиц.

Все одобрили мой план, и мы, очень довольные хитрой выдумкой, отправились спать.

Утро началось с маленького маскарада. Иван Антонович надел поверх брюк длинную юбку, накинул на плечи женину шубу, повязался платком и стал похож на волка из «Красной Шапочки», когда тот нарядился в чепец и платье бабушки.

— Ну и чучело!— всплеснула руками Анна Саввишна.— Да как ты выйдешь во двор, все вороны от одного страха помрут!

Действительно, вид у Ивана Антоновича был весьма оригинальный. Из-под надвинутого на самые брови платка смотрели растерянные глаза и уже совсем неуместно торчали усы и седая окладистая борода.

— Черт знает что придумали!— смущенно бормотал он.— Еще встретишь кого на дворе, на весь район ославят.

Иван Антонович торопливо взял ведро с птичьим кормом, затем, по старой охотничьей привычке, ловко вскинул на плечо ружье и отправился на птичий двор.

Мы с Анной Саввишной тоже вышли из дома и издали смотрели, что будет.

— Кур-кур-кур!— тоненьким голосом начал звать Иван Антонович, рассыпая по кормушкам еду.

Не успели куры опомниться и принять адресованное им приглашение, как уже целая стая ворон слетелась на ближайшее дерево, ожидая, когда бородатая птичница отойдет в сторону. Но в этот раз нахальные птицы жестоко ошиблись. Птичница прицелилась и выпалила в самую воронью кучу.

Поднялся невероятный переполох. Убитые птицы попадали с дерева на землю, а остальные со страшным шумом и гвалтом разлетелись в разные стороны.

— Я вам, негодницы!— грозил им вслед Иван Антонович.— Будете у меня колхозное добро воровать!

Убитые птицы в наизидание оставшимся в живых были подвешены за ножки к сучьям того же дерева и навели такой ужас на все воронье царство, что в этот день ни одна из крылатых воровок не смела и носа показать на птичий двор.

Но на следующий день вороны попривыкли к своим качавшимся на сучках собратьям и как ни в чем не бывало опять заяви-

лись к куриному завтраку. Пришлось еще раз повторить охоту с передеванием, и она опять увенчалась успехом.

Так продолжалось три дня. И на этом, увы, торжество нашей затеи окончилось. Смешленные птицы, видно, разобрались, в чем тут дело, и, завидев еще издалека воинственную «птичницу», разлетались прочь. Зато стоило на двор прийти с ведром Анне Саввишне, как вороны с радостным криком уже летели ей навстречу.

— Неужели они в лицо меня узнают?— удивлялся Иван Антонович.

— И ничего нет мудреного!— сердито отвечала Анна Саввишна.— Бородища-то у тебя какая, страсть поглядеть! Сбрей ее и усы сбрей, тогда будет дело совсем иное.

— Нет, матушка,— наотрез отказался Иван Антонович.— Потому ты еще скажешь, что нос у меня велик, на твой не походит, значит, и нос придется подрезать. Потом и ноги и руки укоротить. Нет уж, уволь. Тебе птица поручена, ты ее и обхаживай, а у меня свое дело имеется. Всяк за свое и отвечает.

После такого отпора Иван Антонович решительно снял с себя юбку, стащил с головы платок, расчесал бороду и лихо подкрутил усы. Потом скрутил козью ножку, закурил.

— Все в порядке!— весело сказал он и отправился на колхозный двор осматривать сеялки, чтобы подправить к весне все, что требует ремонта.

Зато Анна Саввишна пришла теперь в полное уныние.

— Ну, теперь держись,— грустно сказала она.— За четыре дня эти негодницы проголодались — сразу корм пожрут.

Я тоже не знал, что и придумать. Неужели же, правда, вороны научились узнавать в лицо Ивана Антоновича и отличать от Анны Саввишны? А может быть, тут дело в чем-то другом?

— Анна Саввишна, а попробуйте-ка вы захватить с собой ружье,— предложил я.— Может, они и вас с ружьем испугаются.

И вот на другое утро степенная, толстая Анна Саввишна вдруг превратилась в древнеримскую богиню охоты — Диану. Она не только захватила с собой ружье, но даже перекинула через плечо охотничий рог.

— Так пострашнее будет,— пояснила она.

О радость! Заметив блестящие охотничьи доспехи, ни одна из крылатых воронок не осмелилась даже приблизиться к птичнику. Куры спокойно ели свой корм, а между ними, как настоящая Диана, сверкая оружием, расхаживала Анна Саввишна. Она торжествовала победу.

Длинноносые рыболовы

Хорошее занятие — рыбная ловля. Иной раз хоть и ничего не поймаешь, зато посидишь на берегу, на солнышке да понаблюдаешь, что вокруг творится. Только одно условие: сидеть нужно тихо.

Прошлым летом пошел я на речку за окунями; рыба никак не клюет. Стой, думаю, мы тебя перехитрим. Не хочешь на червяка браться, другую приманку предложим.

Снял я свою соломенную шляпу и тут же на отмели наловил ею, как сачком, мальков. А вот хранить мне их не в чем — ведерко-то я дома забыл. Не беда. Выкопал в песке у самой реки ямку, вода в нее сразу же набралась, и пустил туда рыбок. Отличный «аквариум» получился.

Двух мальков вместо червей на крючки насадил. Попробуем: не будет ли окунь на эту насадку браться. Опять жду, и опять ничего не клюет. Я даже слегка задремал под кустом.

Вдруг вижу — летит над речкой зимородок. Птица такая, немножко побольше воробья. Очень красивая птица: брюшко оранжевое, спинка ярко-зеленая, а нос длиннющий, прямой, как палочка. Им зимородок без промаха мелких рыбешек хватает.

Подлетел зимородок к моим удочкам и уселся прямо на удище. Меня и не замечает; сидит, в воду поглядывает.

Потом кинулся вниз, да не в речку, а прямо в мой «аквариум», выхватил оттуда рыбешку и опять на удище сел. Проглотил, отряхнулся, второй раз туда же — нырь. Поймал другую рыбку, есть не стал, а улетел с нею куда-то.

Эх, жалко, пусть бы еще половил, уж очень он занятный. А мальки мне все равно ни к чему, и на них окуни не берутся.

Только я об этом подумал — гляжу, а мой длинноносый рыбак уж опять тут как тут, да не один, и второй следом за ним явился — птенец, еще как следует летать не умеет.

Уселась оба рядышком на удилище. Потом «старый рыбак» нырнул в мой «аквариум», вытащил рыбку и к птенцу. Тот рот широко разинул: давай, мол, еду. А еду давать нетрудно, она тут же вот, рядом, только бери.

Сунул старый зимородок птенцу в рот пару рыбешек. Смотрю, и малыш тоже начал вниз поглядывать. Глядел, глядел да как бросится! Цоп клювом рыбку, взлетел на удилище, голову вверх запрокинул и с большим аппетитом проглотил свою первую добычу.

Теперь ему нечего ждать, когда его кто покормит — сам научился рыбу ловить. Тут уж они вдвоем взялись за моих мальков, в один миг всех переловили.

А я ни с чем остался, ни одного окуня не поймал. Не беда, я доволен: разве часто увидишь такую картинку?

Курочка-камышница

Поехали мы как-то с сыном Володей на лодке за утками. Долго плавали среди камышей, а уток все нет и нет. Но вот наша лодка выплыла в широкий залив. По краям у берегов камыши топорщатся густой зеленой щетиной, а середина залива чистая, ни травинки, одна вода.

Только видим, вдали на воде что-то чернеет, а что — разглядеть не можем. Стали подъезжать ближе, смотрим — плывет какая-то птица. Плывет от нас, торопится, а почему-то не улетает.

Володя поднял ружье, но в тот же миг птица исчезла под водой. Через несколько секунд она вынырнула в другом месте. Володя снова прицелился и выстрелил. Дробь так и брызнула по воде, а птицы уже нет. Значит, нырнула и ушла из-под выстрела.

Мы подплыли поближе, ждем, пока она снова вынырнет. Вдруг я вижу — невдалеке от нас из-под воды показалась какая-то темная точка. Показалась и скрылась. Потом опять появилась и опять исчезла.

Приметил я получше это место, взялся за весла и направил туда лодку. Володя глядит на меня, ничего понять не может:

— Куда ты, папа, плывешь?

А я молчу, смотрю в одну точку, боюсь это место на воде потерять. Подплыл, гляжу через борт и вижу: сидит под водою небольшая птица, лапами за водоросли держится, а головка у самой поверхности, чуть-чуть только водой прикрыта. Значит, это она головку из воды высовывала. Наберет воздуха, поглядит — тут ли мы, и опять под воду спрячется.

Опустил я осторожно руку да как схвачу птицу. Вытащил наружу и сыну показываю:

— Вот смотри, как охотиться нужно.

— Кто это? Кто это?— спрашивает Володя.

А птица бьется у меня в руках, вырваться хочет. Вся она темная, почти черная, головка маленькая, клюв остренький, короткий, а лапы огромные, зеленые, и пальцы длинные, как у цапли.

— Это,— говорю,— болотная курочка-камышница. Она очень хорошо по болоту бегают, и плавает, и ныряет, а вот летает плохо. Потому она и не любит на крыло подниматься. Она и от нас хотела под водой спрятаться, да не удалось. Мы ее и под водой поймали.

— А знаешь, папа,— сказал Володя,— давай-ка ее в камыши выпустим. Ведь мы же ее не застрелили. Это не по-охотничьи — руками ловить.

— Что ж, давай выпустим,— согласился я.

Мы подплыли поближе к камышам. Дальше плыть было трудно — вся вода покрыта широкими плавучими листьями кувшинок.

— Ну, Володя, гляди, пускаю!— И я выпустил нашу пленницу из рук.

Она тяжело пролетела несколько метров, опустилась на воду, прямо на листья, и вдруг побежала по ним, да так ловко, прямо как по земле — с листа на листок, с листа на листок!— и скрылась в камышах.

На разливе

Весеннее половодье было в самом разгаре. Кругом разлилась река, затопила луга, болота и даже прибрежный лес.

Среди этого моря воды, будто острова, темнели холмы, поросшие кустами и низкорослым корявым дубняком.

Ярко светило солнце. Над водою кружились чайки, изредка пронеслись утки. Вытянув длинные шеи и быстро махая крыльями, они летели к берегам в тихие, спокойные заводи. Ни одна из них не подлетала на выстрел, и я только напрасно держал наготове ружье.

Мой приятель Иван Кузьмич, старый охотник, сидел на корме и, ловко подгребая одним веслом, направлял лодку к небольшому островку. Там мы хотели устроить шалаши и на заре караулить селезней.

Вода прибывала. Это можно было заметить по усилившемуся течению и по тому, что мимо нас по разливу все чаще и чаще проплывали сучки, ветки и охапки сухого прошлогоднего сена.

— Погляди, что с птицей-то делается, — указал мне Иван Кузьмич.

Тут я только заметил, что количество птиц над разливом значительно увеличилось. Помимо чаек над водой и в особенности

около мелких островков, исчезавших прямо на наших глазах, летали и кружились вороны, коршуны, сарычи.

Поминутно то одна, то другая птица камнем бросалась в воду и взлетала, держа пойманную добычу.

— Ну, теперь мышам карачун пришел,— пояснил мой приятель.— Вода прибывает, куда деваться? Приходится плыть, а на открытой воде не больно схоронишься. Ишь как хватают! Теперь птице раздолье.

Неожиданно Иван Кузьмич резко повернул лодку в сторону.

— Постой, постой, куда ты, дурень? Утонешь ведь!— И с этими словами он быстро опустил руку за борт, поддел кого-то ладонью и посадил в лодку.

Ну и пассажир! На дне лодки, фыркая и отряхиваясь от воды, сидел ежик.

Иван Кузьмич тронул его кончиком сапога. Еж сейчас же сердито запыхтел и свернулся в клубок.

— Вот тебе и раз!— засмеялся товарищ.— Я же его, можно сказать, от гибели спас, а он со мной знаться не хочет. Ну, пыhti, пыhti, если ты такой сердитый.— И Иван Кузьмич, не обращая больше внимания на ежа, снова направил нашу лодку к намеченному заранее острову.

Мы проплывали мимо полузатопленного дерева. Взглянув на его нижние ветви, почти касавшиеся воды, я сразу даже не понял, что такое на них — не то серые прошлогодние листья, не то какие-то комочки грязи. Да вовсе нет — это все мыши-полевки и водяные крысы взобрались на сучья, спасаясь от полой воды. В густых ветвях дерева их не могли заметить и пернатые хищники.

— У-у, поганцы!— сурово проворчал Иван Кузьмич.— Брысь отсюда!— И он сильно стукнул веслом по веткам.

Что тут только поднялось! Вода под деревом будто закипела от бросившихся в нее сотен зверьков.

Мы быстро отплыли в сторону, а возле затонувшего дерева уже кружились вороны и другие птицы, выхватывая из воды добычу.

— Как скоро заметили,— усмехнулся Иван Кузьмич.— Ну и глазищи! Вот бы нам с тобой! Ни одна бы дичь тогда не ушла.

— А это кто же плывет?— спросил я, указывая на движущуюся в воде темную головку зверька.

Мы догнали бойкого пловца. Заяц! Вот так история! Я и раньше знал, что этот зверек в случае крайней нужды может плавать, но никогда не думал, что он плавает так хорошо.

И все-таки вряд ли ему удалось бы благополучно добраться до берега. Плыть предстояло еще далеко, а главное, крылатые хищники разве дали бы ему добраться?

Заметив приближение лодки, заяц пытался от нас удрать, но быстрее плыть он уже не мог. Зверек начал шлепать по воде лапами, поднимая брызги.

Мы тут же его настигли. Я схватил косога за уши и тоже втиснулся в лодку.

— Ну, дед Мазай, а куда сажать будешь?— весело крикнул мой спутник.

Действительно, сажать зайца было некуда, а отпускать нельзя — он сейчас же опять прыгнет в воду.

— Ба! А сетка на что?

— Это верно.

Я опять поднял зверька за уши. Иван Кузьмич подставил сетку для дичи, и в один миг живой заяц сделался охотничьим трофеем.

— Вот теперь надень сетку через плечо и будешь не дед Мазай, а барон Мюнхаузен,— рассмеялся товарищ.— Скажешь, что у тебя зайцы сами живьем в сетку прыгают.

— Ладно, ладно, нечего смеяться,— ответил я.— У нас еще твоя сетка есть. Посмотрим, какого зверя ты в нее посадишь.

Мы поплыли дальше, внимательно осматривая тихую гладь воды и желая поскорее заметить еще кого-нибудь из тех, кому понадобилась бы наша помощь.

— Эй, кумушка, куда же ты забралась?— воскликнул мой приятель и повернул лодку в сторону.

Впереди из воды торчало толстое спиленное дерево, и на его верхнем конце над водой копошилось что-то ярко-рыжее. Да ведь это лиса! Вот куда ее загнала вода!

Заметив нас, лисица засуетилась и, не подпустив лодку шагов на сто, бросилась в воду и поплыла.

— Тебя не догонишь!— покачал головой Иван Кузьмич.— Ну что ж, плыви, если в компанию к нам не хочешь.

Мы поплавали еще по разливу, но сетка приятеля так и осталась пустой, больше «добычи» нам не подалось.

Наконец мы подплыли к намеченному островку, вытащили на берег лодку и покрепче привязали к дереву. Вода все прибывала, лодку могло унести.

Остров, на который мы высадились, был низкий, его быстро заливало водой.

— На другой надо ехать, какой повыше,— решил Иван Кузьмич.

— А давай-ка пройдемся по этому,— предложил я,— посмотрим, кто здесь спасается.

Мы пошли в глубь острова.

— Держи, держи!— неожиданно крикнул приятель.

Из-под самых ног у него выскочил заяц и огромными прыжками пустился наутек.

Пройдя немного, мы выпугнули из кустов еще двух зайцев.

— Жаль, косых,— сказал Иван Кузьмич.— Зальет островок — и капут им. Куда поплывешь?

— А нельзя ли их как-нибудь поймать и на берег переправить?— спросил я.

— Да разве их голыми руками поймаешь?— ответил приятель.— Если бы сеть была, тогда другое дело.

Мы вошли в небольшой дубовый лесок.

— Кто же там ходит? Кажется, лошадь. Но зачем она сюда попала?

Мы подошли поближе.

— Это же лось,— тихо сказал Иван Кузьмич.— Чудно! Чего же он тут околачивается? Давно бы уплыл. Ведь ему переплыть такой разлив — раз плюнуть.

Но лось, даже заметив нас, видимо, не собирался покидать остров. Он только беспокойно забегал между деревьями, прижимая уши и сердито топая ногами.

«Почему он не убегает?» Мы подошли еще ближе. Тогда лось отбежал на самый мыс и остановился там у воды, тревожно поглядывая в нашу сторону.

— Э-э, глянь-ка сюда!— окликнул меня приятель, указывая под дубовый куст.

Я подошел.

Под кустом, среди прошлогодней листвы, лежал лосенок. Он лежал неподвижно, прижавшись к земле и совершенно сливаясь с окружающей серовато-желтой листвой.

Издали малыша можно было принять скорее за холмик земли, чем за живое существо.

— Вот, значит, в чем тут дело,— сказал Иван Кузьмич.— Он тут на островке и родился, а это матка его, лосиха,— кивнул он в сторону мыса, где все так же взволнованно перебегал с места на место огромный, похожий на бурую лошадь дикий зверь.

— Ах ты, малышка!— добродушно засмеялся Иван Кузьмич, глядя на затаившегося лосенка.— Лежит, не шелохнется, а у самого небось душа в пятки ушла. Да и как не уйти, когда два таких страшлища заявились! Стоят над тобой и не уходят. А ты, дружок, нас не бойся, мы тебе зла не сделаем, наоборот — от беды спасем.— Иван Кузьмич поглядел на меня и сказал: — Надо его на берег переправить, а то как вода придет, так ему здесь и крышка.

— А как же лосиха? Где же она его там, на берегу, искать будет?

— Найдет, об этом не беспокойся.— Иван Кузьмич снял с себя ватную куртку и, осторожно нагнувшись, сразу накрыл ею лосенка.— Вот и попался!

Лосенок мигом очнулся от своего оцепенения; он забился, стараясь вырваться, и жалобно запищал.

В тот же миг в стороне послышался треск сучьев, какой-то глухой храп.

Я оглянулся и невольно схватился за ружье: бешено всхрипывая, угрожающе топая ногами, к нам бежала лосиха.

Страшен вид разъяренного зверя, когда он защищает своего детеныша. Шерсть на загривке у лосихи поднялась дыбом, уши

прижаты, ноздри яростно раздулись, из полуоткрытого рта вырывался не то сдавленный стон, не то какое-то мычание.

Не замечая ничего кругом, она наткнулась на молодую березку. Удар ноги — и дерево, будто срубленное, полетело в сторону.

— Пальни, вверх пальни!— крикнул мне товарищ, пятясь за дерево, но не выпуская из рук лосенка.

Я вскинул ружье и выстрелил.

Лосиха шарахнулась в сторону, отскочила на несколько шагов и остановилась.

— Дуреха, мы ж твоего дитенка спасаем, а ты на нас!— укоризненно проговорил Иван Кузьмич.

Мы направились к берегу, и лосиха, громко, отрывисто охая, побежала за нами лесом. Она поминутно останавливалась и тревожно глядела на нас. Страх за детеныша на время победил у нее даже страх перед человеком.

Мы отвязали лодку и поплыли. Товарищ снова взялся за весло, а мне передал лосенка.

Малыш, угревшись в теплой куртке, совсем успокоился. Он больше не вырывался и не кричал, а только пугливо озирался по сторонам своими большими темными глазами. Казалось, он искал свою мать.

— Назад обернись, гляди,— сказал мне Иван Кузьмич.

Я оглянулся. Позади лодки, немного в стороне, из воды высовывалась горбоносая морда плывущей лосихи.

— Видал? Вот что значит мать-то.

Вдали показался берег. Все ближе и ближе. Вот уже лодка чиркнула о дно мелководья и остановилась.

Мы вынесли лосенка на берег, опустили на землю и отошли к кустам. Но малыш, видимо, настолько растерялся, что даже не побежал прочь. Он встал на свои еще некрепкие ножки, огляделся и вдруг побрел прямо к нам.

— Ну, вот те и на!— развел руками Иван Кузьмич.— Иди-ка ты лучше к матери, вон она уже на берег выскочила.

Выбежав на сухое место, лосиха издала негромкий, очевидно призывный, звук. Лосенок мигом обернулся, насторожил уши и нетвердыми шажками побежал на зов.

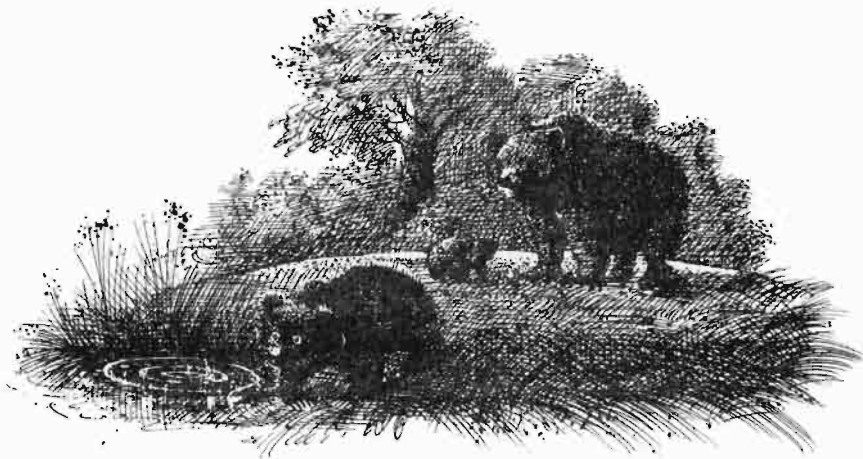
— Беги, беги. Тут-то, брат, попривольнее будет,— ласково проговорил ему вслед Иван Кузьмич.

Мы сели в лодку и поплыли к острову строить шалаши.

Неожиданное знакомство

В есенняя безлунная ночь. Я выхожу из лесного кордона и сразу же погружаюсь в непроглядную тьму. Но дорога мне хорошо знакома. Я уверенно спускаюсь в низину, перехожу дощатый мостик через ручей, выбираюсь на пригорок и иду дальше по лесной дороге. Иду, догадываясь об окружающей меня местности по различным звукам и запахам.

Вот в стороне от дороги слышится вкрадчивое, еще негромкое урчание лягушек. Значит, я прохожу мимо заболоченной низины. А дальше пойдет сосновая грива. Как славно запахло

смолой! Под ногами чувствуется не грязь, а сухая земля — песок. За сосняком начинается березовое мелколесье. Легкий ветерок доносит горьковатый и очень приятный запах набухающих, готовых раскрыться почек.

О том, что кругом мелколесье, я догадываюсь еще по легкому шуму при каждом порыве ветра. Так тихо, едва слышно могут шуметь только очень молодые верхушки деревьев.

Мелколесье кончается.

Я — на большой поляне. Теперь мне надо найти здесь мой шалаш. Его я смастерил еще накануне днем, сделал из таких же тоненьких, срубленных мною березок. А все щели между ветками аккуратно заткнул клоками старого сена. Оно валялось тут же, подле кустов.

Наконец я ошупью нахожу шалаш и забираюсь внутрь. Входное отверстие я тщательно заделываю ветками и клоками сена.

Вот теперь хорошо. Теперь я могу спокойно сидеть в своей засаде и ждать рассвета.

На утренней зорьке сюда, на поляну, обязательно прилетят черные лесные петухи — тетерева. На это место они собираются каждую весну, чтобы попрыгать, погоняться друг за другом, померяться силами и громкой задорной песней возвестить на весь лес о начале весны.

В моей засаде они меня не заметят, и, когда хорошо рассветет, я сумею застрелить одного, а может, и парочку краснобровых лесных красавцев.

А пока до рассвета можно и подремать немного. Но дремать не приходится: ночью лес полон самых различных звуков. То филин заухал, то, свистя крыльями, пронеслась стая уток, а вот тоненьким голоском не то заржал, не то заверещал заяц. Только ранней весной и можно услышать голос этого робкого, молчаливого зверька.

Ночью весенний лес не замолкает ни на минуту. Ухо невольно ловит все эти странные, полные таинственной прелести звуки. Слушаешь их и стараешься угадать, кому из лесных крылатых или четвероногих обитателей они принадлежат.

Но, чу, где-то высоко в небе послышался негромкий, протяжный звук, будто там, в вышине, заблеял барашек. Это взлетел над болотистой низиной и затоковал бекас. Значит, скоро рассвет. Нужно устроиться поудобнее, положить рядом ружье и сумку с патронами, чтобы все было под руками.

Только я закончил необходимые приготовления, и вдруг возле самого шалаша как зашипит кто-то: «Чуф-шшш...» Помолчал немного и снова: «Чуфшшш...» Вот он, желанный гость,— старый тетерев-токовик первым пришел пешком на поляну и первым еще до света подал голос тетеревиному сборищу, или току, как его называют охотники.

В ответ на призыв старого токовика из разных концов леса донеслось громкое чуфыканье. Тетерева начали слетаться на место тока.

Тяжелые, крупные птицы садились вокруг моего шалаша. Я слышал их, но ничего не мог разглядеть в серой предутренней мути. Задорное чуфыканье раздавалось с разных сторон. С громким хлопаньем крыльев тетерева подсакивали и перелетали с места на место. Потом они замирали и заводили звонкую воркующую трель: «Уру-ру-ру-ру... уру-ру-ру-ру...» Казалось, что вокруг меня переливаются и журчат невидимые весенние ручейки. Затем снова раздавалось чуфыканье, хлопанье крыльев и поднималась какая-то возня: раззадорившиеся петухи начинали веселую потасовку.

С каждой минутой становилось светлее. Теперь вся поляна казалась наполненной туманной серой мутью, и среди нее, то появляясь, то исчезая вновь, бегали, прыгали и перелетали с места на место какие-то темные силуэты.

Хорошо я их еще рассмотреть не мог, но твердо знал по прошлому опыту, что это тетерева.

Еще посветлело. Я уже ясно начал различать отдельных

петухов. Они распускали лирой свои черные, на белой подкладке хвосты и, припав к земле, долго монотонно ворковали.

А вон в стороне, у куста, с громким чуфыканьем сходятся два лесных драчуна. Подступают друг к другу все ближе, ближе, сейчас сцепятся.

Я направил на них ружье, чтобы одним выстрелом взять сразу пару тетеревов. Но тут что-то случилось. Все тетерева разом сорвались с поляны и исчезли в лесу. Кто же спугнул их? Неужели еще какой-нибудь охотник подкрадывается к токовищу?

Легкий треск сучьев заставил меня обернуться и поглядеть в сторону.

Из кустов на поляну выбирался кто-то на четвереньках. Охотник? Да нет, это вовсе не человек, а какой-то зверь. Медведь! Вот он совсем вылез из-за веток, а следом за ним выскочили два медвежонка.

В первую минуту мне сделалось как-то не по себе. Ружье заряжено дробью на птицу, и ни одного пулевого патрона.

Но тут же я устыдился сам себя: «Какой же ты после этого натуралист, если испугался зверя в лесу, да еще какого зверя — самого трусливого! Ведь только свистни — его уж и след простыл».

Так, подбадривая себя и держа на всякий случай ружье наготове, я следил из своей засады за косолапой семейкой.

Между тем мамаша с детьми вышли на полянку и занялись своими делами. Медведица начала разламывать лапами старые, трухлявые пни, засовывала морду в труху и, очевидно, выбирала оттуда разных жуков и личинок, а медвежата бегали возле матери, гонялись друг за другом и боролись, как толстые, неповоротливые щенки.

Потом один из них подбежал к матери и стал тоже тыкаться мордой в труху. Тем временем другой медвежонок отправился бродить по полянке. •

Вдруг он остановился как вкопанный: очевидно, что-то заметил на земле.

Мне было очень интересно узнать, что именно увидел малыш, но я ничего не мог разглядеть.

Вот мишка приподнимается на дыбки и вперевалочку делает шаг, другой к заинтересовавшему его предмету. Потом снова опускается на четвереньки и осторожно, с опаской тянет лапу вперед. Тронул что-то и скорее отдернул лапу прочь.

Стараясь не хрустеть сучками, я привстал, взял лежавший рядом бинокль и поглядел в него.

Ну и потеха! Перед медвежонком на земле сидит большая лягушка. Она, видно, только недавно очнулась от зимней спячки — сидит вялая, полусонная. Медвежонок тянет к ней лапу. Лягушка делает в сторону небольшой скачок. Мишка принимает это за игру. Он тоже неуклюже подскакивает вслед за лягушкой. Так они добираются до ближайшей лужи. Лягушка прыгает в

воду, медвежонок сует туда лапу, отдергивает, трясет ею и с удивлением смотрит, куда же девался его новый приятель.

Постояв в недоумении возле лужи, медвежонок нехотя отходит и бредет дальше, прямо к моему шалашу. Он уже всего в каких-нибудь пятнадцати — двадцати шагах.

Я не могу оторвать глаз — до чего он хорош! Такой с виду мягонький, толстый, неповоротливый... Хочется взять его и потискать, побороться с ним, как с кутенком. Даже не верится, что это вовсе не дворовый щенок, а лесной дикий зверь.

Он подходит ко мне еще ближе. Это уже не совсем хорошо: ну-ка, заметит меня, испугается и закричит. Тут мамаша может броситься на защиту.

Конечно, по теории, медведя легко отпугнуть, но ведь одно дело — теория, а другое — опыт «на собственной шкуре».

Я пробую пугнуть непрошеного гостя — еле слышно щелкаю пальцем по биноклю.

Медвежонок мигом услышал. Вот какой слух. Он поднимается на дыбки и пытается заглянуть в шалаш. Наверное, он уже заметил меня, только не может понять, кто это сидит за ветвями.

Любопытство его разбирает. Он наклоняет головку то в одну, то в другую сторону. Какая плутоватая у него мордочка! Ни дать ни взять озорной мальчишка! Кажется, сейчас скажет: «Дяденька, ты что тут делаешь?»

Постояв немного, медвежонок неуверенно делает шаг, другой в мою сторону.

Нет, это уж слишком. Так, пожалуй, он и в шалаш ко мне заберется. Пора кончать игру.

— Кши ты! — и я захлопал в ладоши.

Эффект получился полный. Медвежонок рывкнул, чуть не перекувырнулся через голову и со всех ног кинулся к матери.

В один миг вся семейка исчезла в кустах.

Я тоже выбрался из шалаша. Вот и конец охоты. Значит, придется домой возвращаться без дичи, пустым.

Ну и что же? Неужели такое знакомство в лесу не стоит убитого тетерева?

Конечно, стоит.

Медвежонок

Однажды зимою выгнали мы из берлоги медведицу и убили ее. Подошли к ней, вдруг слышим — в берлоге кто-то кричит. Один из охотников и говорит:

— Должно быть, дети.

Залез он в берлогу и вытаскивает оттуда двух маленьких медвежат. Ну совсем как игрушечные, из плюша — такие же мягкие, толстые.

Как увидели медвежата солнце, лес — обрадовались, начали возиться, кувыркаться в снегу. Ведь родились-то они под снегом,

в берлоге, только теперь в первый раз и попали на вольный свет. Людей медвежата видели тоже впервые и нисколько не опасались: медведица еще не научила их бояться человека.

Медвежата хватали нас лапами за валенки, за полушубки, будто не дикие звери, а самые обыкновенные дворовые кутята.

Я взял обоих медвежат на руки, спрятал их за пазуху. Другие охотники связали убитой медведице лапы, продели между лапами толстый кол, взвалили его на плечи, и мы пошли из лесу.

В деревне одного медвежонка забрали мои товарищи охотники, а другого я принес в избушку к старику, у которого остановился на ночлег. Дедушка медвежонку очень обрадовался:

— Вот нам со старухой утеха-то будет!

Мы налили мишке в сковородку молока, поставили посреди избы. Медвежонок долго ходил кругом, фыркал, тыкал в молоко мордой и наконец все разлил. До этого он ведь только сосал свою мать и, конечно, не умел пить из сковороды. Тогда мы снова налили в сковородку молока. Я сел на пол и опустил в молоко палец. Медвежонок посмотрел на палец, потом лизнул его — вкусно, палец весь в молоке. Мишка осторожно забрал его в рот, начал сосать и заодно тянуть молоко.

Потихоньку я отнял у медвежонка палец, а он, приладившись, все продолжал пить молоко, смешно фыркая и пуская пузыри.

Когда мишка напился, он растянулся на полу у горячей печурки и заснул.

Мы поужинали и тоже легли спать: дед с бабкой на печи, а я на лавке.

Ночью просыпаюсь и не могу понять, кто это плачет. Зажег свечу, вижу — не спит медвежонок, ходит по полу и на всю избу жалобно, как ребенок, кричит. Проснулся он — значит, озяб; печка погасла, в избе холодно, темно. Испугался мишка и начал кричать. Что с ним делать?

Встал я, наложил в печурку дров, разжег огонь, налил в сковородку молока. Наелся медвежонок и улегся к огоньку. Я тоже лег. Только заснул — слышу, опять мишка кричит. Встал, зажег свет, сел на лавку и говорю:

— Чего ты, мишка, плачешь? Что тебе нужно?

А медвежонок будто понимает, что с ним говорят, — подбежал ко мне, лапами за ногу хватает, карабкается.

— Ну, — говорю ему, — давай вместе спать, если один боишься.

Взял его, положил на лавку рядом, укрыл полушубком. Вдруг чувствую — обнял мишка мою руку своими лапами и тянет к себе. Подтянул, забрал в рот мой палец и засосал, как соску.

«Ах ты, — думаю, — малышка глупый. Ну, соси, соси на здоровье, только спи, не плачь».

Да так мы с ним крепко заснули, что утром дед нас едва добудился.

Куйка

Лето прошлого года я провел в Карелии. Приехав в Петрозаводск, я зашел в охотничье общество, сказал, что я охотник-натуралист, и попросил посоветовать, куда бы поехать, чтобы познакомиться с природой этого края.

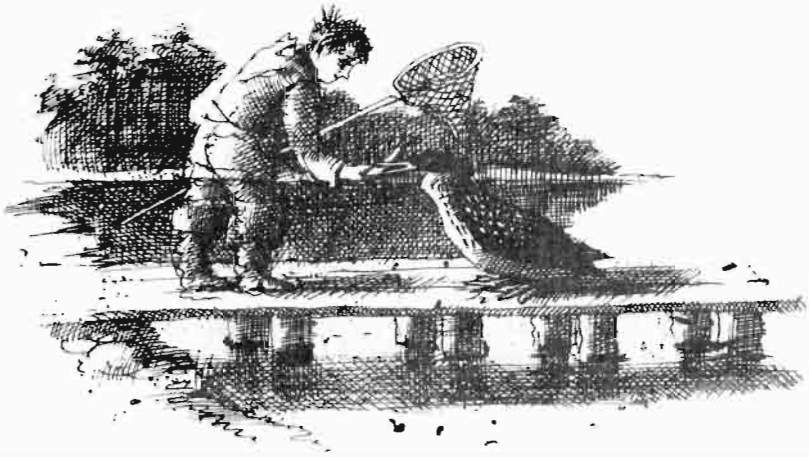
Тут же на маленьком дружеском совете было решено, что лучше всего мне поехать в Заонежье, то есть на другую сторону Онежского озера.

На следующий день я сел на пароход, переплыл озеро и поселился в небольшой деревушке Мальково на самом берегу.

В этих местах озеро все сплошь покрыто мелкими островками. Островков так много (больше сотни), что они получили у местных жителей общее название — Уйма.

Трудно передать, какое чудесное зрелище представляют собой эти острова, в особенности когда плывешь по озеру в тихую, ясную погоду. Над головой синее безоблачное небо, а кругом такая же синяя, сверкающая гладь воды, и из нее тут и там поднимаются зеленые, покрытые лесом острова.

Между островами извиваются протоки, то широкие, открытые, то узкие, поросшие тростником и камышами, — настоящий рай для уток, гагар и другой водоплавающей дичи.

Невдалеке от нашей деревни, на одном из соседних островов, находилось селение Кижы — несколько домиков, разбросанных по берегу, парходная пристань, а прямо над нею на высокоом пригорке — старинная, рубленая из бревен церковь о двадцати трех куполах. Эта церковь — замечательный образец древнерусской архитектуры.

Селение Кижы было видно прямо из моего окна, и я, сидя дома, часто любовался им. Но особенно красиво бывало по утрам, когда я еще задолго до восхода солнца отправлялся на рыбалку.

На прозрачном нежно-розовом фоне зари четко вырисовывались контуры древнего храма и силуэты кряжистых северных домов.

И как удивительно все это гармонировало с огромными серыми камнями на берегу, прозрачной далью, старыми, поредевшими соснами, с плеском воды, криками гагар на озере, со всей картиной угрюмого дальнего севера...

Стоя на берегу возле своей лодки, я смотрел, как над озером, над островами, над всем этим суровым краем тихо занималась заря.

Вот край неба разгорается все ярче и ярче, на него уже больно смотреть, и вдруг словно поток огненной лавы выльется из-за горизонта, хлынет на озеро и зажжет его вспышками голубых огней. Как раскаленные угли, светятся окна домов. Из-за лесистой Уймы медленно поднимается солнце.

Я поспешно сажусь в лодку, черпаю веслами прозрачную, как первые льдинки, воду и выплываю в озеро навстречу солнцу, навстречу новому, едва зародившемуся дню.

Живя в Заонежье, я почти каждое утро выезжал на рыбалку

и удил до тех пор, пока солнце не начинало сильно припекать. Тогда я возвращался домой.

Но однажды я заехал дальше обыкновенного. Рыба в это утро бралась хорошо, и мне не хотелось возвращаться домой.

Неподалеку от меня виднелся маленький, весь заросший деревьями островок. Из зелени ветвей выглядывал деревянный домик.

«Подъеду к нему. Может, мне удастся купить молока и хлеба,— подумал я.— Поем, а потом еще половлю.» И снявшись с якоря, направил свою лодку прямо к домику.

Подплыв к островку, у самой воды я увидел пожилую женщину. Она полоскала белье. Женщина приветливо поздоровалась со мной и охотно согласилась принести молока и хлеба.

Не прошло и десяти минут, как она уже вернулась назад с кринкой молока и изрядной краюшкой хлеба. Но взять за все это плату решительно отказалась.

— Да что вы, за что же тут платить!— засмеялась она, разглядывая в ведерке мой улов.

На дне лодки у меня валялось несколько мертвых рыбешек. Я взял этих рыбешек и выбросил в воду.

— Жаль, что нашей Куйки нет,— сказала женщина,— она бы их сразу подобрала.

— Какой Куйки?— переспросил я.

— А вы разве не знаете? Вы нездешний?

— Нет, я из Москвы.

— Ах, вот что! Ну, тогда понятно,— кивнула она головой.— Куйкой в нашем крае гагару зовут. Видели, конечно, их много по озеру плавают.

— Да, гагар я здесь много видел.

— А вот у нас совсем ручная была,— сказала женщина,— тут около мостков все время и находилась. Мы ее еще маленьким птенцом взяли, так и выросла среди людей и никого не боялась.

Это меня очень заинтересовало. Я в своей жизни видел немало ручных птиц — скворцов, сорок, галок, ястребов... Но ручных гагар никогда не видел да и не слышал об этом.

Я попросил женщину поподробнее рассказать о своей столь необычной крылатой воспитаннице.

— Ну что же, я с удовольствием,— согласилась она.— Мы тут с Колей, с сыном, каждое лето на даче живем. Он у меня тоже рыбовод, любитель, всякую живность в дом тащит.

Вот как-то раз летом поехали мы с ним на лодке за ягодами километров за восемь, на остров Игловский Хвост. Весь этот остров в сосняке, в полянах, ягод там бывает видимо-невидимо.

Плывем мы мимо небольшой луды. Только поравнялись, вдруг с нее гагара бултых в воду и удирать от нас. А за ней следом гагаренок, совсем еще маленький, темненький весь, тоже с берега соскочил и поплыл за матерью.

Подъехали мы к той луде, глядим — у самой воды гнездо гагары. Собственно, и гнезда-то настоящего нет — просто кучка

сухого, прошлогоднего камыша, а сверху ямка. В гнезде птенец сидит. Коля его в руки взял, а он и не боится — видно, мал еще, ничего не понимает. Смешной такой, несуразный, вроде гусенка. А лапки совсем не в том месте, где у других птиц, — где-то сзади около хвоста. Ему и бегать-то на них никак нельзя.

Поглядели мы на него и посадили обратно в гнездо.

Вдруг видим: гагаренок лапками оттолкнулся и, как лягушонок, из гнезда — прыг, прыг — и в воду! Шлепнулся, да и поплыл себе как ни в чем не бывало.

Мы с сыном тоже своим путем к острову направились. Смотрим — а гагаренок следом за нами плывет. Мы отгонять, в ладоши хлопать, а он никак отставать не хочет. Коля ему весло протянул. Гагаренок грудкой на него навалился и вскарабкался.

Взяли мы его в лодку, посадили в корзинку для ягод. Так и привезли домой.

Дома прежде всего забота — чем его кормить? Дали каши, хлеба моченого, творогу и вареное яйцо порубили — ничего не ест. Посадили его в клетку, так целые сутки без еды и сидел. А потом Коля малявок вот у этих сходен наловил и дал гагаренку. Тот сразу три штуки съел. С тех пор с кормежкой дело пошло на лад. Но зато в клетке сидеть гагаренок ни за что не хотел. Поставили мы ему туда миску с водой. Он ее опрокинул, воду пролил. Вымок, выпачкался, так по клетке и мечется, между прутьями голову просовывает, того гляди, задушится.

Я и говорю Коле: «Не мучай ты его. Это птица водяная, она в клетке все равно жить не сможет. Выпусти его лучше у нашего островка возле сходен. Гагар тут много неподалеку плавает, может, он к ним и уплывет».

Коля сбегал еще раз на озеро, наловил малявок, накормил получше гагаренка, а потом отнес и выпустил вот в этот заливчик.

На следующее утро пошел Коля купаться, гляжу — что такое, уж он назад бежит! «Мама, мама, — кричит, — гагаренок-то наш куда и не уплыл! Только я на берег пришел, а он из кустов выплывает и прямо ко мне: «Пик, пик, пик...» Пищит, рыбки просит. Я за сеткой прибежал. Сейчас наловлю и покормлю его».

Так гагаренок и остался жить в заливчике возле сходен. Коля раза три-четыре в день ему малявок ловил. Бывало, позовет его: «Куйка, Куйка!» — гагаренок сейчас к нему плывет и прямо в руки заглядывает, а сам пищит — покорми, мол.

Сначала Коле занятно было с ним возиться, а потом, видно, надоело. Гагаренок вырос, ему еду только подавай.

И досаднее всего: кругом в заливчике малявок видимо-невидимо плавают, особенно когда солнышко пригреет, а гагаренок и не думает их ловить. Вот и решил Коля его приучить нырять, чтобы он сам за рыбой охотился. Ну и забавно это было!

Коля разденется, поплывет — и гагаренок за ним. Коля отплывет немного и нырнет. Тут гагаренок начнет по воде метаться.

ищет — куда же его приятель делся? Затем голову в воду опустит, перекувырнется, а лапы и хвост снаружи.

Никак сначала нырять не хотел, потом приучился. Но только делу это ничуть не помогло. Рыбу он все равно ловить не стал, по-прежнему просил, чтобы его из рук кормили. А если ему мало рыбы наловят, не наестся он, тогда прямо на берег лезет, так и прыгает за Колей, как лягушонок.

Один раз пришла на сходни кошка. Она туда часто ходила. Коля ей тоже там рыбки давал. Пришла она, а гагаренок на берегу был. Кошка к нему — что, мол, за птица, давай-ка познакомимся. Она у меня и с курами, и с утками — со всеми дружила.

Только подошла к гагаренку, а тот как шею вытянет, как зашипит да клювом ее — цоп! — ущипнул не хуже гуся. Кошка перепугалась, со всех ног прямо домой. С тех пор уж ее к сходням и не заманишь.

Через месяц гагаренок заметно вырос, но от мостков никуда не уплывал. И ведь дикие гагары тут же, бывало, неподалеку плавают, кричат, а он на них даже внимания не обращает.

Из заливчика он выплывал только за лодкой. Вот поплыву я на соседний остров корову доить. Она у меня там все лето паслась. Я плыву, а гагаренок за мной. Пока я на острове корову дою, он возле лодки плавает, а как вернусь, прямо ко мне лезет. Возьму его на руки, он усядется поудобнее и сидит, плоский такой, как пирожок. Поглажу его и опять в воду пушу. Так обратно домой и приплывем.

Мы с Колей к Игловскому Хвосту плавали, к той луде, откуда гагаренка взяли, и он следом за нами, всю дорогу за лодкой плыл. Мы думали — может, мать-гагара его увидит и позовет к себе. Но никакой гагары там уже не оказалось.

Я и предложила Коле: «Давай-ка мы нашу Куйку все-таки оставим. Здесь она скорее к диким гагарам пристанет, а то что мы с ней зимой делать будем, без воды она ведь погибнет».

Вот подождали мы, пока Куйка подальше от лодки отплывет, а потом налегли на весла. Только вода за бортом журчит!

Куйка увидела — и ну догонять нас! Да не может — смотрим, отстает все больше и больше. А потом вдруг нырнула, глядь — вынырнула уже ближе к лодке, еще и еще... Под водой нас и догнала. Значит, ей под водой удобнее плыть, чем по поверхности.

Так мы домой опять все втроем и приплыли.

Прошло еще недели две. Куйка совсем большая выросла и такая обжора стала — давай и давай рыбу. Просто хоть с берега не уходи. А сама никак ее не ловит. Уж Коля с ней совсем замучился.

Один раз приплыли к нашему островку рыбаки сетью рыбу ловить. День был жаркий, мелочь у них уснула; они ее и выкинули в воду.

Куйка как заметила это, сразу всю рыбу с воды подобрала. С тех пор, бывало, только увидит рыбаков на лодке с сетью,

прямо плывет к ним, рыбу клянит. Нашу Куйку здесь в округе все рыбаки знали и все ее кормили.

Тут моему Коле полегче стало, Куйка ему уж не так досаждала. Только мы все беспокоились, что ж мы с ней зимой делать будем.

А делать-то ничего и не пришлось. Не дожидаясь у нас Куйка до зимы.

Как-то приплыл к нам рыбак с Волк-острова. Куйка за ним и увязалась. С тех пор и конец, как в воду канула. Уж мы и на Волк-остров плавали узнать, нет ли ее там. Не близкое это дело — километров двадцать от нас по воде-то будет. Только нигде нашей Куйки не нашли. Наверное, к диким гагарам все-таки наконец прибилась и уплыла на волю.

Вот про нашу Куйку и вся история, — улыбнулась женщина.

Я поблагодарил ее и хотел уже плыть обратно на озеро ловить рыбу.

— А скажите, пожалуйста, — вдруг спросила меня рассказчица, — не знаете ли вы, сколько лет гагары жить могут?

— Не знаю, правда.

— Жалко, — сказала она. — А то я третью весну все нашу Куйку обратно жду — думаю, не вернется ли откуда-нибудь. Да нет, уж, видно, больше не вернется. Ну, прощайте пока, заезжайте еще, когда будете близко рыбу удить.

Она взяла пустую кринку и пошла к дому.

А я поплыл обратно на озеро.

Уже начало как следует припекать. Дул легкий попутный ветерок. Я решил больше не ловить рыбу, поставил парус и поплыл домой.

Вокруг меня, все в солнечном блеске, сверкало и переливалось озеро. У поверхности играла рыба. А возле островов, у самых камышей, вытянув шеи и высоко подняв остроносые головы, плавали рябухи-гагары. И глядя на этих птиц, я невольно думал: нет ли среди них той самой Куйки, которую так любовно растили Коля и его мать?

Лесной разбойник

Папаша, папаша, волк козленка задрал! — кричали ребята, вбегая в дом.

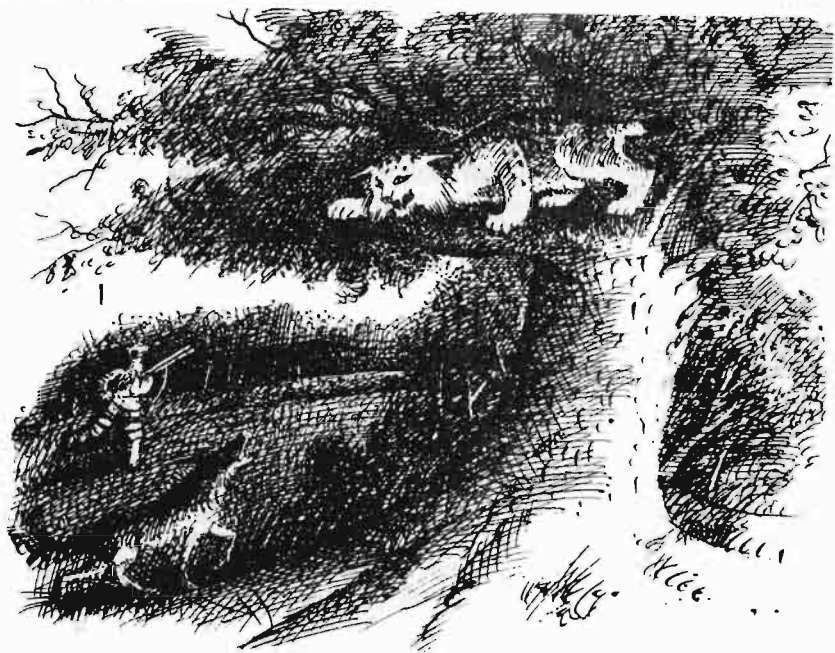
Сергей Иванович быстро встал из-за стола, надел ватник, прихватил ружье и вышел вслед за детьми на улицу.

Домик, в котором жил Сергей Иванович с семьей, стоял на самом краю деревни. Прямо за околицей начинался лес. Он тянулся на много десятков километров. Раньше в этом лесу встречались даже медведи, но давно уж перевелись. Зато зайцев, белок, лисиц и прочей лесной живности водилось немало. Наведывались и волки. Поздней осенью и зимой они подходили к самой деревне, и в глухие, угрюмые ночи нередко слышался

их протяжный, тоскливый вой. Тогда все собаки в деревне забегали под клети, под избы и оттуда жалобно, боязливо подтягивались.

— Значит, опять окаянные завелись!— ворчал Сергей Иванович, быстро шагая с детьми по тропинке в лес.

В лесу было совсем уже пусто. Весь лист давно облетел, и его прибило дождями к земле. Раза два выпадал даже снег, да потом снова растаял.

Скотину давно не гоняли пастись. Она стояла на скотном дворе. Одни только козы еще бродили по лесу, обгладывая кустарник.

По дороге Анютка, дочка Сергея Ивановича, рассказывала отцу:

— Пошли мы за хворостом, у деревни-то весь пособрали. Мы и подались к Гнилому болоту. Собираем сушняк. Вдруг слышим — за болотинкой наша коза как закричит, жалобно так! Саня говорит: «Может, козленок в яму свалился? Не выберется. Пойдем поможем». Мы и побежали. Минули болотинку, глядим — коза нам навстречу бежит, а козленка не видно. Мы на поляну, откуда коза бежала, глянули за кусты, а он там, да только мертвый, весь истерзан, полбока вырвано.

Сергей Иванович слушал, а сам все ускорял шаги, Анюта и Саня еле за ним поспевали.

Быстро дошли до болота, обогнули его. Вот и поляна. На ней еще издали белели клочья шерсти растерзанного козленка.

Сергей Иванович внимательно осмотрел остатки звериного пиршества. Он даже присел на корточки, стараясь разглядеть на земле следы зверя, но их невозможно было заметить среди прибитой дождями к земле жухлой травы.

— Хорошо еще, что козу не задрал,— наконец проговорил Сергей Иванович.— Должно быть, какой-нибудь одиночка, случайно забрел. А если бы выводок — обоих бы прикончили.

Так ни с чем и вернулись домой. Сергей Иванович приказал ребятам пасти козу возле деревни, далеко в лес не пускать.

Первые дни Саня с Анютой точно выполняли наказ отца. Но больше никто не слыхал о сером разбойнике. У соседей в деревне тоже были козы, и их сначала попридерживали возле домов, а потом все пошло по-старому — ребята сторожить бросили, и козы вновь разбрелись по лесу, опять начали уходить к Гнилому болоту: там росли кусты тальника — самая вкусная для них еда.

* * *

В деревне уже совсем позабыли о случившемся. И вдруг — опять. Как-то под вечер во двор к соседям Сергея Ивановича примчалась их коза, вся в крови, на боку огромная рана.

Опять побежали в лес, искали, искали, так зверя и не нашли.

Сергей Иванович запер свою козу во дворе и не велел пускать пастись.

Собрались деревенские охотники, стали советоваться, как же быть. Это, видно, не случайный зверь, не мимоходом забрел. Он тут, в лесу, и живет, никуда не уходит. Жаль, что снег долго не выпадает, тогда живо бы по следу разыскали. Сытый волк далеко от места кормежки не уходит. Найдет в лесу уголок поглуше, весь день проспит. Вот тут бы на него и устроить облаву. Но это все хорошо зимой, по снегу, а если снега нет — пойди разыщи его. Лес велик, чаща да завалы, разве узнаешь, где он улегся?

Были в деревне собаки-лайки, но для охоты на волка они не годятся. С ними только на белку да на птицу ходить. Так и порешили охотники ждать, когда выпадет снег.

Очень любил Сергей Иванович ходить на охоту за белками. И собака у него была самая первая в округе. Звали ее Пушок. Бывало, в воскресный день отправятся в лес за белками, каждый охотник со своей лайкой. Разойдутся в разные стороны. Целый день бродят, только к ночи вернуться домой. «Ну, кто больше всех белок добыл?» Конечно, Сергей Иванович. Да, смотришь, еще глухаря притащил, а то и куницу.

«Цены нет твоему Пушку»,— говорили охотники. Сергей Иванович и сам это хорошо знал.

А вот если со стороны на Пушка поглядеть — невзрачный песик, ростом немного побольше кошки, мордочка остренькая, уши торчком, хвост в крутую баранку закручен. Окраской весь белый,

только не чисто белый, а с рыжинкой, будто его не то подпалили, не то в грязи вымазали. Нечего сказать, неказистый вид, дворняжка, и только. Зато уж умен! «Ну прямо как человек,— говорил Сергей Иванович,— все понимает, только сказать не может».

Но Пушок и его хозяин отлично понимали друг друга без всяких слов. Вот и теперь, в субботний вечер, оба, конечно, думали об одном и том же — о завтрашнем дне. День обещал быть тихим, сереньким. Самый бы раз за белкой сходить. Холода уже были, и снег выпадал, значит, белка теперь, поди, вылиняла. Шкурка — первый сорт. И ходить в такую пору по лесу легко: одеваться тепло не нужно, надел ватник, сапоги — иди куда вздумается. А вот как наступит зима, навалит снегу по пояс, тогда далеко не уйдешь; надевай полушубок, валенки да становись на лыжи. Это уж не ходьба. И собаке по глубокому снегу трудно бегать — белку искать.

Очень хотелось Сергею Ивановичу пойти завтра в лес на охоту. Хотелось, да боязно: а ну-ка наскочит Пушок на серого? Тот сразу поймает, даже пикнуть не даст.

Пушку, видно, тоже не терпелось отправиться в лес с хозяином. По опыту прежних лет он уже знал: как только наступит осень, тут они и начнут охотиться. Недаром его хозяин сегодня днем осмотрел, почистил ружье и уложил патроны в охотничью сумку. Заметив эти столь знакомые приготовления, Пушок уже ни на шаг не отходил от Сергея Ивановича, заглядывая ему в глаза, вздыхал, даже слегка повизгивал.

Сели ужинать. Сергей Иванович налил Пушку в миску еды, но пес к ней даже не притронулся.

— На охоту зовешь? — сказал Сергей Иванович.

Пес сразу насторожил уши, радостно взвизгнул и стал тереться мордой о ноги хозяина.

— Вижу, что хочешь, — говорил тот, лаская собаку. — Мне самому пройтись охота, да боязно, как бы тебя волк не сожрал.

Но Пушок не понимал опасений своего хозяина. Ружье было вычищено, сумка на месте — значит, пора идти, чего еще ждать?

Так ничего не решив, Сергей Иванович лег спать. Завтра, мол, будет видно — утро вечера мудреней. А может, еще к утру завернет непогода, дождик, снег, чего же гадать заранее? В душе Сергей Иванович даже хотел, чтобы завтра было ненастье. По крайней мере не захочется идти в лес. А там, глядишь, и снег выпадет. По пороше живо разыщем серого да и прикончим его. Тогда уже без опаски можно идти в лес за белками.

Но желания Сергея Ивановича не сбылись. Проснулся он на рассвете. Вернее, его разбудил Пушок. Песик стал на задние лапы и лизнул руку хозяину своим мягким влажным язычком. Вставай, мол уже светает.

— Ох ты, неугомонный! — добродушно проворчал Сергей Иванович, поднимаясь с кровати.

Пушок, виляя хвостом, подбежал к двери. Сергей Иванович

последовал за ним, вышел на крыльцо. Его так и обдало бодрящей осенней свежестью, приятным запахом опавшей листвы. День обещал быть тихим, мгlistым. Хороший денек для охоты! Сергей Иванович сошел по сырым деревянным ступенькам во двор. Прощел до калитки. Уже как следует рассвело.

За калиткой в туманном свете осеннего утра виднелся лес, весь облетевший, хмурый, но такой манящий для сердца охотника.

Сергей Иванович живо представил себе, как звонко раздастся в голом лесу радостный лай Пушка, когда тот разыщет белку. Охотник уже видел и самого зверька в серой нарядной шубке. Вот он сидит на еловом суку, вздергивает пушистым хвостом и сердито цокает на собаку... И ведь все это так просто увидеть не только в воображении, но наяву — стоит взять сумку, ружье и пойти в лес. «А если волк? Потерять верного друга... Но почему же волк обязательно наткнется на Пушка? Может, он уже далеко отсюда, и след давно простыл?..»

Видя, что хозяин колеблется, не берет почему-то ружья, не идет в лес, Пушок постарался, как мог, подбодрить его. Он начал прыгать возле него, лизать руки и, прижав уши, умильно глядел прямо в лицо своими черными, удивительно умными и преданными глазами. Казалось, вот-вот скажет: «Пойдем на охоту. Мне очень хочется».

— Так ведь тебя же жалею,— отвечал ему Сергей Иванович, будто Пушок и вправду разговаривал с ним.— Боюсь, что на волка наскопишь, задерет, что тогда? Как же я без тебя останусь? Места себе не найду.

Но Пушок это понял по-своему, по-собачьи. Хозяин с ним говорит так ласково — значит, все хорошо, значит, они сейчас пойдут на охоту. Пес даже взвизгнул от радости и, прижав уши, пронесся вокруг хозяина и снова присел в ожидании.

— Что ж с тобой поделаешь? — развел Сергей Иванович руками.— Ну, пойдем. Только смотри — далеко от меня не удирай.

Стараясь больше ни о чем не раздумывать, Сергей Иванович быстро вернулся в дом, надел ватник, взял ружье, сумку с патронами и отправился на охоту.

* * *

Поздняя осень в лесу. Какая пора может быть более грустной и более милой для человека, привыкшего бродить с ружьем по глум, давно не хоженным тропам!

Сергей Иванович шел по узенькой тропке, по мягким преющим листьям.

Кругом росли невысокие деревца — осины, березки. Их тонкие ветви были совсем голые, без единого листика. Только на молодых дубках еще прочно держалась обмокшая от ночного тумана листва, темно-рыжая, как шкура лисицы.

Птиц совсем не было слышно. Осенний лес притих.

Но вот где-то вдали пронзительно закричала сойка, и снова все смолкло.

Пушок умчался куда-то в лес. Сергей Иванович знал: теперь он рыскает между деревьями, принюхивается к влажной земле, ищет желанный беличий след.

«Только бы не удрал слишком далеко»,— тревожно думал охотник. Но где-то там, в глубине души, он отлично знал: случись беда, близко ли, далеко ли — помочь все равно не успеешь. Куда же такому клопу с волком тягаться? Схватит его, утащит в чашу — и конец.

Вдруг Сергей Иванович даже вздрогнул от неожиданности. Громкий собачий лай будто встряхнул тишину осеннего леса. Это лаял Пушок. Значит, нашел кого-то. Наверное, белку.

Сергей Иванович поспешил на голос собаки. Он начал проворно пробираться между деревьями и кустами. Идти было легко. Раздвигая сучья и бесшумно ступая по влажной земле, охотник быстро добрался до места. Еще издали он заметил Пушка. Тот сидел под старой сосной и, подняв кверху голову, изредка взлаивал.

Сергей Иванович взглянул на вершину сосны.

Огромный глухарь, растопырив крылья и опустив вниз бородастую голову, сердито смотрел на собаку и забавно похрюкивал на нее. Этот «лесной индюк» походил на какую-то разлатую темно-бурую коряжину. Весь он был такой взъерошенный, очень большой и нелепый с виду.

Но охотнику некогда разглядывать. Глухарь — не белка, он осторожен. Чуть оплошаешь — заметит и улетит.

«Молодец Пушок!— подумал Сергей Иванович.— Ишь как деликатно подлаивает, не прыгает, не кидается на дерево, будто знает, что с глухарем нужно быть поспокойней, иначе спугнешь».

Стараясь остаться незамеченным, Сергей Иванович, крадучись, передвигался от дерева к дереву. Вот теперь дичь не далее тридцати—сорока шагов, значит, можно стрелять. Дождавшись минуты, когда глухарь, увлекшись собакой, засмотрелся вниз, Сергей Иванович поднял к плечу ружье, прицелился и спустил курок.

Выстрел гулко прокатился по осеннему лесу. Огромная птица сорвалась с дерева и, стучаясь о сучья, падала вниз. Пушок завизжал от радости, даже привстал на задние лапы. Мертвый глухарь тяжело шлепнулся на влажную землю. Пес подскочил к нему, но не стал трепать, а только с наслаждением начал всего обнюхивать, глубоко засовывая свой черный нос в растрепанные перья птицы.

Сергей Иванович подошел, поднял глухаря. «Ого! Ну и здоров — килограмма четыре потянет». Положил птицу в заплечный мешок.

— Умница, песик, хорошую дичь нашел. Poiщи-ка еще,— похвалил Сергей Иванович своего друга и потрепал его по спине.

Тот долго не стал вертеться возле хозяина. Охота — дело серьезное, некогда пустяками заниматься. Опять скрылся в лесу.

Не прошло и получаса, как пес облаял белку, потом вторую, третью... И будто в награду за его старания, все зверьки сидели на открытых ветвях, а не забивались в густые елки.

Сергею Ивановичу не приходилось их долго высматривать или стучать по дереву топором, чтобы выпугнуть белку из ее укрытия.

— Ну, Пушок, везет нам с тобой,— весело говорил Сергей Иванович, запрятывая в мешок очередного зверька.

Увлечшись охотой, Сергей Иванович и сам не заметил, как по старой привычке, углубившись в лес, он свернул в сторону Гнилого болота. Там всегда в прошлые годы попадались белки, а то и куницы. Слушая, не залает ли где Пушок, охотник тихонько шел по дорожке.

«Кажется, взвизгнул.— Сергей Иванович приостановился. — Сейчас залает.»

Но вместо лая вновь послышался такой же визг. Он пронесся по лесу отчаянным воплем, как бы мольбой о помощи.

Не помня себя, Сергей Иванович бросился на выручку другу.

Голос Пушка все удалялся. Видно, он удирал от нападавшего зверя, неистово лая и взвизгивая.

— Пушок, ко мне! — кричал Сергей Иванович, но голос совсем пропал.

От волнения он даже забыл, что в руках у него ружье. Выстрелить бы, может, и отпугнешь этим злодея. Но вместо этого охотник как безумный несясь через болото, хрипло маня к себе своего дружка.

«Жив, жив еще, лает! Может, успею!» — проносились в голове обрывки мыслей.

Вдруг Сергей Иванович зацепился ногой за корень и со всего маху полетел лицом прямо в кусты. Он упал и, не чувствуя боли, опять вскочил, хотел бежать, но голос Пушка умолк. Значит, конец.

Сергей Иванович дико оглядывался по сторонам. Кругом болото, кочки, чахлые, полумертвые сосенки. И здесь, где-то уже совсем недалеко, в последний раз взвизгнул Пушок.

Что это? Снова раздался визг и громкий лай.

Сергей Иванович рванулся вперед, но тут же остановился. «Постой, да ведь Пушок не только визжит, он лает, и, кажется, на одном месте. Значит, никто его не преследует, не душит, значит, он сам за кем-то гнался с визгом и лаем».

Сергей Иванович даже рассмеялся от радости: «Вот это здорово!»

Однако радость тут же сменилась досадой. Но кого же тогда преследовал пес? Конечно, лося. А на лосей охота запрещена. Сколько Сергей Иванович потерял времени, сил и трудов, чтобы отучить Пушка за ними гоняться, и вот непослушный пес опять принялся за свое. Наверное, за лето забыл всю науку.

— Ну погоди, я тебе припомню! — проворчал Сергей Иванович.

В глубине души он был рассержен не только поступком Пушка, сколько своей оплошностью: не разобрав в чем дело, бежал

куда-то, весь изодрался, весь в крови, а еще старый охотник! Успокоившись и отдышавшись, Сергей Иванович прислушался. «Так и есть, лает и взвизгивает на одном месте. Вон там, за болотом, на поляне. Значит, остановил лося и вертится возле него!— Сергей Иванович вынул из кармана перочинный ножик и срезал длинный прут.— Подожди, дружок, я тебя сейчас проучу. Живо у меня всю науку вспомнишь!»

Перейдя болото, Сергей Иванович выбрался наконец из густых зарослей на чистое место. Вот и поляна.

Еще издали заметил Пушка. «А где же лось? Никакого лося и нет. Злобно взвизгивая и лая до хрипоты, Пушок носился вокруг старого дуба.

Сергей Иванович глянул на дуб. На суку, растянувшись, лежала огромная дикая кошка — рысь.

Даже ружье затряслось в руках у охотника. Хочет раскрыть его, заложить другие патроны, с крупной дробью, а руки дрожат, не слушаются.

Как же теперь подойти, чтобы зверь не заметил? А то еще спрыгнет и удерет.

Сергей Иванович стал обходить так, чтобы зайти к рыси сзади. Нечаянно наступил на сучок. Тот громко хрустнул. Но рысь, следя за собакой, даже и не заметила, не обернулась.

Зато Пушок сразу глянул в сторону, приметил хозяина. И вот ведь какая умница — не стал больше носиться вокруг дерева, а сел прямо перед мордой зверя и давай лаять: «Смотри-ка, мол, на меня».

Сергей Иванович быстро подкрался. Теперь не уйдет, только стрелять нужно наверняка, чтобы сразу наповал. А то, если ранишь, упадет, с собакой сцепится, может когтями глаз вырвать.

Грохнул выстрел. С дерева упала огромная дикая кошка. С остервенением бросился на нее Пушок, вцепился в шею, начал трепать. Разом всю охотничью науку забыл.

Но Сергей Иванович не рассердился на старого друга — где тут сердиться? Сам подскочил к убитому зверю, еле поднял его.

Насилу успокоились оба — охотник и пес. Стали рассматривать редкостную добычу. И тут вдруг Сергей Иванович вспомнил о растерзанном зверем козленке. «Вот ведь кто, а совсем не волк разбойничал здесь в лесу!»

Сергей Иванович взвалил на плечи тяжелого зверя и направился прямо к дому.

— Молодец, Пушок! — ласково сказал он. — Выследил, брат, лесного разбойника. Теперь куда хошь без опаски ходить можно.

Следопыты

Воскресенье утром Миша с Володей отправились в лес на охоту. Правда, ружей у ребят не было, но приятели утешали себя тем, что охотнику-следопыту совсем неважно застрелить дичь. Главное — уметь выследить зверя или птицу.

Скользя на лыжах по хрустящей ледяной корке, ребята выбрались за околицу и побежали по гладкому, укрытому снегом полю. Впереди в синей морозной дымке виднелся лес.

Мальчики свернули на первую попавшуюся тропу и пошли по ней.

— Сколько осинок обглодано! — сказал Володя. — Это все зайцы ночью объели. А теперь зарылись где-нибудь в снег и спят.

— Пойдем по следу, — предложил Миша, — может, выследим.
— Давай попробуем.

И ребята, найдя свежий заячий след, отправились по нему.

— А погляди, как у зайца забавно получается, — сказал Володя, — спереди два больших отпечатка от задних лап, а от передних, наоборот, сзади. Ты знаешь, почему так?

— Конечно, знаю, — ответил Миша. — Когда заяц прыгает, он заносит вперед задние лапы, а передние остаются между ними и немного сзади.

Следы вывели в мелкий смешанный лес. Потом косою пробежал по опушке, спустился в лесной овраг, перебрался на противоположную сторону. Там зверек начал делать между кустами, между деревьями замысловатые петли.

— Следы путает, — тихо сказал Володя. — Скоро, наверное, на лежку отправится.

Прошло не менее получаса, пока ребятам с большим трудом удалось наконец разобраться в сложном лабиринте заячьих петель. Дальше след опять пошел ровно, пересек лесную вырубку и вновь запетлял в мелколесье.

— Давай-ка не будем разбираться во всей этой путанице, — предложил Миша, — лучше сделаем по лесу широкий круг — может, сразу наткнемся на выходной след.

Попробовали и наткнулись.

— Молодец, ловко придумал! — похвалил Володя.

Но Миша, улынувшись, сознался: это не его выдумка. Он слышал, что так поступают охотники.

Прятели вновь пошли очень осторожно, чтобы раньше времени не спугнуть спящего где-то неподалеку зверька.

И вдруг след совсем оборвался. Что же это значит? Куда он девался?

— А посмотри, Володя, след, по которому мы сейчас шли, какой чудной: и не разберешь, где передние, где задние лапы, — удивился Миша. — Не пойму, куда он ведет? Одни следочки будто вперед, а другие — в обратную сторону.

Оба мальчика стали внимательно разглядывать на снегу отпечатки заячьих лап.

— Эх мы, разини! — неожиданно хлопнул себя по лбу Володя. — Это же заячья уловка! А мы и забыли.

— Какая уловка?

— Да сам же ты говоришь: одни следы вперед, а другие назад ведут. Значит, заяц сперва вперед бежал, а потом повернул и своими же собственными следами обратно...

— Где же его теперь искать? — растерялся Миша.

— Придется назад идти и глядеть, куда он со своего следа в сторону прыгнул. Охотники говорят: сметку сделал.

Ребята пошли по следу в обратную сторону. Отошли метров двести и тут заметили, что двойной след кончился. Огляделись по сторонам. Вон под кустом снег в одном месте слегка примят. Подошли ближе. На снегу — отпечатки заячьих лап.

— Ишь куда прыгнул! — удивился Миша.

Метра через два еще отпечатки — второй прыжок, за ним — третий. А дальше след пошел непрерывно.

Идя по следу, ребята добрались до новых петель и новой сметки. И снова распутали след.

— Ну и напутал! — покачал головой Володя. — Должно быть,

старый, опытный. Нужно потише идти, наверное, он где-нибудь недалеко лежку устроил: выкопал ямку в снегу, дремлет в ней, а сам прислушивается, не крадется ли кто к нему...

Володя не договорил и, запнувшись на полуслове, начал внимательно вглядываться в заросли кустов.

— Кто там?— шепнул Миша, тоже присматриваясь.

Впереди на снегу, куда уходил заячий след, копошилось что-то живое, но что именно, ребята сквозь ветки не могли разглядеть. Крадучись, мальчики стали подходить ближе, выглянули из-за кустов.

Заметив их, непонятное существо сразу встрепенулось и заметалось на одном месте.

Ребята со всех ног бросились к добыче. Это был заяц-беляк. Он кидался в разные стороны, но почему-то не убегал из кустов.

— Запутался!— крикнул Володя, подбегая к зверьку и хватая его.

Заяц отчаянно забился и жалобно закричал. Но Володя уже держал его в руках.

— Вот и выследили! Ура!— торжествуя крикнул он.

— Да он за какую-то проволоку зацепился!— удивленно сказал Миша.

Он взял в руки тонкую проволочку, запутавшую зверька. Другой конец ее был крепко привязан к молодой березке.

— Это петля,— догадался Миша.— Смотри, прямо на заячьей тропе поставлена. Он в нее и попал.

Миша осторожно высвободил зверька из проволочной петли.

— Вот удача-то!— радовался Володя.— Бежим домой, скажем — сами поймали.

— То есть как — поймали?— не понял Миша.

— Да хоть в кустах. Он, мол, среди веток застрял, а мы сразу — цап-царап, и готово!

— А поверят?

— Конечно, поверят. Откуда же мы его могли взять?

— Ну ладно,— нерешительно согласился Миша и, помолчав, добавил: — Только как-то это нехорошо выходит: кто-то старался, ловил, а мы у него стащили.

— А ты знаешь, друг,— с жаром воскликнул Володя,— за такую ловлю по головке не гладят! Помнишь, что говорил Иван Михайлович: «Ловить силками зайцев и всякую дичь у нас строго воспрещено».

— Постой,— перебил его Миша,— что же тогда получается? Значит, выходит, и мы в этом деле участие принимали, да еще сами у вора добычу ворует. Разве так охотники поступают?

Володя сразу притих.

— Неужели же выпустить?— нерешительно сказал он.— Уж очень жалко.

— Мне и самому жалко,— сознался Миша.— А знаешь что? Давай его отнесем к нам в школу, покажем ребятам, а потом и выпустим.

— Тогда и носить не стоит, — с досадой возразил Володя. — Что ж показывать? У нас в живом уголке такой же есть, все видели. Только мучить зря.

— Это верно, — согласился Миша. — Да еще подумают: сами петлей и поймали, чтобы похвастаться.

Володя даже вспыхнул от этих слов.

— Кто ж это посмеет думать? — запальчиво воскликнул он. — Нечего зря таскать, выпускаю.

Он быстро наклонился и разжал руки.

— Постой, постой! — закричал Миша, пытаясь перехватить зверька, да уж поздно: заяц метнулся в сторону и в два прыжка исчез в кустах.

— Что ж ты наделал! — охнул Миша. — Выпустил! Теперь нам никто и не поверит, что мы его из силка вынули.

— Нет, поверят, — уверенно ответил Володя. — А вот про то, что мы его в кустах руками поймали, пожалуй, и не поверили бы.

Наутро в школе Володя и Миша рассказали обо всем своему учителю и показали снятую с березки петлю.

— Молодцы, — похвалил Иван Михайлович ребят, — так и должны поступать настоящие следопыты.

Лесные переселенцы

С утра было холодно, накрапывал дождь. Но после обеда тучи вдруг разошлись, выглянуло солнце, и опять стало совсем тепло.

Сережа забрал поскорее удочки, банку с червями и побежал к своему приятелю Вите звать его на рыбную ловлю.

С Витей они встретились по дороге. Тот бежал с удочками к Сереже.

— Вот это здорово! — обрадовались оба. — У нас все согласованно. Чтоб без промедлений!

И мальчики весело направились за деревню к реке.

Твердая, будто укатанная, дорожка юркнула в густые заросли ивняка. Ребята не без труда пробрались сквозь цепкие ветви на берег.

Река раскинулась перед ними широкая, полноводная.

— Смотри, Витя, вода совсем синяя, — сказал Сережа. — Это всегда так бывает к осени.

Витя тоже взглянул на синюю реку, на первые желтые листья, плывущие возле берега, и хмуро ответил:

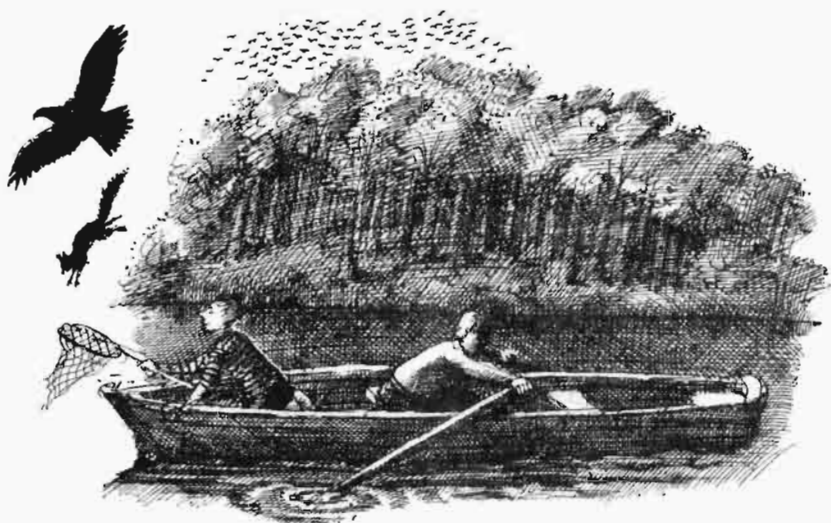
— Да, лето прошло. Прощай теперь купание, рыбалка...

Мальчики слазили под большой ивовый куст, достали оттуда два самодельных весла, отвязали стоявшую под ракитой плоскодонную лодку и поплыли вверх по реке к заветному местечку под

крутояром. Это место было им хорошо знакомо. Там брались крупные окуни, а иной раз попадали подлещики.

Добравшись до крутояра, рыболовы опустили на дно вместо якоря тяжелый камень на веревке. Лодка сразу остановилась, слегка покачиваясь от медленного течения воды.

Пока Витя не спеша развязывал свои снасти и надевал на крючки насадку, Сережа уже закинул две удочки.

— Да не копайся же ты! — нетерпеливо сказал он приятелю.

Наконец и Витя тоже все наладил, закинул удочки, и оба, усевшись поудобнее, стали ждать поклевки.

Не упуская из виду своих поплавков, ребята в то же время поглядывали по сторонам на широкий, уже по-осеннему хрустально чистый простор реки. Ее левый берег, который подмывала вода, был крутой, облесенный. Старые разлатые березы и сосны точно спускались по глинистому откосу к реке. Они хватались за выступы берега крючковатыми обнажившимися корнями. Тут же, на рыхлых глинистых оползнях, примостились какие-то кусты. Все было еще зеленое, и только вдаль, на самой излучине, будто огонь костра в безветренный день, ярко краснел одинокий куст рябины — первый вестник наступающей осени.

На правом луговом берегу близость осени чувствовалась еще сильнее. Высокая густая трава давно была уже скошена и сметана в стога. Они темнели на гладком, ровном лугу и словно манили ребят забраться на самый верх и скатиться с этой зеленой горки из трав и цветов, от которых так славно пахнет горячим, но уже уходящим летом.

— Гляди, что это: облачно или дымок? Вон, вон, над стогами!— сказал Сережа.— И так быстро движется!

— Вижу,— кивнул головой Витя.

Оба смотрели на странное облачко, которое несло над самой землей, все увеличиваясь и приближаясь.

— Это птицы! Стая птиц!— первый разглядел Витя.— Ой, сколько их! Сюда летят.

Птицы действительно летели к реке. Их было очень много, несколько сотен небольших темных птиц. Они летели одной плотной стаей, чуть не касаясь друг друга.

Подлетев к самой реке, вся стая, будто по команде, круто развернулась, потом сделала в воздухе еще один разворот и со страшным шумом, гамом облепила прибрежные кусты и деревья. Щелканье, свист, трескотня наполнили воздух.

— Скворцы! Скворцы!— обрадовались ребята.— В стаю сбившись, собираются улетать на юг.

— А вот и еще один путешественник,— улыбнулся Сережа, поймав рукой летевшую в воздухе тонкую нить паутины; на конце ее сидел крохотный паучок.

Сережа приподнял руку.

Набравший ветерок сорвал с его пальцев легкую паутинку, и она вновь полетела куда-то вдаль, через речку, к разросшимся на берегу ивовым кустам. Там, верно, и задержалась, прицепившись к ветвям.

— Так молодые паучки осенью и расселяются из гнезда,— сказал Сережа.— Мне об этом папа рассказывал. Очень занятно у них получается. Выберется паучок куда-нибудь на верхушку стебля и выпустит из себя паутинку. Ветер подхватит ее, понесет далеко-далеко, а паучок на ней и полетит, как на парашюте. Где на землю опустится, там и зимовать будет.

— Это ловко,— одобрил Витя.— Смотри, сколько паутины над рекой летит. Значит, все паучки путешествуют?

— Конечно,— ответил Сережа.

— А что это там плывет?— вдруг спросил Витя, указывая на какие-то темные точки, которые плыли по реке, постепенно приближаясь к лодке.

— Наверное, листья или сучки,— ответил Сережа.— Гляди, у тебя клюет!

Витя вытащил хорошего окуня. Он сорвался с крючка уже в лодке, начал прыгать по дну, и ребята его чуть не упустили.

Посадив рыбу в ведро и взглянув снова на речку, мальчики едва не вскрикнули от изумления: то, что они издали приняли за плывущие сухие листья, в действительности были какие-то зверьки. Они старались переплыть реку с лесного берега на луговую, но сильное течение сбивало их и несло вниз по реке.

Зверьков было очень много. Всюду из воды высывались темные головки и, будто веточки, торчали намокшие длинные хвосты.

— Белки,— тихо сказал Витя, когда течение поднесло неко-

торых зверьков поближе к лодке.— Кто же их в речку загнал?
— Верно, в другие леса перебираются, где еды побольше,— так же тихо ответил Сережа, не спуская глаз с плывущих зверьков.

— Смотри, выплыть не может!— вдруг вскрикнул Витя.— Сейчас утонет! И другая тоже! Уже захлебывается!

— Давай помогать! Перевезем их через речку,— мигом решил Сережа.

— Давай!

Ребята подняли со дна груз, и лодка медленно поплыла по течению.

Витя тут же взялся за весла и стал грести, а Сережа, стоя на носу, ловко подхватывал сачком плывущих белок и сажал их в лодку. Измокшие, обессиленные зверьки даже не пытались выскочить из нее.

— Высадим этих на берег, а то уж и места нет,— весело сказал Сережа.— Ишь как сбились! Сейчас в воду попададут.

Витя причалил лодку кормой к берегу. Белки мигом выскочили из нее и побежали по скошенному лугу прочь от реки.

— Наверное, в те леса,— указал Сережа на синевшие вдаль вершины.— Далеко им бежать, километров десять, не меньше.

— Да, нелегкое путешествие,— ответил Витя, и мальчики вновь начали помогать зверькам переправляться через глубокую реку.

Ребята трудились больше часа, а зверьков в реке все не убавлялось. Казалось, все белки, живущие в лесах на левом берегу решили вдруг переселиться на правый и бежать по нему за десятки километров искать какие-то другие леса, богатые шишками, орехами и желудями.

Наконец маленькие переселенцы закончили свою опасную переправу, и река опустела.

Мальчики облегченно вздохнули, разминая усталые руки.

— Вот это была работа!— весело сказал Сережа.

— Да, повозились здорово. Зато сколько мы их спасли!— ответил Витя.— А почему они знают, что в тех лесах за рекой больше еды?

— Откуда ж им это знать?— ответил Сережа.— Так, бегут наудачу. Ну, поплывем домой. Хорошо, что теперь по течению плыть.

Витя снова взялся за весла.

— Постой, еще одна,— вдруг сказал он, заметив плывущую белку.— Подберем ее.

Однако не успел Витя даже повернуть лодку, как большой коршун, кружившийся над рекой, камнем упал в воду и тяжело поднялся, держа в когтях схваченного зверька.

В тот же миг ребята так завопили, что даже сидевшие на кустах скворцы разом сорвались с мест и полетели прочь от реки.

Перепуганный этим воплем, коршун метнулся в сторону, выронил добычу и поспешно убрался подальше от речки в лес.

Но зверек, видно, все-таки пострадал от когтей хищника. Упав в воду, он снова пустился вплавь, однако плыл уже тяжело.

— Не успеем, утонет,— задыхаясь от волнения, шептал Сережа.

Он стоял на носу лодки с сачком в руках, готовый, кажется, сам броситься в воду на помощь зверьку.

Витя, стиснув зубы, греб изо всех сил.

— Скорей, скорей!— повторял Сережа.— Опоздаем!

И когда ребята были уже в дух шагах, последние силы оставили зверька, и он, отчаянно зашлепав лапками, исчез под водой.

Легкий кружок разошелся на том самом месте, где только что плыл маленький лесной путешественник.

— Утонул!— вскрикнул Сережа, наугад черпая сачком.— Вот он! Поймал!— тут же не своим голосом завопил он.

Витя бросил весла и мигом повернулся к товарищу.

В подсачке у Сережи слабо шевелилось что-то живое.

Мальчики бережно вынули измокшего, совсем ослабевшего зверька.

Сережа снял с себя куртку, постелил её на корму и положил спасенную белку.

К радости ребят, зверек очень скоро оправился от неудачного купания. Он привстал, отряхнулся, потом уселся поудобнее на корточки и начал передними лапками отжимать воду со своей вымокшей шкурки и с длинного, слипшегося хвоста.

Белка отряхивалась и приводила себя в порядок, вовсе не обращая внимания на ребят.

— Повезем-ка ее домой,— сказал Витя,— а то ведь она здорово измучилась, да и от других белок отстала. Где она их теперь ночью найдет?

— Ну что ж,— согласился Сережа.

И мальчики поплыли домой.

Начало быстро темнеть. Над водой закурился туман. Вверху, над головами ребят, уже зажглись звезды; не те, что еле мерцают в душные летние ночи, но по-осеннему острые и лучистые, как морозные иглы в поблекшей траве.

Было уже темно, когда Сережа и Витя приплыли в деревню.

Дома они посадили белку в клетку. За ночь она совсем отдохнула. А наутро ребята отнесли зверька в заречный лес и выпустили на волю.

Он поднялся со дна моря

Наша экспедиция обследовала на моторном боте побережье нового моря. Это море создали советские люди, преградив Волгу под городом Рыбинском гигантской плотиной.

Воды могучей реки разлились на десятки километров, затопили луга, леса и болота. На месте прежней земли заплескалось новое безбрежное море. А с северо-запада к нему

подступили вплотную такие же безбрежные просторы северных таежных лесов. Часть их залила вода.

Угрюмы, неприветливы эти места. Повсюду у берегов торчат из воды голые вершины затопленных деревьев; местами темнеют плавучие острова — торфяники. Огромные площади торфа всплыли со дна. Некоторые из островов уже поросли осокой.

Но такой угрюмой, безжизненной эта местность кажется только на первый взгляд. Приглядитесь получше и вы увидите, что здесь всюду кипит жизнь. Затопленные леса — чудесные убежища для водоплавающих птиц. Тут они находят себе отличный корм и надежное укрытие от врагов. А в воде среди затонувших кустов и деревьев плавают, кормятся стаи различных рыб. Птицы и рыбы обживают затопленные водою леса — нигде в мире не виданные «водные джунгли».

Вся эта местность — северо-западная часть побережья — объявлена государственным заповедником. Ее-то растительный и животный мир и обследовала наша экспедиция.

Однажды под вечер мы вместе с научным сотрудником заповедника Вячеславом Васильевичем отправились в лодке понаблюдать за жизнью затопленных лесов.

Погода была ясная, тихая, вода как зеркало.

Мы выплыли на открытый плес. Позади остались хмурые, залитые водою леса, а перед нами раскинулась безбрежная морская гладь. Только кое-где среди этих водных просторов темнели отдельные островки. К ним-то мы и направили наше суденышко.

Проплыли уже с километр. Неожиданно я увидел, что поверхность воды впереди нас начала как-то странно пузыриться. Вячеслав Васильевич тоже заметил это. Он сейчас же повернул лодку в сторону.

— Глядите, глядите!— взволнованно сказал он, указывая на воду.

Пузырей на ее поверхности с каждой минутой появлялось все больше и больше — вероятно, это выделялся со дна болотный газ. Но почему же его было так много именно в данном месте? Казалось, что вся поверхность воды на площади в несколько сотен квадратных метров постепенно вскипала; в других же, соседних, участках она была совершенно спокойна.

Зато в этом месте «кипение воды» все усиливалось, и вдруг... я не поверил своим глазам: из воды, как в сказке, показались верхушки всплывающих корявых сосенок. Их сучья были сплошь увешаны гирляндами зеленых водорослей. Еще секунда, и на том месте, где только что кипела вода, со дна моря поднялся новый торфяной островок.

Он весь был еще полужидкий, насквозь пропитанный влагой. Струи воды стекали по стволам сосенок; частые капли падали с увешанных водорослями ветвей; большие лужи разливались в ложбинах. Но удивительней всего было то, что поднявшийся островок принес с собою из глубины моря живую подводную жизнь: сотни, тысячи мелких и даже довольно крупных рыб бились, прыгали, трепыхались в лужах и на земле между деревьями. Даже в сучьях, в водорослях, будто в зеленых сетях, запутались отдельные рыбешки.

Из-за сизой вечерней тучки показалось солнце. Оно осветило гладь моря и этот новый только что появившийся на свет клочок земли. Зрелище было сказочное: весь островок, еще покрытый водою,— и зеленые водоросли на его деревцах, и частые капли, падавшие дождем с мокрых ветвей, и живое серебро скачущих, шевелящихся всюду рыб — все это вдруг заискрилось, засверкало.

А от берега и с других островов со всех сторон к новому островку, как по команде, слетались тысячи птиц: чаек, крачек, ворон, коршунов; даже огромные орланы пожаловали сюда за легкой поживой.

Птицы бросались на землю, хватали рыбу и уносили ее, а многие тут же на, островке, поедали свою добычу.

В воздухе стоял невероятный крик и писк.

— Вот вам рождение новой земли!— возбужденно сказал Вячеслав Васильевич.— Ну, где еще, кроме нашего моря, вы сможете это увидеть?

— Нигде,— уверенно ответил я.

Долго еще стояли мы в стороне и наблюдали за тем, как пируют птицы.

— А почему вы, когда увидели, что вода пузырится, сейчас же отплыли подальше от этого места?— спросил я.

— То есть как почему отплыл?— изумился Вячеслав Васильевич.— Да вы представляете, что бы случилось, если бы остров всплыл прямо под нами и мы вместе с лодкой очутились на нем? Мы бы погибли. Ведь по его поверхности ни ходить, ни плавать нельзя. Она как жидкое тесто. Ну, как бы мы с вами оттуда

выбрались? Я уж не в первый раз вижу такое зрелище. Но попасть туда,— он указал на островок,— ни за что на свете бы не хотел.

Уже начинало темнеть, когда мы наконец вернулись. Рассказав о том, что видели, мы поужинали и улеглись спать тут же, на палубе.

Наступила ночь, тихая, теплая. Все небо усыпали неяркие летние звезды. Море слегка поблескивало вдаль, и на фоне воды низкими темными силуэтами выделялись отдельные острова.

Несмотря на усталость, я долго не мог заснуть, все глядел вдаль, на воду, на едва видневшиеся острова, глядел и думал о том, что, может быть, там, в этой безбрежной водной пустыне, вот сейчас тоже рождается новый остров, и тысячи серебристых рыб скачут и прыгают на влажной земле, освещенные тусклым сиянием летних звезд.

Домик в лесу

Уже начинало смеркаться. Еле волоча от усталости ноги и отбиваясь от несметного количества комаров, я поднялся на возвышенность и огляделся. В полумгле уходящего дня всюду виднелся лес, и только очень далеко впереди из-за деревьев что-то синело — не то вода, не то дымка тумана над лесным болотом.

Куда же идти?

Местность была совсем незнакомая. А ведь карельская тайга — это не шутка. Можно пройти по ней десятки километров, не встретив ни души, забраться в такие лесные топи, что обратно и не выберешься. А я, как на грех, на этот раз не взял с собою ни еды, ни спичек и, главное, не захватил компаса. Вышел утром побродить немного за деревней по лесу, да сам и не заметил, как заблудился.

Я ругал себя за такую неосторожность, но что же теперь делать? Идти по тайге среди бурелома и страшных болотных топей, идти неизвестно куда или ночевать прямо в лесу, без огня, без еды, в этом комарином аду? Нет, ночевать здесь невозможно.

«Пойду, пока хватит сил,— решил я.— Пойду туда, где синее вода или туман. Может, там озеро и я выберусь к какому-нибудь жилью».

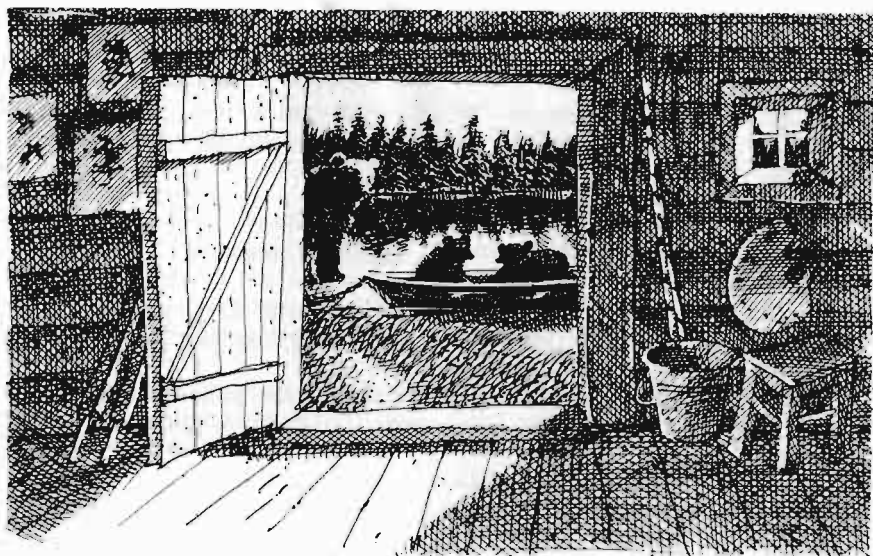
Вновь спустившись с возвышенности и стараясь не потерять взятого направления, я пошел вперед.

Кругом был сосновый заболоченный лес. Ноги тонули в толстом покрове мха, как в глубоком снегу, поминутно натывались то на кочки, то на остатки сгнивших деревьев. С каждой минутой становилось все темнее и темнее. Потянуло вечерней сыростью, сильнее запахло багульником и другими болотными травами. На-

двигалась глухая таежная ночь. Привычные звуки дня сменились таинственными шорохами ночи.

Я — старый охотник, не раз ночевал в лесу, а главное, со мною надежный спутник — ружье. Чего же бояться? Но, признаюсь, в этот раз мне становилось все более и более жутко. Одно дело — ночлег у костра, в знакомом лесу, другое — ночевка в глухой тайге, без огня, без еды... и это томящее чувство, что ты заблудился.

Я шел наугад, то спотыкаясь о корни, то вновь неслышно ступая по мягкому моховому покрову. Кругом было совсем тихо. Ни один звук не нарушал покоя бесконечных лесных просторов.

От этой мертвящей тишины становилось еще тоскливее и тревожнее. Казалось, кто-то страшный затаился в болотных топях и вот-вот выскочит из них с диким, зловещим криком.

Настораживаясь от малейшего шороха и держа наготове ружье, я вышел к окраине болота.

Неожиданно раздался громкий треск валежника. Я невольно вскинул ружье. Прочь от меня стремительно понесся кто-то большой, тяжелый. Было слышно, как под ним ломались сухие сучья.

Я перевел дух и опустил ружье. Да это же лось, безобидный гигант таежных лесов! Вот он уже мчитя где-то далеко, его еле слышно. И вновь все смолкает, погружается в тишину.

Я совсем потерял в темноте направление, по которому вначале шел. Потерял и всякую надежду куда-нибудь добраться. Шел с одной только мыслью: во что бы то ни стало выбраться из этой мрачной, заболоченной низины на какую-нибудь возвы-

шенность, а там лечь под дерево, укутать голову курткой от комаров и ждать рассвета.

От сильной усталости мне даже не хотелось есть. Только бы поскорее лечь, отдохнуть, никуда больше не идти и ни о чем не думать.

Но вот впереди что-то темнеет — должно быть, лесной холм. Собрав остаток сил, я взобрался на него и чуть не вскрикнул от радости. Внизу, за холмом, ярко светил огонек.

Забыв об усталости, я почти бегом спустился с холма и, пробравшись через колючие кусты можжевельника, вышел на поляну.

На краю ее под старыми соснами виднелся маленький домик — наверное, промысловая избушка или сторожка лесника. А перед домиком ярко горел костер. Как только я показался на поляне, от костра поднялась высокая фигура человека.

Я подошел к огню:

— Здравствуйте! Можно у вас переночевать?

— Конечно, можно,— ответил рослый человек в какой-то странной широкополой шляпе.

Он внимательно оглядел меня:

— Вы что — охотник, наверное?

— Да, охотник из Заонежья. Заблудился немного.— Я назвал свою деревню.

— Ого, и занесло же вас в такую даль! Это километров тридцать отсюда будет. Измучились? Хотите поесть? Сейчас уха и чай поспеют. Отдыхайте пока.

Я поблагодарил и совсем без сил опустился рядом с костром. В него было набросано много сосновых шишек, и их едкий дым разгонял комаров.

Вот когда я наконец вздохнул от всего сердца! До чего же хорош костер в лесу, когда доберешься до него после долгих, томительных скитаний... Сколько тепла и жизни в этих перебегающих золотых огоньках!.. А как уютно, хорошо бурлит, закипая, чайник, будто напевает песню об отдыхе после далекого трудного пути.

Мой новый знакомый отошел от костра и скрылся в домике.

Я огляделся кругом. Огонь мешал рассмотреть, что находится за поляной. С одной стороны, прямо за домиком, слабо виднелся лес, а с другой — поляна словно обрывалась куда-то в темноту, и оттуда слышался легкий монотонный плеск воды. Наверное, там было озеро или река.

Хозяин вышел из дома, неся деревянную миску, ложки и хлеб.

— Ну, давайте закусим,— пригласил он, наливая из котелка в миску дымящуюся уху.

Кажется, никогда в жизни не ел я такой чудесной ухи и не пил такого душистого чая с малиной.

— Кушайте, кушайте, не стесняйтесь, у нас этой ягоды пропасть по горям растет,— говорил мне хозяин, пододвигая кузовок, доверху наполненный крупными спелыми ягодами.— Здорово вам

подвезло, что сюда забрели, а то могли бы в этих лесах проплутать. Вы что же, не здешний, верно?

Я рассказал, что приехал сюда на лето из Москвы.

— А вы здешний? Это ваш домик?— в свою очередь спросил я у него.

— Нет, я тоже из Москвы. Я художник, зовут меня Павел Сергеевич,— представился мой собеседник.— Вот уж никак не думал здесь, в тайге, москвича встретить!— засмеялся он.— Я-то в Карелии не первый год, третье лето провожу. Так мне, знаете, этот край по душе пришелся, будто век тут прожил. У меня в Петрозаводске и лодка своя есть. Как приезжаю из Москвы, сейчас все пожитки в лодку — и плыву. Сперва по озеру, а потом по этому заливу. Он ведь прямо в Онегу выходит. Первый раз я случайно сюда заплыл. У меня палатка с собой была, в ней и жил. А потом на эту хижину наткнулся и обосновался в ней.

— Что же это за хижина?

— Кто ее знает! Верно, когда-нибудь лесная сторожка была или рыбацья избушка. Только никто здесь не бывает. Может, охотники зимой заходят. А вот летом я здесь живу, пишу этюды да рыбку ловлю.

— А вы не охотник?— спросил я его.

— Нет, не охотник,— ответил Павел Сергеевич.— Я, наоборот, стараюсь всякую живность сюда приманить. И чур, первое условие: возле этого домика не стрелять, а то сразу поссоримся.

— Что вы, зачем же я буду здесь стрелять! Лес велик, места хватит.

— Ну, значит, так и договорились. А теперь идемте спать,— пригласил меня хозяин.

Мы вошли в дом. Павел Сергеевич засветил электрический фонарь и направил его в угол. Там я увидел широкие нары, завешенные пологом от комаров.

Мы забрались под полог, разделись и улеглись на мягкой постели из толстого слоя мха, укрытого чистой простыней. Подушки были тоже набиты мхом. От этой постели и от всей хижины удивительно хорошо пахло лесной свежестью. Окно и дверь были открыты настежь. Под пологом было прохладно и совсем не кусали комары. С зловещим завыванием носились они вокруг нас, но достать никак не могли, сколько ни пытались.

— Посмотрите-ка, что делается,— сказал Павел Сергеевич, вновь зажигая фонарь и направляя его на полог.

Я взглянул на освещенный круг прозрачной материи, и мне сделалось жутко: вся она казалась живой от сплошной массы облепивших ее снаружи комаров. «Без полога за ночь нас совсем бы съели. Какое счастье, что я набрел на эту лесную избушку!»

— Ну, а теперь послушаем, что говорит Москва, да и спать,— сказал Павел Сергеевич, доставая из угла полога маленький детекторный приемник и наушники.

— Как, у вас и радио есть?— удивился я.

— А то как же! Газет здесь нет — надо же знать, что на

свете делается. Да и хорошую музыку неплохо послушать. Как-то на днях Чайковского передавали, концерт для скрипки. Я положил наушники рядом на подушку и весь вечер слушал. Чудесно! Вы только представьте себе: кругом тайга, сосны шумят, озеро плещется — и тут же скрипка поет... Знаете, слушаю, и кажется мне, что это вовсе не скрипка, а ветер — сама тайга поет... Так хорошо — всю ночь бы, не отрываясь, слушал! — Павел Сергеевич достал папиросу и закурил. — А на будущий год обязательно привезу сюда маленькую динамку, установлю на потолке и проведу себе в домик электричество. Тогда и осенью здесь подольше оставаться можно, до самого ледостава. Буду писать тайгу в осеннем уборе.

Павел Сергеевич настроил радио и положил наушники между нами на подушку. Слышно было прекрасно, но я так устал, что ничего уже не мог слушать. Я повернулся к стене и заснул как убитый.

Проснулся я оттого, что кто-то легонько тряс меня за плечо.

— Привстаньте потише, — шептал Павел Сергеевич. — Поглядите на моих гостей.

Край полога был приподнят, и я выглянул из-за него.

Уже совсем рассвело. В раскрытую настежь дверь была видна полянка и за ней неширокий лесной затон. У самого берега покачивалась привязанная лодка.

Но что это? На берегу возле лодки, как у себя дома, разгуливала семья медведей: медведица и два уже подросших медвежонка. Они что-то подбирали с земли и ели.

Я смотрел на них, боясь шевельнуться, боясь неосторожным движением спугнуть этих чутких лесных зверей, так доверчиво подошедших к самому жилью человека.

А медведи все продолжали свой утренний завтрак. Потом, видимо наевшись, медвежата начали возню. Они кувыркались и боролись друг с другом. Вдруг один из медвежат подбежал к берегу и мигом залез в лодку. Второй сейчас же последовал его примеру. Медвежата поместились в лодке и принялись ее раскачивать. А старая медведица уселась тут же на бережок и следила за детворой.

Медвежата и в лодке затеяли борьбу. Они возились до тех пор, пока не свалились в воду. Фыркая и отряхиваясь, оба выскочили на берег и продолжали свою игру.

Не знаю, сколько времени длилось это необычайное зрелище — может, час, а может, и больше. Наконец медвежья семья убралась обратно в лес.

— Ну что, поглядели на моих гостей? Хороши? — весело спросил Павел Сергеевич.

— Очень хороши. Неужели они не первый раз сюда приходят?

— Нет, очень часто, почти каждое утро. Я как сварю уху, бульон отцēju, а всю вываренную рыбу на бережку оставляю. Это им угощение. Первый раз медведица еще в начале лета ко мне в гости пришла — видно, рыбу учуяла. С тех пор и наве-

щает. Я и медвежат рыбой в лодку заманил. Начал туда класть, вот они лазить и повадились. А какие зарисовки я с этого медвежьего семейства сделал! Хотите поглядеть?

Я с радостью согласился.

Мы быстро оделись и выбрались из-под полога.

Домик состоял из одной комнаты. Под окном находился чисто выструганный стол, заваленный кусками холста, кистями, красками и разными рыболовными принадлежностями. В углу виднелись удочки, спиннинг, подсачек. Вообще сразу чувствовалось, что в этом доме живет рыболов и художник.

— Ну, вот плоды моих трудов, — шутливо сказал Павел Сергеевич, подходя к столу, и начал показывать мне свою работу. Это были небольшие, незаконченные наброски.

Павел Сергеевич осторожно, с любовью брал их один за другим и ставил к стене. И передо мной начала раскрываться жизнь лесных обитателей карельской тайги. Тут были и знакомые мне медвежата на залитой солнцем полянке, и лосиха с лосенком, бродившие по моховому болоту, и лисье семейство у своей норы, и зайцы, и множество различных птиц — тетерева, глухари, рябчики... Звери и птицы как живые, то, чутко насторожившись, глядели на меня, то мирно разгуливали среди зеленых кустов.

А какие чудесные уголки природы! Вот горный поток несутся среди серых гранитных скал и вдруг разливается в небольшой водоем...

— Здесь я форелей всегда ловлю, — говорит Павел Сергеевич. — А это Онежское озеро, когда выплываешь из залива. — И он показывает небольшой этюд: вода, солнце, лесистые берега, и у самого берега возле камышей две гагары.

Как все это живо и как знакомо! Словно сам бродил по глухой тайге, а потом выбрался на широкий водный простор Онеги.

Я пересмотрел все этюды. Каждый из них был хорош по-своему, и в каждом было что-то новое, свое, а главное, чувствовалась душа самого художника, горячо любящего этот суровый лесной край.

— Очень, очень хорошо! — сказал я, когда мы пересмотрели все. — Счастливцев, вам можно и не охотиться. Повезете домой такие трофеи, которые нам, охотникам, и не снятся.

Павел Сергеевич улыбнулся:

— Да, карандаш и кисть мне вполне заменяют ружье. И, кажется, ни я, ни дичь от этого не в убытке.

Мы вышли из домика. Было утро. Солнце только еще поднялось, и легкий ночной туман розовым облаком плыл над тайгой.

Разведя костер, мы напились чаю, и Павел Сергеевич подробно объяснил мне обратную дорогу к дому.

— Приходите еще! — сказал он на прощание, когда я уже поднимался на холм.

Я обернулся. Весь домик был виден как на ладони, а перед ним — полянка, залив и дальше лес, лес до самого горизонта.

— Обязательно приду! — ответил я и спустился с холма в лесную чашу.

Старый блиндаж

Пошел я как-то весной в лес. В эту пору побывать в нем особенно интересно: у птиц и зверей появляются на свет детеныши.

Хорошо, например, разыскать где-нибудь в чаще ветвей гнездо дикой птицы и понаблюдать за тем, как заботливая мать кормит своих птенцов. Еще интереснее последить за лесными четвероногими малышами — зайчатами или лисятами. Но зато и отыскать их совсем нелегко.

Все утро бродил я в лесу. Где только ни побывал: и в ельнике, и в молодом березнячке. Измучился. «Ну, — думаю, — теперь отдохну немного, а потом — домой».

Вышел я на полянку. Вот где благодать-то!

Вся поляна в цветах. Каких-каких только нет: красные, желтые, голубые... Словно разноцветные бабочки расселись и греются в ярких лучах весеннего солнца.

Люблю я лесные цветы — не рвать, а лечь среди них и рассматривать каждый цветок. Вот большие, глазастые ромашки — «любишь — не любишь». Они весело растопырили белые лепестки, точно глядят вам прямо в лицо. А розовый клевер совсем иной: он так и прячет в густой траве свою круглую стриженую головку. И тут же склонились, будто о чем-то задумались, большие ли-

ловые колокольчики. Помню, в детстве старушка няня мне говорила о них: «Как поспеет трава в лесу, наступит время ее косить, тут лесной колокольчик и зазвенит и подаст свой голосок: берите, мол, косы, идите скорее в леса, в луга, запасайте на зиму душистое, свежее сено».

Вспомнились мне эти нянины сказки, и захотелось, как в детстве, спрятаться в траву, затаиться в ней, чтобы слушать звенящую тишину летнего полдня.

Я пошел через поляну — укрыться в тени под старыми березами — и неожиданно на самом краю, среди кустов, увидел что-то темное, похожее на вход в пещеру. Сверху его покрывали толстые, обросшие мохом бревна. Многие из них уже сгнили и провалились внутрь.

«Да это же старый блиндаж!» Я подошел поближе и заглянул внутрь. Оттуда тянуло сыростью, запахом плесени.

Невольно вспомнились страшные годы войны, когда людям приходилось рыть эти мрачные земляные убежища.

Я отошел в тень под березы, улегся в траву и еще раз взглянул на разрушенный старый блиндаж.

Вдруг мне почудилось, что внутри него кто-то зашевелился. Я вздрогнул: «Кто это?»

Из-под обломков бревен показалась полосатая мордочка барсука. Зверек долго осматривался по сторонам, принюхивался. Но легкий ветерок дул от него ко мне, и потому чуткий зверь не обнаружил моего присутствия.

Убедившись наконец, что поблизости нет никакой опасности, барсук вылез из-под бревна и суетливо забегал по полянке, словно отыскивая что-то. Потом он вновь исчез в блиндаже.

«Странно! — подумал я. — Барсук — ночной зверек. Ночью он бродит по лесу, а днем спит в норе. Зачем же теперь он вылезал из своего убежища?»

И будто отвечая на мой вопрос, из блиндажа опять показался тот же зверек. В зубах он что-то тащил.

Я пригляделся, стараясь рассмотреть его ношу. Да ведь это молодой барсучонок!

Вытащив детеныша из-под бревна, барсук положил малыша у входа, а сам торопливо вернулся в блиндаж и сейчас же вновь выбежал оттуда со вторым барсучонком. Так он вынес на солнышко четырех барсучат. Они были маленькие и очень толстые, как дворовые кутята.

Я крайне удивился, глядя на такой поздний выводок; обычно барсучата рождаются ранней весной.

Молодые барсучки, неуклюже переваливаясь, бродили на своих коротеньких ножках по полянке. А старый барсук (очевидно, их мать) зорко наблюдал за детворой. Стоило только кому-нибудь из малышей отойти немного подальше от других, как барсучиха подбегала к нему, осторожно брала зубами за шкурку и тащила назад.

Погуляв на солнышке, барсучата один за другим подобра-

лись к матери и начали толкать ее своими черными носиками под живот.

Тогда старая барсучиха разлеглась на боку, а барсучки, как поросята, улеглись возле нее и стали сосать молоко.

Мне было не очень удобно наблюдать зверьков из густой травы. Я приподнялся, нечаянно хрустнул сучком и этим испортил всё дело.

Барсучиха вскочила, и не успел я опомниться, как она мордой и передними лапами в один миг затолкала всех четырех детенышей обратно под бревна. Сунула и следом исчезла там же сама.

И поляна вновь опустела, будто на ней никого и не было. Только большая нарядная бабочка махаон не торопясь перелетала с цветка на цветок.

Я выбрался из-под берез, размял затекшие ноги и еще раз взглянул на старый блиндаж. Но теперь он мне уже не казался угрюмым и мрачным. Да теперь это вовсе и не блиндаж, а просто барсучья нора, где спокойно живет семейство лесных зверей.

И глазастые ромашки тоже забрались на самый верх, на сгнившие бревна, и глядят на меня, как глядели когда-то в детстве; и лиловые колокольчики столпились у самого входа, качают головками, будто тихонько звенят о том, что уже наступает пора выходить на луг, косить густую, пахучую траву, а вечером зажигать костры, смеяться и петь веселые песни.

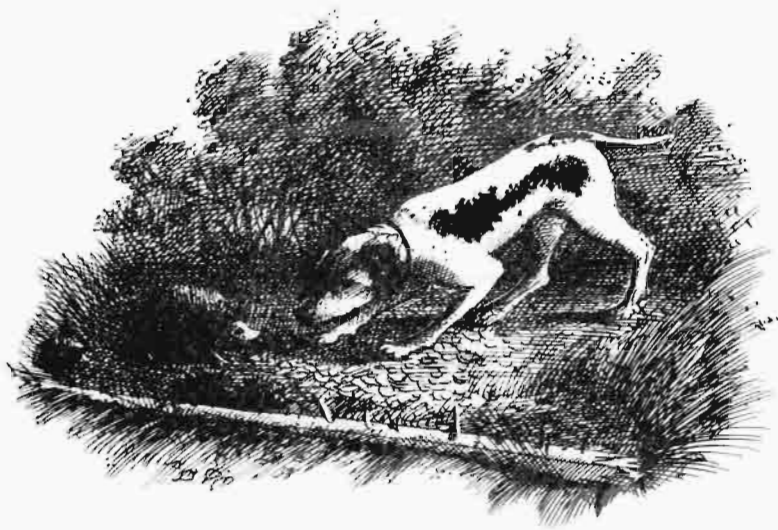
Я огляделся кругом, и на душе у меня стало так хорошо, так радостно! В каждой цветке, расцветшем на сгнивших бревнах, в каждой зеленой ветке чувствовалось столько свежести и молодой, здоровой силы... Они тянулись к солнцу, они хотели жить и всем своим видом твердили о торжестве жизни, которая сможет выдержать самые тяжелые испытания, выдержать и победить.

Мать

В начале августа на рассвете мы с Джеком пошли на охоту. Выбрались на знакомую лесную поляну. В этот ранний час она походила на широкую тихую заводь. По ней струились волны тумана. Они поднимались и уходили вдаль, в зеленоватый простор предутреннего неба. И в этом просторе далеким крохотным парусом белел и таял заходящий месяц.

Мы присели на краю поляны и стали ждать, когда совсем рассветет и можно будет идти разыскивать тетеревов.

По зорям эти дикие лесные куры обычно выходили на поляны и кормились ягодами брусники. Заслышав нас, они убегали в кусты и затаивались среди высокой травы и прошлогодних листьев.

Но Джек все-таки отыскивал их по следам и, подкравшись, замирал на месте — делал стойку. Он стоял неподвижно, чуть вздрагивая от нетерпения, и ожидал только моего приказания, чтобы броситься и вспугнуть затаившуюся дичь.

Я командовал: «Вперед!» — Джек бросился, и тяжелые птицы с шумом вылетали из своей засады.

Я стрелял. Если птица падала, Джек опрометью кидался ее поднимать и с торжеством подавал мне. Если же я промахивался, он долго смотрел вслед улетевшей дичи, а потом оборачивался ко мне с таким укоризненным видом, словно хотел сказать: «Эх, брат, оплошал ты!»

И мы шли дальше.

В это утро, только мы подошли к кустам, Джек остановился и замер на стойке — почуял дичь. Я скомандовал: «Вперед!» Джек бросился в кусты, но оттуда никто не вылетел, а только послышался какой-то странный писк. Я даже не понял, кто это так кричит — зверь или птица.

В недоумении раздвинул кусты и увидел необыкновенное зрелище: Джек, виляя хвостом, раскапывал носом кучу прошлогодних листьев, а вокруг его морды бегал и угрожающе пищал большой старый еж.

Что это значит? Я еще никогда в жизни не слышал, чтобы еж пищал. И почему он не свертывается в клубок, а бросается прямо на собаку, норовит ее укусить?

Я нагнулся к Джеку и тут только разглядел и понял, в чем дело. В развороченных сухих листьях копошились три крохотных, почти совсем голых ежонка. Так это мать-ежиха защищала своих детей!

Джек покосился на ежиху, потом на меня, будто спрашивая: «Чего она так кричит? Я ведь и не думаю их кусать».

— И молодец, что не тронул,— похвалил я.— Не стоит с ними и связываться. Идем-ка лучше тетеревов искать.

Джек, видимо, согласился. Он весело замахал хвостом и побежал прочь.

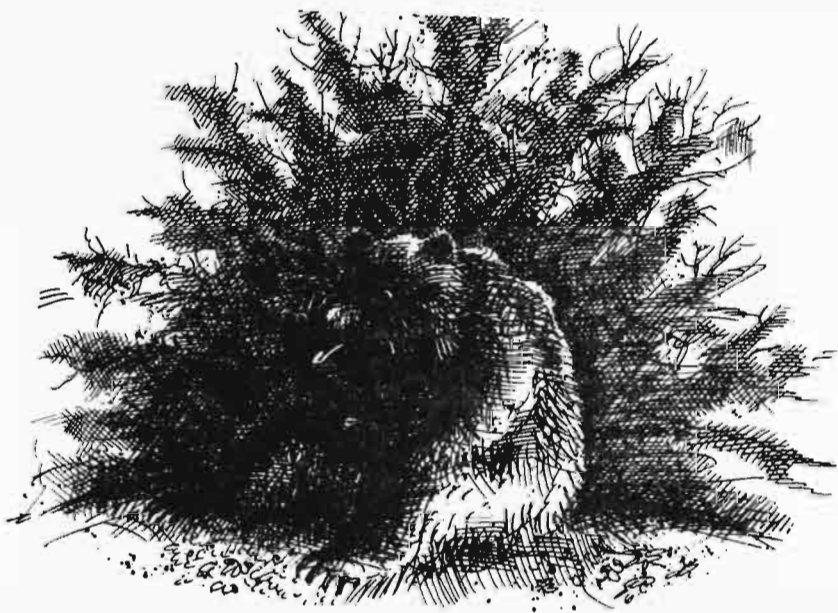
Добро пожаловать!

Дед Семен был старый охотник, много побил на своем веку разной птицы и зверя, хаживал он и на медведя, только давно это было, а вот теперь постарел, стал любить охоту, какая поспокойнее. Больше всего пришлось ему по душе охота с манком за рябчиками. Для такой охоты самое время — конец сентября.

Хорошая это пора. Лес весь разукрашен в желтые, красные, золотистые краски осени. Воздух чистый, прохладный, и так славно пахнет грибами и опавшей жухлой листвой!

За рябчиками лучше всего охотиться на утренней зорьке, когда день обещает быть ясным, безветренным. В такую погоду задорный лесной петушок охотнее всего идет на манок.

За долгие годы жизни в сторожке дед Семен уже привык вставать на заре. Вот и теперь он вышел из домика, огляделся и закурил трубочку.

Солнце еще только вставало из-за верхушек леса. Его косые лучи прорывались сквозь поредевшие ветви старых берез и освещали поляну перед сторожкой. Вся поляна была седая от сильного утреннего заморозка.

«Красный будет денек, самый подходящий для рябца», — подумал дед. Он вернулся в дом, оделся, взял из угла ружье, сумку с манками и отправился на охоту.

Тропинка вела сквозь мелколесье. По сторонам толпились молодые березки, белые, с редкой позолотой еще не облетевшей листвы. Огромные грибы подберезовики, совсем разбрюзгшие от старости и осенних дождей, будто серые круглые блины, виднелись тут и там возле дороги.

На поляне, куда вышел дед, стояла рябинка, вся украшенная ярко-красными гроздьями ягод. Целая стая дроздов с громким трескучим криком слетела с дерева.

«Ишь ты, к отлету готовятся!» — подумал старик.

В это время где-то над головой раздался протяжный, стонущий крик.

Старик поднял глаза, прищурился от яркого солнечного света и едва разглядел летящих птиц. «Ага, вот они».

Большой косяк журавлей, вытянувшись волнистой лентой, летел высоко в небе. Птицы держали путь на юг. Их печальный крик звучал, как последний прощальный привет родным местам.

«В теплые страны направились, — подумал дед Семен. — Что ж, пора, вся перелетная птица теперь на юг подается, остаются в наших лесах рябцы, тетери да глухари-мошняки. Этим лететь не полагается, всю зиму у нас живут».

Старик миновал поляну. Дальше пошел смешанный лес: осинки, березнячок, местами росли старые ели. Земля под ними была покрыта твердыми зеленоватыми листочками брусники и черники. Ко-где еще уцелели последние ягоды.

«Елки, ягодничек, а рядом ручей, весь в кустах ольховника, тут-то рябцам и водиться, — подумал старик. — Нужно попробовать поманить». Он выбрал удобное место возле елок, уселся на пень и вынул из сумки манок, сделанный из заячьей косточки.

Дед Семен взял его в рот и слегка подул. Раздался тонкий, протяжный свист: «Тю-ю-ю-ю-ю! Тю-ю-ю-ю-ю!..» И под конец задорный короткий перебор: «Тю-тюрю-рю». Так обычно свистит рябчик, подзывая другого.

Дед Семен поманил раз, второй и замолчал.

Не прошло и минуты, как невдалеке из чащи раздался ответный свист.

Подождав немного, старик еще поманил. В ответ послышался громкий, трескучий шум крыльев: «Фр-р-р!» Это лесной петушок перелетел с елки на елку, а может быть, слетел на землю.

Теперь нужно сидеть неподвижно, иначе рябчик сразу заметит. Ведь он сейчас высматривает, ищет, где же сидит тот, другой, что первый подал свой голос, а потом замолчал.

Старик зорко вглядывался в темные ветви елей, не упуская из виду и всю полянку. Ведь рябчик частенько не летит на манок, а бежит по земле, как мышь. Иной раз подбежит совсем близко к охотнику, тот его и не заметит, зато рябчик уже разглядел человека. Неожиданно где-то сбоку раздается знакомое: «Фр-р-р!..» — и не успеет охотник даже вскинуть к плечу ружье, рябчика уже и след простыл: мелькнул бурым пятном среди еловых веток и скрылся из глаз.

Никак нельзя прозевать юркого петушка, если даже он не летит на манок, а бежит по земле.

Вот между елками что-то шмыгнуло. Дед Семен приподнял ружье. Вот опять мелькнуло — рябчик. «Ишь какой шустрый! Только покажется — и снова за елку, никак выстрелить не успеешь».

Действительно, рябчик, видно, попался бойкий. Побегав около елок и не найдя на земле своего собрата, он вдруг зашумел крыльями, взлетел и уселся на голый сук березы прямо перед охотником.

Раздался выстрел. Рябчик пестрым комочком упал на землю.

«Один есть», — удовлетворенно подумал старик, положил дичь в сумку и пошел дальше, все так же осторожно, тихо.

Дед не ошибся: утро удалось на славу — яркое, тихое, самое рябчиное утро. Рябчики шли на манок безотказно, и дед Семен убил уже четыре штуки.

Обойдя знакомое место возле ручья, дед перебрался через него по шаткому настилу из бревен и пошел дальше в лесную чашу.

Вот и опять подходящее местечко: моховое болотце, по краям ягодник, густой березняк, а дальше ельник.

Старик вновь присел на пенек среди кустов. «Точно в беседке», — подумал он, оглядываясь по сторонам.

Недалеке виднелась поляна. По сторонам от нее весело голпились молодые березки и елочки, только на самом краю лежала старая, поваленная бурей сосна. Хвоя на ней уже пожелтела, наполовину осыпалась. А огромные корни, облепленные землей, нелепо торчали вверх, будто старались схватиться за что-то.

«Сколько лет росло это дерево! — подумал старик. — Сперва былиночкой из травы выбивалось, а как выбилось, покрепло малость, стало быстрее расти, сил набираться. Прожило целый век, может, и больше, красовалось тут, белок, клестов да дятлов семенами кормило. И глухари тоже небось зимой сюда прилетали хвою пощипать. Всем пользу давало. А вот пришла пора, свалилось и будет гнить, и никому знать больше не нужно. Эх-хе-хе!» — вздохнул дед Семен, взял маночек и начал манить.

Скоро в ельнике откликнулся рябчик. Но на этот раз дело совсем не заладилось: рябчик оказался «упрямый». Он охотно откликнулся на голос манка, отвечал, но не летел навстречу, а сам приглашал лететь к нему.

«Неправда, не выдержишь, прилетишь», — подумал дед Семен.

Он терпеливо ждал, изредка подавая призывный свист.

Вдруг в ельнике послышался хруст сухих веток. Рябчик сразу замолк.

«Теперь пропало дело, — подумал старик. — Из деревни, верно, пришли — собирать сухой хворост». Старик уже хотел встать, идти посмотреть, кто там хозяйничает в лесу, но тут он увидел, что ветки елок зашевелились, раздвинулись и из-за них не спеша выбрался совсем неожиданный гость — крупный бурый медведь.

Семен невольно поежился: «Вот так дядя!» Бояться, собственно, было нечего — медведь без крайней нужды не бросается на человека, а в особенности осенью, когда он сыт-пересыт. Но все-таки жутковато, когда видишь перед собой такую махину.

Однако через минуту старик уже вполне овладел собой и не испытывал никакого страха. Мигом вспомнились былые годы, когда он охотился на медведей, караулил их всю ночь на овсах или у привады. Теперь деду хотелось подольше полюбоваться мохнатым лесным хозяином.

Между тем зверь выбрался на поляну и начал бродить возле елочек, собирая с земли уцелевшие ягоды брусники и черники.

«Вот лакомка!» — улыбнулся дед Семен. — Какой здоровенный, а не поленится нагнуться за каждой ягодкой».

Полакомившись ягодами, медведь не ушел с полянки: видно, она ему чем-то понравилась. Он по-хозяйски осмотрелся и не спеша подошел к поваленной бурей сосне. Ее корни, облепленные землей, торчали косо вверх, образуя как бы навес. Медведь деловито заглянул под этот навес, потом залез под него и уселся там совсем как дед-лесовик. Посидев немного, он выбрался из своего убежища и начал сгребать с земли мох и опавшие листья. Сгребал и валил под выворотень.

Дед Семен, затаившись в кустах и не спуская глаз, наблюдал за тем, как четвероногий лесной обитатель готовит себе убежище под упавшей столетней сосной.

«Значит, и ты, старина, еще пригодилась: самого Михаила Иваныча зимой приютить, — подумал старик. — Ну что ж, добро пожаловать!»

Прошло не менее получаса, пока медведь закончил свое занятие. Под конец он еще раз залез под выворотень, как бы примериваясь, удобно ли будет здесь зимовать, а потом не спеша, вразвалку побрел в лес и скоро совсем скрылся из глаз.

Дед Семен осторожно выбрался из кустов. Он тоже пошел прочь от полянки, только в другую сторону. К медвежьей «спальне» старик и близко не подошел: по опыту он хорошо знал — если зачует зверь возле логовища свежий след человека, ни за что больше сюда не вернется. А деду Семену почему-то очень хотелось, чтобы именно здесь, под старой упавшей сосной, четвероногий лесной хозяин устроил свою берлогу.

В зеленой корзиночке

Иной раз в начале осени выдается редкий денек. Он весь будто вылит из голубого стекла и разукрашен тонкою позолотой. Прозрачно синееет даль, а березки на косогоре стоят тоненькие и прямые, как белые свечи. Их вянушая листва так и светится золотым огоньком. Синее небо, синяя даль, блеск солнца и разноцветный убор лесов — как все это походит на какой-то сказочный праздник, на последний привет уходящего лета.

Все в природе словно прощается с солнцем, с теплом, хочет последний раз нарядиться поярче, чтобы потом надолго снять свой прощальный наряд и запереть его в кованный серебром тяжелый сундук зимы.

Вот в такой-то погожий осенний день, помню, бродил я с ружьем и собакой по березовым перелескам — охотился на вальдшнепов.

Обошел одну поляну, другую, третью... Уже начинало смеркаться. Ярче горели в осенних сумерках желтые свечи берез. Ветер стих. Наступал прозрачный сентябрьский вечер.

Я сел на печь. Каро улегся у моих ног.

Неожиданно что-то захрустело вдали, затрещали сучья — всё ближе, ближе... Какой-то хриплый отрывистый рев, не то стон послышался в тишине.

Каро вздрогнул, хотел вскочить. Но я приказал ему оставаться на месте. Ничего страшного: ведь это ревет мирный лесной великан — лось.

А вот он и сам показался на другом конце поляны и широким шагом направился через нее.

Какой он могучий, с огромными рогами, будто несет на голове корявый пень с торчащими в стороны сучьями.

Лось был, видимо, возбужден. Он ревел все громче и громче и мотал головой в разные стороны.

На его пути — молодая березка. Неожиданно лось зацепил ее рогом, рванул... Раздался легкий треск. Золотая вершинка вспыхнула последний раз, на землю посыпались искры листьев. И вот уже вместо деревца-свечи нелепо, словно огарок, торчит обломанный белый ствол.

А лесной хозяин грузно зашагал дальше и скрылся из глаз. Но еще долго потом в чаще леса слышался хруст ветвей и глухой рев уходящего зверя.

Я смотрел туда, куда скрылся лось, и мне стало как-то не по себе: зачем могучий лесной богатырь так бессмысленно исковеркал, сломал молодое деревце.

«Лесной житель, и сам же портит, ломает лес», — с досадой подумал я, еще раз взглянул на сломанную березку. Она уныло торчала посреди поляны и больше уже не походила на золотую свечу.

Начало быстро темнеть, небо заволокли тучи, подул ветер, праздник природы окончился.

* * *

Этот маленький, совсем незначительный случай со сломанной лосем березкой почему-то надолго остался у меня в памяти. Увидишь, бывало, где-нибудь изуродованное деревце и сразу вспомнишь про ту березку.

Прошло больше года. И вот однажды весной я снова забрал на ту же поляну. Но теперь все было совсем по-иному, чем в тот памятный осенний вечер.

Было утро, весеннее утро в лесу. Роса еще не обсохла. Крошечные водяные капли повисли всюду на листьях, цветах, на стеблях травы. Из-за вершин деревьев выглянуло солнце, и в тот же миг в каждой капле росы будто зажегся ослепительно яркий фонарик. Они были все разные — синие, розовые и голубые. Но больше всего розовых. Весь лес сиял розовым светом.

Это был тоже праздник в лесу, но праздник совсем иной — рождение новой жизни. Теперь вся поляна была покрыта не желтыми опавшими листьями, а цветами, тысячами разноцветных цветов. На деревьях шелестела молодая листва, в кустах щебетали птицы, и, словно отсчитывая кому-то много-много счастливых дней, в лесной глуши куковала кукушка.

А вот посреди поляны и сломанная березка. За тот долгий срок, который прошел с нашей первой встречи, деревце уже успело оправиться. Вместо обломанной лосем верхушки оно выпустило вверх целый пучок тоненьких молодых побегов.

Я очень обрадовался, что деревце не погибло. Как хорошо растут на сломанном месте ее побеги; будто сказочный дед-лесовик начал плести зеленую корзиночку, заготовил прутья, собрал их в пучок, да не успел еще загнуть концы и как следует оплести их.

«Славная работа», — подумал я, трогая деревце. И вдруг из его густой зеленой вершины выпорхнула птица — лесная малиновка.

Я осторожно наклонил березку. Так и есть: в развилке ветвей было свито гнездо и в нем лежали розовые яички.

Отойдя от дерева на другой конец поляны, я стал наблюдать за тем, как малиновка вновь возвратилась в свое гнездо.

Я мысленно представил себе: вот теперь она уже уселась насиживать яйца. Птичка вся распушилась, сидит такая озабоченная, важная; ведь нелегкое дело вывести и вырастить детвору.

Самочка малиновки сидит, затаившись в гнезде, а ее парочка пристроилась неподалеку среди ветвей и распевает громкую песню. Эта песня, по-своему, по-лесному, говорит о счастье, о красоте жизни, о любви. И отовсюду, кругом, из каждого куста неслась такая же веселая, счастливая песня.

Глядя на деревце, я вспомнил старого лося и его «злую» проделку. Да он, оказывается, вовсе не погубил березку, не повредил лесу. Случилось совсем иное: лесной богатырь, сам не зная того, просто-напросто помог птице устроить уютное гнездышко.

Длиннохвостые разбойники

Это было в самом начале весны. В лесу под деревьями еще лежал снег, но зато на открытых местах уже темнели первые проталины.

Древесные почки начали надуваться, и от этого ветки кустов и деревьев казались не такими голыми, как зимой, а чуть-чуть мохнатыми. Кругом в вершинах деревьев на разные голоса распевали овсянки, синицы, и где-то вдали отбивал барабанную дробь лесной барабанщик — дятел.

Мы с сыном шли по тропинке, прислушиваясь к голосам весеннего леса. Вдруг слышим — впереди нас застрекотали сороки, да так тревожно, словно что-то заметили.

Вышли мы из-за кустов на лужайку. Смотрим — и понять ничего не можем, что там происходит. По лужку взад-вперед мечется заяц, а около него — две сороки; то взлетят, то на землю садут. Заяц на них так и насккивает. Только какая-нибудь

близко подлетит, он — прыг! — прямо к ней, норовит передними лапами ударить.

Отлетит сорока, а вторая уже сзади подлетает. Обернется заяц и на ту бросится. Глядим мы и никак не разберем, кто же на кого нападает.

Стали подходить ближе. Заметил нас заяц и поскакал в лес. Сороки же прочь полетели. Летят, а сами стрекодут, видно, очень не хочется им улетать.

Подшли мы к тому месту, где сороки с зайцем дрались. Вдруг видим — прямо под ногами лежит в ямке маленький серый комочек.

Да ведь это зайчонок! Совсем крошечный, только недавно родился.

Тут мы и поняли, почему заяц на сорок нападал. Это зайчиха своего детеныша так храбро защищала. Значит, неверно говорят, что заяц — трусишка.

Взяли мы зайчонка, отнесли в ближайšie кусты, куда зайчиха только что ускакала, и посадили под самый кустик.

Мать его там непременно найдет. Звери постоянно своим же следом назад возвращаются. Побежит зайчиха обратно и накинется на него. А сорокам зайчонка в кустах ни за что не найти.

Вышли мы обратно на лужайку. Глядим — сороки уже опять на том же месте вертятся. Прыгают, к земле приглядываются, зайчонка ищут. Вот ведь какие! Разбойники, да и только.

Маленький лесовод

Шел я однажды зимой по лесу.

Было по-зимнему особенно тихо, только поскрипывало где-то старое дерево.

Я шел не торопясь, поглядывая кругом.

Вдруг вижу — на снегу набросана целая куча сосновых шишек. Все вылущенные, растрепанные: хорошо над ними кто-то потрудился.

Посмотрел вверх на дерево. Да ведь это не сосна, а осина! На осине сосновые шишки не растут. Значит, кто-то натаскал их сюда.

Оглядел я со всех сторон дерево. Смотрю — немного выше моего роста в стволе расщелинка, а в расщелинку вставлена сосновая шишка, такая же трепаная, как и те, что на снегу валяются.

Отошел я в сторону и сел на пенек. Просидел минут пять, гляжу — к дереву птица летит, небольшая, поменьше галки. Сама вся пёстрая — белая с черным, а на голове черная с красным кантиком шапочка. Сразу узнал я дятла.

Летит дятел, несет в клюве сосновую шишку.

Прилетел и уселся на осину. Да не на ветку, как все птицы, а прямо на ствол, как муха на стену. Зацепился за кору острыми когтями, а снизу еще хвостом подпирается. Перья у него в хвосте жесткие, крепкие.

Сунул свежую шишку в ту расщелинку, а старую вытащил клювом и выбросил. Потом уселся поудобнее, оперся на растопыренный хвост и начал изо всех сил долбить шишку, выклевать семена.

Расправился с этой, полетел за другой.

Вот почему под осиной столько сосновых шишек очутилось!

Видно, понравилась дятлу эта осина с расщелиной в стволе, и выбрал он ее для своей «кузницы». Так называется место, где дятел шишки долбит.

Засмотрелся я на дятла, как он своим клювом шишки расклеывает. Засмотрелся и задумался: «Ловко это у него получается: и сам сыт, и лесу польза. Не все семена ему в рот попадут, много и разроняет. Упадут семена на землю. Какие погибнут, а какие весной и прорастут...»

Стал я вокруг себя оглядываться: сколько сосенок тут из-под снега топорщится! Кто их насеял — дятел, клесты или белки? Или ветер семена занес?

Едва выглядывают крохотные деревца, чуть потолще травинки. А пройдет тридцать — сорок лет — и поднимется вот на этом самом месте молодой сосновый бор.

В зимнюю стужу

В зимнем тумане встает холодное, тусклое солнце. Спит заснеженный лес. Кажется, все живое замерзло от этой стужи — ни звука, только изредка потрескивают от мороза деревья.

Я выхожу на лесную поляну. За поляной — густой старый ельник. Все деревья обвешаны крупными шишками. Шишек так много, что под их тяжестью склонились концы ветвей.

Как тихо! Зимой не услышишь пения птиц. Теперь им не до песен. Многие улетели на юг, а те, что остались, забились в укромные уголки, попрятались от лютого холода.

Вдруг словно весенний ветерок прошумел над застывшим лесом: целая стайка птиц, весело перекликаясь, пронеслась над поляной. Да ведь это клесты — природные северяне! Им не страшны наши морозы.

Клесты облепили вершины елей. Птички ухватились за шишки цепкими коготками и вытаскивали из-под чешуек вкусные семена. Когда урожай шишек хороший, этим птицам не грозит бескормица зимой. Везде себе еду разыщут.

Я стоял на поляне и наблюдал, как хлопотали клесты в своей воздушной столовой.

Утреннее солнце ярко освещало зеленые вершины елей, грозди румяных шишек и веселых, пирующих птиц. И мне почудилось, что уже пришла весна. Вот сейчас запахнет талой землей, оживет лес и, встречая солнце, защебечут птицы.

Любуясь клестами, я вдруг увидел, как один из них, подлетев к старой ели, скрылся в заснеженных ветках, словно юркнул в снеговую пещерку. И тут мне вспомнилась одна замечательная особенность из жизни этих птиц — особенность, которой я никогда не мог поверить. А вот теперь представился случай самому проверить.

Крадучись, я подобрался к той ели и полез вверх по стволу. Острые иглы царапали лицо и руки, но я карабкался все выше и выше.

Уже близка и вершина, а на дереве ничего нет.

Я начал спускаться и вдруг прямо перед собой увидел то самое, чего уже не надеялся найти: среди обледенелых, покрытых снегом веток едва виднелось небольшое гнездо, а в нем, как весной, озабоченно распушившись, сидела зеленоватая птичка — самочка клеста.

Неловким движением я качнул ветку. Испуганная птица вспорхнула. Я наклонился и замер от изумления: в гнезде копошились только что вылупившиеся, совсем голые птенцы.

Над самым гнездом свешивались заснеженные ветви. В лесу от мороза трещали деревья, а здесь, меж сучьев старой ели, будто уже наступила весна: заботливая мать выводила птенцов.

Я поскорее слез с дерева, чтобы не тревожить эту удивительную семью. Легко спрыгнул в снег, огляделся, и зимний лес уже не казался мне, как прежде, угрюмым и безжизненным.

Стоя под деревом, я тер закоченевшие в шерстяных варежках руки, посмеивался над собой и все думал о голых малышах в гнезде, которым не страшна зимняя стужа.

На пороге весны

Я отправился за город в лес: поглядеть, заметно ли там приближение весны, а кстати и осмотреть места прошлогодних тетеревиных токов.

День был солнечный. В городе сильно таяло. Но я все-таки захватил с собой охотничьи лыжи. Лыжи у меня не простые. Я привез их из экспедиции с далекого севера. Они широкие и снизу подбиты лосиными шкурами. На таких лыжах и в оттепель ходить можно — снег не подлипает.

Приехал я на маленький полустанок, надел лыжи — и прямо в лес. Хорошо, очень хорошо в нем в эту предвесеннюю пору. Весна чувствуется еще только в воздухе. Солнце так и спит глаза. Небо уже по-весеннему голубеет, и по нему, как льдинки в весенний разлив, плывут легкие белые облака. Небесный ледоход уже тронулся, а земля все еще покрыта льдом и снегом. Деревья и кустарники тоже в снегу, совсем по-зимнему.

Я шел по лесной тропинке, глядя по сторонам. Вот и широкая поляна, где каждую весну токуют тетерева. А сколько здесь заячьих следов! Весь снег истоптан. Теперь зайцы нередко разгуливают и днем: выскочат на полянку и греются на солнышке.

А вот и ещё один признак приближающейся весны: около старого пня, на самом солнцепеке, уже виднеется крошечная проталинка. Я наклонился и стал осматривать этот первый клочок оттаявшей земли.

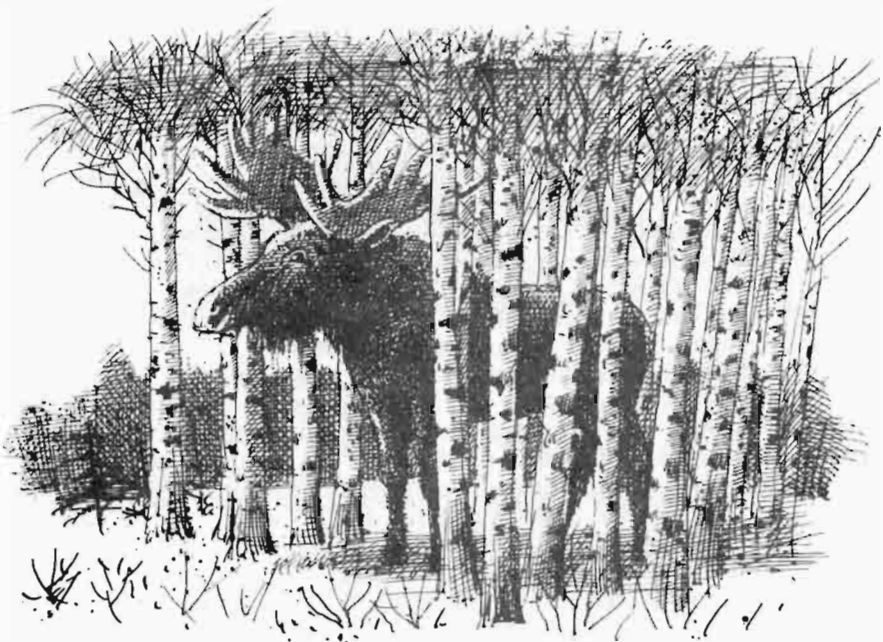
Он был покрыт серой прошлогодней травой. Среди нее копошились какие-то жучки. Они проспали всю зиму под корой старого пня или под опавшими листьями и теперь выбрались на проталинку.

Я сел на пень отдохнуть. Кругом было тихо, только где-то далеко в лесу, как серебряный колокольчик, звенел голосок синицы — первая песня весны.

Вдруг среди лесной тишины я ясно услышал хруст снега и шум раздвигаемых веток. Кто-то с трудом продирался сквозь чашу березняка. Но кто же это? Человеку незачем ходить по таким местам. Охотник и тот не пойдет теперь в лес. Зимняя охота

уже кончилась, а весенняя еще не началась. Наверное, какой-нибудь лесной зверь. Я затаился.

Шаги и треск сучьев слышались все ближе, ближе. И вот из чащи березняка, у самой полянки показалось что-то большое, темное. Неужели лошадь? Зачем же она забрела сюда? Но в тот же миг я ясно увидел, что это не лошадь, а огромный лесной бык — лось. Он вышел из мелколесья на полянку и, высоко подняв голову, огляделся.

Я сидел не шевелясь. Ветер дул в другую сторону, так что осторожный зверь не мог меня учуять.

Как он был хорош, весь освещенный весенним солнцем, на белом фоне березняка! И какой своеобразный облик у этого лесного гиганта! Длинная горбоносая морда, огромные, как вывороченные корни, рога. Сам такой тяжелый, грузный, а ноги высокие, стройные, точно у скакового коня. И какая окраска шерсти — весь темно-бурый, а на ногах словно белые, туго натянутые чулки.

Лось постоял секунду, чутко прислушиваясь. А потом широко зашагал по краю полянки, как-то странно поматывая головой, будто стараясь что-то сбросить.

Впереди густо росли несколько уже довольно толстых березок. Лось не обошел их, а полез между стволами, все так же мотая головой. И тут я увидел, что один рог у него вдруг отломился,

да так и застрял, качаясь в ветвях. Из березняка лось вышел только с одним рогом и не торопясь скрылся в лесу.

Вот почему он так странно мотал головой, словно стряхивал что-то. Это лесной великан сбрасывал свой головной убор. Только поздно что-то собрался, ведь лоси еще зимой рога сбрасывают. А за лето у них вырастут новые, больше прежних, с новыми отростками. По числу этих отростков охотники и узнают, сколько лосю может быть примерно лет.

Когда лось совсем скрылся за деревьями, я подошел к березам, вытащил из ветвей сброшенный рог и, захватив с собой, отправился обратно на станцию.

Весь вагон сбежался глядеть на мою находку. Все охали, ахали, вертели лосиный рог в руках. А какой-то старичок пощелкал по нему пальцем и сказал:

— Это лось зимнюю шапку ломает, с весной здоровается.

Зайчишке повезло

Как-то зимой на охоте шел я по заячьему следу. Вдруг вижу — в кустах под деревом темнеет выкопанная в снегу заячья лежка. Я свистнул. Заяц не выскочил.

Тогда я осторожно полез в кусты. Лежка оказалась пустой. По другую сторону кустов от нее шел свежий заячий след, а рядом с кустами снег был примят, будто кто-то спрыгнул с дерева, повозился в снегу и исчез. Никаких следов, кроме заячьего, не было видно.

Кто же спугнул зайца? И что это за углубление в снегу рядом с лежкой?

Я решил пойти дальше по заячьему следу. Косой, видно, нёсся огромными скачками, словно удирал от кого-то.

Вдруг, судя по следу, заяц упал и забился на одном месте; весь снег был примят и забрызган кровью. Потом заяц вскочил и помчался к ближайшему лесу.

Я поспешил дальше и увидел на опушке леса кучу хвороста.

Прямо под нее уходил заячий след, а наверху на хворосте сидел, зорко поглядывая вниз, большой черный ворон.

Тут я сразу все понял: пролетая над полем, зоркий ворон заметил в кустах заячью лежку, но кусты помешали ему напасть на зайца. Тогда ворон сел рядом с лежкой и спугнул косого. Заяц пустился наутек, а ворон погнался за ним, настиг, сбил с ног и начал долбить клювом.

Зайцу удалось вырваться, он бросился к лесу, спрятался под хворост.

Выходит, мы с вороном охотились за одной и той же добычей!

«Посмотрим: кому же она достанется?» — подумал я, подбегая из-за густых кустов и деревьев к куче хвороста.

Занятый своим наблюдением, ворон даже не заметил меня. Я подошел совсем близко и внезапно выскочил из-за деревьев.

Испуганная птица шархнула в сторону и полетела прочь.

Теперь только бы не упустить косого! Кругом кусты, мигом улепетнет!

Держа ружье наготове, я остановился.

Под хворостом кто-то завозился. Не теряя времени, я прицелился и выстрелил.

В тот же миг из-под кучи, совсем с другой стороны, выскочил здоровенный заяц и в два прыжка исчез в кустах.

Я так и опешил: «В кого же я стрелял?»

Подхожу, поднимаю ветки хвороста — и вижу: убил ворона. Вот кто достался мне вместо зайца!

Значит, вороны вдвоем охотились на косого и загнали его под кучу хвороста. Один уселся сверху сторожить, а другой полез под хворост. Но зайчишке повезло: ему удалось удрать. Зато ворон поплатился жизнью.

Наседка

Хорошо ранней весной в лесу! Он еще не оделся листвою, весь казался прозрачным, будто умылся весенними водами, каждая ветка блестела на солнце. Ветви осинки были сплошь увешаны длинными сережками, а молодые березки уже начали чуть-чуть зеленеть.

По кустам и деревьям на все лады распевали птицы, и, словно передразнивая их, в ближайшем болоте весело урчали лягушки.

Такая картинка пробужденной природы открылась перед глазами ребят, когда они шумной ватагой отправились с лесником

дядей Федором помогать ему жечь в лесу хворост. Этот хворост остался от зимней рубки деревьев, и его нужно было убрать.

— Гляди, гляди, сколько лягушачьей икры!— воскликнул один из ребят, шедший по краю дороги.

Он поднял с земли сучок и начал им легонько трогать огромные комья прозрачной слизи, плававшие в придорожной канаве. Товарищи обступили его.

— И ведь из каждой икринки головастик выведется,— говорили ребята.— Тьма их тут будет, прямо не счесть!

— Ну, молодежь, чего остановились? Пошли, пошли!— окликнул шедший впереди дядя Федор.

Все опять двинулись в путь, поминутно открывая новые и новые признаки весны. Вон в стороне сухой высокий бугор, лиловый от крупных, похожих на колокольчики цветов — это цветет сонтрава. А вот у самой дороги большая муравьиная куча. Она уже ожила под лучами весеннего солнца. Издали кажется, что поверхность кучи вся движется, будто кипит темной блестящей смолой. Это тысячи муравьев суетятся, бегают взад и вперед, чинят свой муравейник.

— Ой, ребята, сморчков-то сколько!— отозвался в сторонке чей-то радостный голос.

И все побежали скорей собирать эти первые весенние грибы.

— Вы что, по грибы в лес пришли?— опять добродушно окликнул ребят дядя Федор.— Вот не возьму вас с собой, оставайтесь здесь.

— Нет, нет, дядя Федя, мы тебя мигом догоним!— кричали ребята, собирая грибы кто в шапку, а кто прямо в карман.

Наконец добрались и до вырубки. Тут лежали большие кучи хвороста. Лесник показал ребятам, как нужно их поджигать.

В эту пору, пока земля еще сырая, бояться пожара нечего. Но все-таки дядя Федор зорко поглядывал за тем, как в разных концах вырубki закурились синие дымки и начал весело потрескивать уже подсохший на солнце хворост. К запахам весеннего леса прибавился горьковатый запах дымка.

Дядя Федор повел ребят на край вырубki. Там же виднелась куча хвороста, а за ней начинался лес.

Ребята нарвали прошлогодней травы, подложили под хворост и подожгли. Пламя лизнуло сухую листву, и красноватые языки стали весело перебегать с ветки на ветку.

Налетел ветерок, сразу раздул костер. Золотой сноп огня метнулся в сторону.

И в тот же миг под хворостом что-то захлопало, зашумело. Большая пестрая птица вырвалась из-под веток и полетела вдоль вырубki низко, над самой землей.

— Тетерка! — вскрикнул лесник, бросаясь к месту, откуда вылетела птица.

На земле из-под хвороста виднелось гнездо и в нем крупные светлые яйца.

— Гнездо сгорит! — закричали ребята.

Но лесник уже заминал ногами огонь.

— Оттаскивай сучья! — командовал он.

Все бросились на подмогу. Через минуту огонь был погашен.

— Вот ведь что значит наседка — детей выводит, — покачал головой дядя Федор. — Люди рядом, огнем чуть не спалило, а она сидит, до последнего терпит. Придется эту кучу не трогать, — добавил он.

Поправив растасканный возле гнезда хворост, мальчики с лесником пошли на другой конец вырубki. Смотреть еще раз гнездо тетерки дядя Федор не разрешил.

— Нельзя ее больше тревожить, — сказал он. — Дня через два придём, тогда поглядим, вернулась к гнезду или нет.

Делать нечего, пришлось ждать.

Очень хотелось ребятам на другой же день сбегать посмотреть спасенное гнездо. Хотелось, да нельзя: ну-ка дядя Федор узнает! Никогда больше в лес с собой не возьмет.

Наконец прошли эти два дня! И вот ребята и дядя Федор опять в лесу. Осторожно, стараясь не хрустнуть сучками, подкрадываются они к куче хвороста. Сидит или нет?

— Сидит, сидит, — первым заметил и зашептал лесник.

Ребята сначала ничего не могли разглядеть.

— Где? Где?

— Да вон под ветками...

Дети подвинулись еще ближе и тут наконец увидели сидящую в гнезде тетерку. Вся пестрая, на пестрой земле она была совсем незаметна.

— Рядом пройдешь — не заметишь! — негромко сказал один из ребят.

— Сидит-то как тихо, ни одним перышком не шевельнет! — отозвался другой. — Боится нас, а гнезда не бросает. Значит, гнездо ей дороже жизни.

— Ну, ребята, нечего зря и тревожить, — сказал дядя Федор. — Пусть сидит да птенцов выводит.

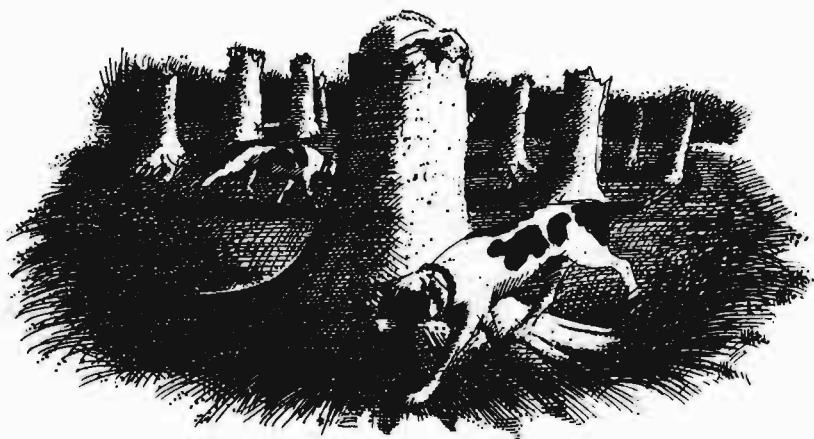
И лесник с детьми потихоньку пошли домой.

Смышленный зверек

Самая моя любимая охота осенью — на зайцев с гончими собаками. Идешь в лес ранним утром. Легкий морозец выбелил землю, затянул лужи первым хрустящим льдом. А лес-то какой нарядный! Березы и клены все желтые, осины — в красных одеждах, и среди них — темная густая зелень молодых елок. Шумят под ногами опавшие листья, пахнет грибами, лесной свежестью. Легко дышится осенним утром в лесу!

Отвяжешь собак — они мигом исчезнут в кустах. Теперь слушай и жди. Собаки носятся где-то там далеко в лесу, приносятся к земле, ищут звериный след.

Кругом тихо-тихо, изредка пискнет в кустах какая-нибудь птичка да зашуршит, цепляясь за ветки, сухой лист. Вдруг громкий, залихватистый лай встряхнет осеннюю тишину. Эхо подхва-

тит его и разнесет по далеким лесным отрогам. Это собаки нашли зайца и бросились по его следам. Скорей наперерез! Заяц не побежит далеко напрямик, он обязательно начнет кружиться по лесу. Тут уж вся охота на быстроту и смекалку рассчитана: кто кого перехитрит — охотник ли сумеет перехватить зверя и тот выскочит прямо на выстрел или зверь запутает по кустам свой след и собьёт с толку собак.

Вот уж когда горячка! На весь лес заливаются гончие псы, а ты перебегаешь с дорожки на дорожку, пытаешься попасть навстречу зверю. Да не так-то это легко среди лесной чащи. Думаешь, зверь тут проскочит, а он совсем в другом месте пробежал. Попробуй угадай!

А раз со мной осенью на охоте такой случай был. Нашли мои собаки в лесу зайца и погнались. Я — наперерез; стал на дорожке, жду. Слышу, гончие все ближе, ближе, сейчас выскочит на меня косою. Впереди лесная вырубка, кусты да пеньки. Гоняют собаки по вырубке, бегают взад и вперед, а зайца все нет. Куда же он девался? Значит, запутал собак.

Ждал я, ждал — ничего не выходит, не могут собаки зайца найти. Видно, нужно мне самому на помощь идти, разобраться, в чем там дело.

Пошел я, гляжу: посреди вырубке полянка, кустики мелкие, а среди них высокие пни стоят — мне выше пояса. Носятся мои собаки по кустам вокруг пней, нюхают землю, никак в заячьих следах не разберутся. Обегут полянку кругом — нет выходного следа. Значит, зверь не ушел, тут он. Но куда же зайцу на полянке спрятаться? Лисица хоть в нору уйти может, а у зайца и норы не бывает.

Вышел я на середину полянки, смотрю на собак, как они в заячьей грамоте разобраться не могут, и сам ничего не пойму. Потом случайно взглянул в сторону, да так и замер: в пяти шагах от меня на верхушке пня сереет пушистый комочек, притаился, глазенки так и впилась в меня. Сидит заяц на высоком пне на самом виду. Внизу кругом него собаки носятся, а рядом охотник с ружьем стоит. Жутко косою с пня соскочить прямо к собакам. Затаился он, сжался весь, уши к спине прижал и не шевельнется.

«Ах ты, — думаю, — плут косою, куда от собак забрался! Запутал следы, а сам вот где сидишь. Найди-ка его попробуй! Ну, да я хитрее тебя. Возьму и застрелю».

Прицелился я, а заяц и не шевельнется, глядит на меня, будто просит: «Молчи, не выдавай собакам!»

Стыдно мне стало: не бежит от меня зверек, словно доверяет мне, а я и убью его вот так — в пяти шагах, сидячего! Опустил я ружье, потихоньку прочь отошел. Вышел с вырубке на дорожку и в рог затрубил — отозвал гончих.

— Идемте дальше, — говорю, — других зайцев поищем, а этот сегодня самый трудный экзамен на хитрость сдал. Пускай себе живет.

Пропавший медведь

Дней десять гонялись охотники за медведем. Убить не могут и в берлогу улечься не дают. Только он ляжет — опять спугнут. Охотники-то молодые, неопытные, а медведь попался чуткий: как слышит по снегу шорох лыж, сейчас же вскочит — и наутек. Даже близко к себе не подпустит.

Видят охотники — не простое дело убить такого зверя. Решили напрасно медведя не пугать, а выследить, куда он заляжет, и не трогать его до глубоких снегов — пускай себе облежится. Так и сделали.

Прошло две недели. Наступил самый снежный месяц — февраль. Недаром про него говорится: «Февраль придет, все пути заметет». Чуть не каждый день снег да метель.

Наконец как-то в ночь непогода стихла. Утром выглянуло солнце и осветило лес. Все деревья укутались в тяжелые ватные шубы, нахлобучили белые шапки, низко опустили ветки, словно руки в огромных пуховых рукавицах.

В то утро охотники опять пришли в лес за медведем. Только на этот раз не одни — пригласили на подмогу старого медвежатника дядю Никиту.

Никита и сам как медведь — огромный, сутулый, все лицо заросло густой бородой, а из-под нависших бровей блестят живые, острые глазки. Идет Никита на лыжах, переваливаясь с ноги на ногу. Зато уж как шагнет... попробуй угонись! Пока по лесу шли, совсем замучил молодых охотников. Рады, что наконец до места добрались.

Остановились на поляне, пустили собак в чащу, куда в последний раз скрылся медведь, а сами разбрелись по лесу.

Прошел час, другой.

Облазили собаки весь лес, каждый куст обнюхали — нет берлоги. Пропал медведь, как сквозь землю провалился.

Сошлись охотники опять на поляне и не знают, что дальше делать. Дядя Никита спрашивает товарищей:

— Может, ушел отсюда медведь? Вы след-то хорошо проверили?

— Да, каждое утро кругом чащу обходили. Не было выходного следа. Не выходил медведь.

Тут и сам Никита призадумался: «Куда же ему деваться?»

Неожиданно где-то далеко в лесу залаяла собака Никиты. Охотники бросились на голос собаки. Полезли через кусты, через валежник, насилу пробрались. Глядят — экая досада! Собака-то не медведя, а, верно, белку нашла. Стоит под сосной, смотрит вверх и лает. Вершина у сосны широкая, разлтая, как огромная корзина. Вся сучьями завалена — видно, раньше было гнездо какой-то большой птицы, а теперь снег все забил, и не разглядишь ничего.

Обидно стало охотникам. Кто-то из молодых сказал:

— На такой охоте хоть бы белку убить. А может, еще куница там затаилась. Только трудно выгнать ее оттуда.

Он поднял ружье и выстрелил в вершину, чтобы выпугнуть зверя.

Вдруг с дерева как посыплется сучья, снег! Валится что-то огромное — и прямо на людей. Едва отскочили. Глядят — медведь.

Шлепнулся медведь в глубокий снег — вскочил — и бежать.

Охотники и опомниться не успели, а его уже след простыл.

Развел дядя Никита руками:

— Ну и чудеса! Сорок лет на медведей хожу, а такое в первый раз увидеть довелось, чтобы медведь не на земле, не под снегом, а на дереве берлогу себе устроил.

Лебеди

В начале мая приехал я из Москвы на Белое море. За одни сутки скорый поезд пронесся более тысячи километров, и мы обогнали весну, которая не спеша, по старинке, со всеми своими гусьями, лебедями и бесчисленной птичьей мелочью тоже двигалась с юга на север.

Так и посчастливилось мне в тот год два раза встретить весну: один раз в Москве, а другой раз у Белого моря.

И до чего же хорошо в эту пору в суровом лесном краю! Вот где природа действительно ликует после долгого зимнего сна. День прибывает не так, как у нас — «на воробьиный шаг». Весной на севере ночь словно тает, как остатки льда, по рекам и озерам.

Да, природе есть куда и торопиться. От сплошной темноты зимой нужно перейти к летнему круглосуточному дню. Солнцу надо успеть растопить глубокие зимние снега и хорошенько прогреть землю, чтобы все кругом зацвело, зазеленело. Ведь недолго гостят на севере весна и лето. Вот солнце и спешит в этот короткий срок отдать земле побольше тепла и света.

Я наблюдал за ходом весны прямо из окна домика, где остановился по приезду. Перед моими окнами был палисадник. В нем росло несколько молодых березок, и через их тонкие ветви мне была видна просторная гладь Белого моря. Оно уже очистилось ото льда. Огромные стаи гусей и уток неслись над водой. Птицы летели с юга больше ночами, когда в небе разливались прозрачные сумерки, а море серебрилось и поблескивало, отражая свет негаснувшей зари.

Иногда утки, гуси и даже лебеди опускались на море отдохнуть. Они плавали и купались в ледяной воде, радостным криком оглашая тишину весенней ночи. А как только край небо над морем начинал розоветь, птицы вновь поднимались в воздух и летели навстречу свету, куда-то в ясную предутреннюю даль.

Но вот однажды утром, выглянув, как обычно, в окно, я увидел на море совсем недалеко от берега большую снежно-белую птицу. Она беспокойно плавала взад-вперед, высоко подняв голову на длинной шее, и тоскливо кричала.

Да ведь это же лебедь-кликун!

Но почему эта осторожная птица держится здесь, на открытой

воде, у самого рыбацкого поселка, никуда не улетает? Может быть, она ранена и не в состоянии лететь?

Я поскорее оделся, взял бинокль и пошел на берег, чтобы выяснить, в чем дело.

На берегу возле огромных рыбацких лодок играли ребяташки. Тут же лежали еще не убранные мокрые сети. Очевидно, рыбаки только недавно вернулись с моря, и дети играли, выбирая оставшихся на песке мелких рыбешек.

Я подошел к самой воде и поглядел в бинокль на лебедя. Ребяташки окружили меня.

— Дядя, поймайте его. Он не улетит,— заговорили они.

— Почему не улетит?— спросил я.

— Рыбаки его пару словили. Вот только сейчас домой унесли.

— А как он за ними гнался!— воскликнул один мальчуган.— Чуть сам в лодку не влетел. Так следом и плывет, кричит, крыльями по воде хлопает... До самого берега проводил...

— Подождите,— перебил я,— кто лебедя поймал?

— Иван Васильевич Федотов поймал,— ответили дети.

Узнав от ребят, где живет Федотов, я тут же отправился в слободу. Отыскать рыбака было нетрудно. Вся слобода уже знала о случившемся, и мне сразу показали его дом.

Хозяина я застал за завтраком. Это был молодой парень огромного роста, белокурый, сероглазый. Он, видимо, только что сбросил рыбацкую одежду, переделся по-домашнему во все чистое и, сидя за столом, с аппетитом ел кашу.

Я поздоровался и спросил:

— Вы сегодня поймали лебедя?

— Да, я. Вот добыча-то попалась!— широко улыбаясь, ответил он.

— Как же вы его поймали?

— Я и не ловил, он сам в сеть запутался. Ставная сеть у меня на мели стояла, он лапой за верхние ячеи и зацепился. А уж перепутал все — не разберешь. Насилу я его высвободил. Да не дается еще, крыльями, клювом бьет. Всего измочил до нитки. Здоровенный такой! Хотите поглядеть? Он у меня в чулане сидит.

— Очень, хочу,— сказал я.— А что же вы будете с ним делать?

Хозяин поглядел на меня удивленно:

— Как — что? Отвезу в город, отдам в музей. Там, наверное, возьмут. Ведь лебедя не так-то легко поймать.

— Это верно,— согласился я,— только зря вы его все-таки взяли, а тем более лебедку, да еще весной. Сами подумайте: сейчас дикая птица летит с юга на родину — вить гнезда, птенцов выводить, а вы вот пару разбили.

Парень внимательно слушал меня и, видимо, был в некоторой растерянности.

— Что ж теперь делать-то?— спросил он.— Ежели ее обратно в море пустить — найдет она своего дружка?

— Его и искать нечего,— ответил я,— он все на том же месте плавает.

— Так я сейчас ее на берег снесу и выпущу,— заторопился парень.— Я мигом сбегаю.

И он, не доев кашу, быстро встал из-за стола, надел куртку и прямо без шапки, с распахнутым воротом шагнул за порог. Я последовал за ним.

Часть сеней была отгорожена в виде темного чуланчика. Хозяин осторожно приоткрыл дверь и, загородив лицо рукой, чтобы лебедь не ударил его клювом, вошел внутрь. Я придерживал дверь. В чуланчике послышался шум, и через секунду рыбак появился оттуда, неся пойманную птицу. Крылья у нее были связаны.

Мы вышли на крылечко.

Увидя солнце и море, лебедь начал рваться из рук, пытаясь высвободить связанные крылья, и вдруг протяжно закричал. И сейчас же откуда-то издали, с золотистых морских отмелей, раздался такой же протяжный ответный крик.

Мы взглянули туда. Низко, над самой водой, прямо к берегу летела огромная белая птица. Она сделала круг и опустилась на воду почти у рыбацких лодок.

— Эх, дружище, сколько я тебе беды натворил!— сокрушенно сказал рыбак.— Ну, потерпи чуток, сейчас твою подружку отдам.

И он зашагал еще быстрее, так что я еле поспевал за ним.

— Пойдите, Иван Васильевич,— сказал я, когда мы проходили мимо моего домика.— Уж раз вы поймали лебедя, я вас с ним сфотографирую.

— Вот это хорошо!— обрадовался рыбак.

Я зашел домой, взял фотоаппарат, и мы пошли на берег.

— Несут! Охотники лебедя несут!— закричали у лодок ребята.— Сейчас другого подманить и ловить будут!

— Тише вы, чего загалдели?— добродушно прикрикнул на них Иван Васильевич.— Никого мы ловить не будем.

— Вот сфотографирую вас всех, и выпустим лебедя на волю,— добавил я.

Ребята сейчас же окружили рыбака и стали гладить пойманную птицу.

Так я и снял их всех вместе.

— А теперь, Иван Васильевич, давайте я вас одного сниму, как вы лебедя выпускать будете.

Иван Васильевич подошел к самой воде. Я навел аппарат... Какой хороший получился снимок! Берег моря и на переднем плане высокий, широкоплечий рыбак, настоящий русский богатырь, а в руках у него пойманная лебедка. Передо мной словно ожила старая русская сказка про Иванушку и царевну Лебедь.

Рыбак развязал крылья пойманной птицы и осторожно опустил ее на землю.

Почувствовав себя вновь на свободе, лебедка бросилась в море,

замахала крыльями, точно побежала по воде, потом оторвалась от нее и полетела вдаль, оглашая воздух радостным криком. А навстречу ей уже летел давно поджидавший ее лебедь.

Вот обе птицы встретились в воздухе и, плавно махая огромными белыми крыльями, полетели вместе над морем все дальше и дальше, туда, где на самом горизонте темнели низкие пологие острова.

Срочный пакет

Василий Мохов работал в геологической экспедиции. Вот уже третий месяц экспедиция исследовала районы глухой тайги, за сотни километров от ближайшей железной дороги. Но Василию эта жизнь была по душе. Он вырос в деревне, среди таких же лесов, с детских лет уже начал ходить с ружьем, охотиться за белками, рябчиками, глухарями. И вот теперь, бродя на лыжах по лесной глуши, он часто вспоминал давно прошедшие годы.

Однажды утром, когда Василий с другими сотрудниками уже собирался идти на обследование горной сопки, к нему подошел начальник экспедиции.

— Вася, хочу поручить тебе очень важное дело,— сказал он особенно серьезно.— Вот пакет, его нужно доставить в районный центр. Завтра утром в Москву идет самолет. Понимаешь,

надо успеть к отлету послать пакет авиапочтой. Дело очень срочное, — повторил начальник. — Доставишь, не подведешь?

Василий весело кивнул головой и взял пакет. Кому же, как не ему, охотнику, лыжнику, следопыту, поручить такое дело!

Через четверть часа Василий, захватив с собой немного еды, компас и карту, отправился в путь.

Он быстро катился на лыжах по крепкому насту, покрытому душистым, недавно выпавшим снегом.

Северный лес спал глубоким зимним сном. Только изредка поскрипывали, будто стонали во сне, старые ели.

На ходу Василий сунул в карман руку, ощупал пакет. Еще раз вспомнились слова начальника экспедиции: «Завтра чтобы доставить. Не выполнишь — все дело сорвешь, большое дело. Не подкачай, тебе доверяем».

Василий усмехнулся: «Не подкачаю, будьте спокойны». Он присел на поваленную бурей сосну, вынул из кармана карту, компас, проверил направление, потом закусил немного — и дальше в путь.

На севере зимний день короток: всего три-четыре часа. Нужно засветло пройти как можно больше.

Вновь потянулись навстречу лес, скалы, поляны и опять лес и лес без конца. Уже начинало смеркаться. И вдруг перед Василием возникло неожиданное препятствие: он вышел к огромной лесной гари. Куда ни поглядишь — всюду впереди наваленный друг на друга полубогоревший лес. Попробовал обойти — не удалось: все гарь, да гарь, и конца ей не видно, может, ещё на десятки километров.

Василий Мохов как опытный охотник знал, что значит застрять ночью на гари. Залезешь — не выберешься. Но делать нечего. Нужно лезть возможно скорее, чтобы до темноты пройти страшное место. И Василий, как пловец в шторм, двинулся в опасный путь.

Хватаясь за ветки, он то взбирался на стволы поваленных обгоревших деревьев, будто на гребни застывших волн, и белая ледяная пена инея обдавала ему руки, лицо, то срывался и проваливался по пояс и глубже в снежную пропасть... Время шло, но гарь всё не кончалась.

Мохов начал выбиваться из сил. Он невероятного напряжения он так вспотел, что был весь мокрый. А мороз к ночи стал крепчать. Теперь только присядь отдохнуть — сразу заколеченешь, и пропал.

Руки и ноги от усталости отказывались служить. В голову закрадывалась страшная мысль: «Не доберусь, не сдам пакет...»

Напрягая остаток сил, Мохов в сотый раз взобрался на ствол поваленного дерева, огляделся и чуть не вскрикнул от радости: впереди в густых сумерках показались очертания леса — значит, гарь кончилась. Это придало Василию новый приток сил.

Балансируя, как акробат, он пошел на лыжах по лежащему толстому стволу, перелез на другое дерево. Еще немного... Вдруг

лыжа у Василия поскользнулась, и он, не удержавшись, полетел вниз. Нога неловко подвернулась, Василий охнул от боли. В ту же секунду раздался короткий сухой треск. Наверное, он сломал сук.

Превозмогая боль в ноге, Василий поднялся, ощупал в кармане пакет, карту, компас — все цело. Нога тоже не сломана, только очень болит.

Мохов хотел уже двинуться дальше, вот только надо высвободить из сугроба застрявшие лыжи. Он потянул их и обмер: одна лыжа переломана — падая, он сломал ее.

«Все пропало!— пронеслось в голове.— Куда он теперь, без лыж, с больной ногой, один в огромном, заваленном снегом лесу?.. Может, развести костер, подождать до утра? Потом как-нибудь добраться до ближайшего жилья... Но к чему это? Все равно он уже не успеет выполнить к сроку задание». Василий почувствовал невероятную усталость, будто он весь онемел, даже боль в ноге почти затихла. Он прислонился спиной к дереву и закрыл глаза.

«Не дело... Замерзну...»— шевельнулась в голове последняя мысль. Но Василий не открыл глаз. Сладкая истома разлилась по телу, клонила ко сну.

И вдруг среди мертвой лесной тишины где-то совсем близко захрустели сучья... Василий вздрогнул, открыл глаза. Вновь вернулось сознание: «Что я делаю?.. Засыпаю... в мороз...»

А сучья все хрустят...

Мохов быстро обернулся. В каких-нибудь тридцати шагах от себя он увидел огромную темную массу. Она шевелилась, что-то разгребая в снегу и хрустя валежником.

«Медведь...»— сразу сообразил Василий. Мороз пробежал по телу. Он знал, как опасен зимой разбуженный голодный зверь...

Мохов сидел неподвижно, затаив дыхание. А медведь все ворочался в валежнике, не уходил.

И тут вдруг Василий вспомнил, как его учил дед: «Когда встретишь мишку в лесу без ружья, пугни его хорошенько...»

Василий приподнялся, набрал в легкие побольше воздуха да как-как крикнет «А-а-а-а!»— так, что эхо по лесу раскатилось.

«Медведь» подскочил, плюхнулся в снег и вдруг заворчал: — Ух, как напугал, прямо сердце оборвалось!

Вглядевшись, Василий увидел, что это вовсе не зверь, а человек.

Мохов подошел поближе. На снегу сидел старик в меховой медвежьей куртке и в такой же шапке. Он тяжело дышал, с опаской глядя на подходившего к нему человека.

— Что это ты так заорал?— робко проговорил он.

Василий сознался, что впотьмах принял его за медведя.

Старик рассмеялся:

— Ну и потеха!

Он оказался лесником из ближайшей сторожки и пришел сюда за хворостом.

Через полчаса Василий и лесник уже сидели в жарко натопленной хате перед миской дымящихся щей.

Старик, прожевывая хлеб, говорил:

— До города, поди, верст тридцать прямиком-то будет.

Василий так и ахнул: куда же ему с больной ногой? Значит, не успеть завтра сдать пакет. А дело срочное, хоть умри, а сделай...

Дед внимательно слушал.

— Так-так. Говоришь, дело государственное, очень срочное? Ну, такому делу помочь нужно.

Он, крихтя, поднялся с лавки, подошел к печке и начал будить кого-то.

— Ванюша, вставай, запряги-ка Мишку, паренька в город скатать нужно.

С печки слез подросток, надел тулупчик, шапку и, сердито глянув на Василия, пошел из избы.

— Вот сейчас внучок конька и заложит, а мы заправимся на дорожку.— И дед опять принялся за щи.

Пока старик с Василием ужинали, входная дверь вновь отворилась и Ванюшка громко крикнул с порога:

— Собирайтесь, запряг!

Лесник с Василием вышли из избы.

Была уже ночь — и так темно, что в двух шагах ничего не увидишь. Тучи заволокли небо, начинал падать снег.

Василий с дедом сели в санки и тронулись в путь. Сразу же за сараем черной стеной надвинулся лес. В нем было еще темнее.

Но дедов конь уверенно шел крупной рысью, с необыкновенной ловкостью поворачиваясь и пронося легкие санки между стволами деревьев.

Василий только удивлялся:

— Ну, дедушка, и лошадка же у тебя! Прямо как вьюн в воде извивается. Нигде не заденет.

— Да, уж конек у меня природный, лесной,— отвечал старик.

Они выехали на большую поляну. В это время из-за туч показалась луна. На миг все кругом осветилось голубым светом.

Василий взглянул вперед на лошадь и чуть не вскрикнул... Протер глаза — нет, не сон. Что же это? Голову коня украшали огромные, как лопаты, рога.

— Дедушка, на ком же мы едем?— в недоумении спросил Василий.

Дед рассмеялся:

— А ты только сейчас разглядел? Говорил же тебе — конек у меня природный, лесной. Лось это.

— Ло-о-ось!— еще более изумился Василий.— Откуда же ты его взял?

— Да внучата из лесу с собой привели,— ответил дед.— Матку-то небось волки задрали. Он тогда мал еще был, сам за ребятами увязался, на двор ко мне и пожаловал... Вот вырастил

его, а теперь вместо коня приладил. В лесу за ним ни один рысак не угонится.— Старик хитро подмигнул.— Ну что, паренек, к сроку-то на таком коньке поспеем ай нет?

Василий с благодарностью поглядел на деда:

— Пospеем, дедушка, теперь раньше срока поспеем.

Глазастик

В прошлом году я побывал на Волжском водохранилище в заповеднике. Один из его сотрудников, Вячеслав Васильевич, пригласил меня в гости.

Как только я вошел в его комнату, сразу почувствовал, что здесь живет натуралист. На письменном столе стояло чучело дикого селезня-гоголя. Чучело было сделано с большим мастерством. Птица казалась живой, вот-вот взмахнет крыльями и полетит.

— Это моя работа,— сказал Вячеслав Васильевич, заметив, что я внимательно рассматриваю селезня.— И это тоже,— добавил он, указывая вверх на шкаф.

Я увидел, что на шкафу рядом уселся целый выводок северных диких уток — чёрнети.

Вячеслав Васильевич снял со шкафа одно из чучел и пере-

дал мне. Уточка сидела на широкой дощечке. И все остальные чучела были сделаны в такой же позе и тоже — на дощечках.

— Мои помощники на охоте,— сказал Вячеслав Васильевич.— Приезжайте осенью, когда пролет начнется. Сядем в лодочку, выедем из заповедника на острова и рассадим на воду всю эту компанию. Осенью над рекой то и дело стаи пролетных уток летят. Заметят наших и подсядут к ним. Таким способом я каждый год отлично охочусь.

Пока я рассматривал утиные чучела, Вячеслав Васильевич сходил на кухню, принес оттуда нарубленное кусочками сырое мясо и целую пригоршню мелких перьев. Усевшись за стол, мой приятель принялся облеплять кусочки мяса перьями.

— Что это вы делаете?— спросил я.

— Готовлю обед моему Глазастик,— ответил Вячеслав Васильевич и тут же начал манить кого-то: — Цы-пси... цы-пси!..

Вдруг из соседней комнаты вылетел сыч и, сделав небольшой круг под потолком, уселся на спинку стула рядом с Вячеславом Васильевичем. Какая это была чудесная птичка: на вид вся мягкая, пушистая, будто комок серой ваты. А глазищи огромные, как два желтых цветка. Пролетел сычик по комнате совершенно бесшумно, только в воздухе почувствовалось легкое колебание от его мягких совиных крыльев.

Подлетев к хозяину, сычик уселся на стул не совсем удобно — спиной к Вячеславу Васильевичу.

Я думал, что он сейчас же переменит позу, но этого не случилось. Когда Вячеслав Васильевич вновь поманил своего питомца, тот просто-напросто повернул на сто восемьдесят градусов свою голову, будто она была у него на шарнире и могла свободно вращаться по кругу.

— Да ты сам-то повернись, лентяй этакий,— улыбнулся Вячеслав Васильевич, взял птичку в руки и усадил как следует.— Вот так, а теперь давай закусим.— И с этими словами он начал давать сычу куски мяса, обваленные в перьях. Сычик с жадностью их глотал.

— А зачем вы их перьями облепили?— снова поинтересовался я.

— Видите, в чем дело,— ответил Вячеслав Васильевич,— если бы мой Глазастик жил на воле, он сам бы ловил добычу, мышей, и ел бы их с когтями, с шерстью. Такие несъедобные вещи необходимы хищным птицам, чтобы раздражать пищеварительные органы и способствовать лучшему усвоению пищи. А потом все эти отбросы в желудке птицы слепляются в комочек — погадку, и птица их выплевывает. Мы, натуралисты, часто находим в лесу и в поле такие же погадки, затем, придя домой, размачиваем их и определяем по костям, перьям или остаткам шерсти, чем питаются различные хищные птицы. Ну, вот я и облепляю мясо перышками, чтобы мой Глазастик лучше усваивал корм, который я ему даю, и мог бы потом, как полагается, выплюнуть погадку.

Все это слышать мне было очень интересно. Я вспомнил, что в детстве поймал как-то молодого ястреба, держал его в большой клетке и кормил кусками мяса. А вот ни косточек, ни перьев ему с едой не давал. Наверное, поэтому мой питомец очень скоро зачах, стал отказываться от пищи и наконец погиб.

Когда Глазастик наелся, он бесшумно взлетел на полку с книгами и там уселся, очевидно, отдохнуть после сытного обеда.

— Говорят, что совы днем не видят, — сказал я. — Но, судя по поведению вашего сычика, это не совсем верно.

— Да, не совсем, — подтвердил Вячеслав Васильевич. — Конечно, совы видят и днем, только яркий солнечный свет им неприятен, очевидно, раздражает, слепит глаза. А здесь в комнате темновато. Глазастик себя отлично чувствует. Да, кстати, вот вам еще пример: летом на севере и днем и ночью светло, но это вовсе не мешает водиться там различным совам. Не могут же они все лето спать и ничего не есть.

— Верно, верно, — согласился я и тут же вспомнил, как один охотник рассказывал мне, что весной на разливе Камы видел двух филинов, которые днем охотились на отмелях за рыбой.

— А откуда вы достали этого сычика? — спросил я.

— Из дуплянки. Мы их для птиц по деревьям развешиваем. В наших домиках гнезятся не только скворцы да галки. — Вячеслав Васильевич указал на чучело гоголя. — Вот и эта публика тоже гнезда себе в дуплянках устраивает, и сычики иной раз там гнезятся. Стал я как-то осматривать дуплянки, а в одной из них пара сычат, уже большие, все в пуху. Забавные такие, совсем как ватные игрушки. Одного я взял домой, выкормил, выходил, вот какой молодец вырос. Он у меня уже третий год живет. Прошлым летом я ему и подружку достал, такого же сыча-самочку. Как мой Глазастик ей обрадовался, как за ней ухаживал, ласкал ее, перышки ей клювом разглаживал! А весной даже токовать начал: усядется, бывало, на шкаф, и начнет распевать, а сам перышки топорщит, бодрится, прихорашивается. Потом в уголке ей гнездо из разных лоскутов, бумажек устроил. Только зря, бедняга, старался: подружка его заболела чем-то, все время сидела скучная, почти ничего не ела и умерла. Теперь ему нужно другую доставать. Когда в дуплянках птенцы выведутся, подрастут, может быть, и найдем ему подружку.

— А он у вас никуда не вылетает из комнаты? — спросил я.

— На волю его не пускаем, — ответил Вячеслав Васильевич. — Боимся, как бы еще не залетел куда-нибудь и не пропал. А вот на чердак он летает, и даже очень охотно. Вы знаете, один раз он там мышонка поймал. Откуда уж этот мышонок взялся — кто его знает. У нас в доме мышей нет. Но если б вы только видели, как Глазастик остался доволен. Прилетел со своей добычей в комнату, носил, носил ее и на шкаф и на полку... Потом всего съел до косточки, тогда успокоился. А наутро гляжу: на полу — погадка, настоящая, из мышиной шерсти, из косточек. С тех пор Глазастик частенько на чердак заглядывает: усядется в уго-

лок, сидит тихо-тихо, будто кошка караулит мышей. Только уж больше ему никак не посчастливится: нет мышей! Хоть нарочно лови для него да на чердак выпускай.

Пока мы так разговаривали, сычик куда-то исчез. Мы этого и не заметили.

Вдруг Вячеслав Васильевич замолчал и прислушался, я тоже услышал: в соседней комнате что-то слегка шуршало.

— Ах, негодник!— махнул рукой мой приятель, быстро вставая и направляясь к двери.

Я последовал за ним.

В соседней комнате на стене было пристроено чучело белки. Зверек, как живой, сидел на сучке. А на спине у него восседал Глазастик. Острыми коготками он вцепился в шкурку белки, а клювом драл и щипал спинку зверька.

— Пошел, пошел вон!— замахал рукой Вячеслав Васильевич.— Ведь вот далась ему эта белка,— чуть заглядишься, уж он ее щиплет. Всю спину испортил.

Глазастик отлетел в угол, сел на полку с книгами и оттуда начал приглядываться к нам, забавно поворачивая свою круглую головку то в одну, то в другую сторону. Вид у него был очень недовольный: казалось, он качал головой, сетуя на Вячеслава Васильевича, что тот помешал ему заниматься таким интересным делом.

Воспоминания об отце

В 1988 году отцу было бы 85 лет. Его давно уже нет. А мне часто кажется, что вот он сейчас откроет дверь и скажет: «Гудбай, ты дома?» Почему-то, точно не помню, он называл меня «Гудбай». Он вообще всем любил давать какие-нибудь прозвища. Моего младшего брата Ваню он называл Афанасием. Почему Афанасий? А себя он именовал Шишикун, потому что «шишикал», когда хотел, чтобы помолчали, и еще он себя называл Старый Папа, хотя какой же, в сущности, он был старый? Сейчас, когда мне самому уже за пятьдесят, мне вовсе не кажется, что шестьдесят лет — это много. Я, напротив, готов поверить, что для мужчины это едва ли не лучший возраст, но тогда, что греха таить, он действительно казался мне старым.

На фотографиях последних лет он похож необыкновенно: высокого роста, полный, с каким-то удивительно приятным, располагающим к себе лицом, седой, обычно где-нибудь на речке с удочками или в лесу, иногда с собаками — улыбающийся, добродушный. Таким он бывал на природе, таким его знали друзья. Но дома он часто бывал совсем не весел. Особенно в последние годы, когда здоровье его ухудшилось и он стал все чаще и чаще думать о старости. Поэтому, когда мне говорят: «Георгий Алексеевич ведь был такой бодрый, такой жизнерадостный человек!» — я всегда думаю: «Разве?..»

Читателям он известен главным образом как прозаик, как писатель-натуралист. Однако он писал также и стихи. Стихи эти передают разные оттенки его настроений, и поэтому, рассказывая об отце, я позволю себе привести некоторые из них.

Родившись в Москве и проведя детство в провинциальном городе Чернь Тульской губернии, отец на всю жизнь остался верен пейзажам и настроениям средней полосы России. На него не производили большого впечатления яркие краски юга, он никогда не был за границей — его туда и не тянуло. Всей душой он любил русскую природу, воспетую И. И. Левитаном, А. К. Толстым и П. И. Чайковским.

Природа южных стран
богаче нашей,
Цветы нарядней там
и много краше.
Но мне всего милей
березовый лесок,
Тенистый островок среди лугов и пашен.

И мне так просто и так естественно представить его себе в этом березовом леске сидящим на траве или прислонившимся к дереву в своей старой коричневой вельветовой куртке. Он часто говорил, что не хочет жить в городе, что городская жизнь утомляет его, что, живя в деревне, он чувствует себя значительно лучше и мог бы сделать много больше.

Дома у нас всегда жили какие-нибудь животные. В первую очередь, конечно, охотничьи собаки. Отец был заядлым охотником, и собак у него перебивало очень много: и легавых, и гончих. Истории про некоторых из них повторялись и пересказывались в нашей семье. Но те собаки, которых уже я хорошо помню, большую часть времени проводили дома, где они мирно спали, гуляли и ели. Таким был Джек по прозвищу Губач, такой была немецкая легавая Купи. Купи, Купава была очень серьезная собака. Когда по вечерам отец выводил ее на улицу, то она так важно и солидно шла рядом с ним, что было непонятно, кто кого прогуливает. И наконец, последняя наша собака — спаниель Джальма, она же Лисица, Прелестница и Страдалица.

Собаки пользовались в нашем доме огромными правами. Джальма ходила за отцом по пятам, и упаси бог было чем-нибудь ее обидеть. Она тут же жаловалась хозяину — и суд его был строг.

Помнится мне один случай, связанный с Джальмой, но имеющий отношение не столько к ней, сколько к увлечению в нашей семье классической музыкой. Надо сказать, что отец как-то еще с молодых лет убедил себя в том, что серьезную музыку он не понимает. Я много раз слышал от него жалобы на отсутствие музыкальной памяти, на неспособность запомнить ни одной сложной мелодии и т. д. Все изменилось после покупки им проигрывателя и нескольких хороших пластинок. Началось с Шестой симфонии Чайковского. Прослушал ее отец один раз, покачал головой и пожал плечами — не дошло, прослушал другой раз — как-то вроде заинтересовался, а прослушав в четвертый и пятый раз, пришел в полный восторг и сказал, что никогда такого удовольствия не получал, разве что, когда в первый раз «Войну и мир» прочел. С этого и пошло. Сначала слушал он в основном русских композиторов, все больше те произведения, в которых звучит «тема природы». Потом от этой «темы природы» отошел и взялся за более сложную музыку. Не прошло и месяца, как он заявил, что самые любимые его произведения — это Десятая симфония Шостаковича и Седьмая — Прокофьева. Я тоже тогда увлекался Прокофьевым, и особенно нравилась мне виолончельная

симфония-концерт. Там в конце есть одно такое место, где как будто с жизнью прощаешься и какая-то бездна разверзается перед тобой... И летишь в эту бездну. А что там, на дне?

Мне очень хотелось, чтобы отцу тоже эта вещь понравилась. А он все как-то упирался, оттого, по-моему, что толком ни разу ее не послушал. Наконец устроили мы это прослушивание: пришел отец, сел в кресло, и Джальма зачем-то тоже пришла. Мне сразу показалось, что Джальма-то тут лишняя, но спорить я уж не стал. И вот слушаем мы концерт, и подходит то самое место, где «бездна разверзается», и я сижу, обмираю весь, и только случайно попалась мне на глаза эта Джальма, и вижу я, что что-то не то с ней происходит: головой она как-то странно вертит, шею вытягивает... Посмотрел я на отца, а он, как маленький мальчик, тут же замер, как будто очень прилежно музыку слушает. Но я-то успел заметить, что он только что перед этим Джальме «страшные глаза» делал и одной рукой дирижировал, а она вроде как бы напевала потихоньку. И это все в те самые минуты, когда казалось, что с жизнью прощаешься.

Ужасно я тогда обозлился и сказал, что в следующий раз запру отца наедине с Прокофьевым, а Джальму выгоню вон.

Давно это было, а я как сейчас помню, как отец говорил: «Ну как же можно Джальму вон выгнать, она же тоже хочет музыку слушать. Смотри, какой у нее вид музыкальный!»

Чем старше становился отец, тем больше менялось его отношение к охоте. Сохранив прежнюю любовь к обстановке охоты, он часто отказывался выстрелить в вальдшнепа на тяге или глухаря на току. Не то чтобы он становился сентиментальным, этого не было. Не мудрствуя по этому поводу, могу честно сказать, что я не знал человека, который бы так любил животных: и больших, и маленьких, и полезных, и бесполезных. И в то же время он любил охоту, любил удачный выстрел, сам был отличный стрелок... Но с годами азарт охоты начал в нем угасать. С неменьшим удовольствием он стал ходить за грибами или ездить на охоту «за компанию», иногда даже без ружья.

Готовился он к охоте и рыбной ловле с таким увлечением, что было невозможно всем этим не загореться. С Ваней, например, он всегда состязался, заключал пари: кто будет чемпионом в охоте, кто сколько поймает рыбы... Все это придавало и охоте, и рыбалке особую прелесть.

Ничего не поймав и никого не застрелив, он никогда не падал духом, никогда не считал это время проведенным зря и сам же первый над собой подшучивал. Он любил все, что было связано с природой. И даже мимо подледной рыбной ловли — этой далеко не всем понятной страсти — он не прошел.

Бывало зимой, ночью, когда на дворе такой холод, что хороший хозяин собаку на улицу не выпустит, у нас в квартире сматы-

вались мормышки, вытаскивались валенки и огромных размеров галоши, кипятился чай для термосов. Звонил телефон, и отец начинал уверять кого-то, что хотя в прошлое воскресенье на Большой Волге и был хороший клев, но ехать надо на Сенеж, что, мол, если где и будет «браться», так это только на Сенеже. «А впрочем,— заканчивал он,— я куда угодно поеду, так что решайте сами, только давайте не канителиться, а то уже скоро светать начнет!»

А уж «бралось-то» что! «Бралось-то» что! Мелочь. Вот такие рыбки — с палец величиной, и всего несколько штук. Правда, «в прошлое воскресенье, на этом самом месте Алеша сам видел, один рыбак таскал огромных окуней». Но я что-то не помню, чтобы наши рыбаки когда-нибудь попадали в это «прошлое воскресенье».

Зато приезжал отец с зимней рыбалки раскрасневшийся, еле живой от усталости и очень довольный. Я как-то у него спросил: «Что же в этом хорошего? Ну, я понимаю, летом: закат, тишина, запахи... Но зимой, когда холод, ветер, зимой-то что хорошего?» — «Как ты не понимаешь! — сказал он мне.— Зимой это же совсем другое дело. Рыба же подходит совсем близко к поверхности воды. Ты же видишь, как она хватает мормышку. А как спишь потом хорошо...» Вот и все объяснение.

Рыбы тоже жили у нас в доме. Не в аквариуме, не живородящие, не с красными хвостами — этого никогда не было,— а просто в ведре; жили ерши, караси. Плавали важно, иногда поднимались на поверхность и открывали рты, требуя еду. Если отец куда-нибудь уезжал, он оставлял подробные инструкции: когда и чем этих рыб кормить. Куда они потом девались, я даже толком не знаю: наверное, их выпускали назад, в прорубь.

Отец был прекрасный рассказчик. Как жалко, что я не записал на магнитофон многие из его рассказов. Например, «знаменитые» истории про друга его юности дядю Чуфу. «Чуфой» его называли потому, что тетерева и глухари на току «чуфыкают». На самом-то деле его тоже Георгием Алексеевичем звали. Так вот, этот дядя Чуфа был удивительно рассеян. Он все забывал, все путал: «...Скребицкий, Скребицкий, постой-ка, я забыл, как твоя фамилия?» — «Вот так, как ты говоришь, так и есть». — «Да нет, Скребицкий, не валяй дурака, я тут список составляю, я тебя серьезно спрашиваю, как твоя фамилия?» Как отец это великолепно рассказывал! Очень он был милый, добродушный человек, этот дядя Чуфа. Я его почти не помню, я тогда совсем ребенком был, но по рассказам отца он передо мной как живой. Он потом на войне погиб.

Двух других постоянных персонажей отцовских историй — Георгия Петровича и Егора Палыча — я хорошо знал. Оба они были в течение многих лет частыми спутниками отца в его охотничьих

скитаниях. Георгий Петрович был очень похож на писателя Пришвина: такая же благородная внешность, большой лоб, борода клинышком — настоящий московский профессор. Он и на самом деле был известный профессор биохимии. Егор Палыч был на вид, как говорится, совсем наоборот — ни представительности, ни внушительности в нем никакой не было. Был он совсем простой человек, из крестьян, не шибко образованный, но исключительных душевных качеств. Несмотря на трудную жизнь, на то, что большинство его детей погибло на войне, он обладал большим запасом жизнерадостности и оптимизма. Георгий Петрович был лет на десять старше отца, а Егор Палыч лет на десять старше Георгия Петровича. И тем не менее, когда им случалось куда-нибудь идти, он в два счета загонял и того и другого.

Считался он в их компании за главного. Только и слышалось: «Палыч приказал, Палыч велел». А на самом деле Палыч был мягкий, деликатнейший человек, которому ни велеть, ни приказывать было совсем не свойственно. Но такая уж у них была игра: «Сам Палыч сказал!»

Поехали они однажды куда-то втроем на пароходе. И выйти им нужно было на пристани, на которой одни пароходы останавливались, а другие нет. По дороге выяснилось, что тот пароход, на котором они едут, как раз и не останавливается. Решили идти просить капитана. Первым отправился Георгий Петрович. Пошел, представился: дескать, профессор такой-то, лауреат, еду отдыхать с друзьями, нельзя ли в порядке исключения остановить пароход... Видимо, разговор у них получился очень корректный, очень вежливый, но только совершенно безрезультатный: капитан сказал, что график менять не имеет права и, к сожалению, ничего для него сделать не сможет.

Вторым пошел отец. Разговор свой с капитаном он описывал так. Тоже пришел, представился: писатель такой-то, с такой-то просьбой. Капитан ему говорит: «Знаю, знаю. Вот уж и профессор Меньшиков приходил... Рад бы я вам помочь, да сделать ничего не могу. Не положено это». Тогда отец ему говорит: «Да дело тут не во мне и не в профессоре Меньшикове, а может быть, вы не знаете, ведь с нами сам Палыч едет. Мы только так, вроде как его сопровождающие». Тут капитан сразу в лице переменялся. Заволновался, соображать что-то стал. Хотел в первый момент, видимо, спросить: да кто же это такой? Да потом, наверное, решил, что уж раз «сам», так неудобно не знать-то.

«Ну что ж,— говорит,— ведь я и в самом деле ничего не знал. Раз так, конечно, сейчас остановимся. Пожалуйста, идите подготавливайтесь».

Они уже спустились на причал (с ними еще несколько человек сошло), а капитан все стоял на своем мостике, все приглядывался: кто же из них этот «сам Палыч», из-за которого ему пришлось пароход остановить.

Не знаю, все ли тут было так, как отец рассказывал, или он присочинил что-нибудь, но только все всегда любили эту историю слушать, и он с удовольствием ее по многу раз повторял. «Что вы! Палыча все боятся. Если Палыч скажет...»

Когда отец выступал перед детьми, они слушали его как зачарованные. Потом сами делились с ним своими первыми наблюдениями за жизнью природы. Дома у нас хранится целая коллекция трогательных детских писем. Вот, например, письмо одного мальчика из Белоруссии.

Дорогой Георгий Алексеевич!

Я очень люблю диких животных и птиц. Летом я целыми днями просиживаю в лесу за наблюдением птиц. Я очень люблю читать книги о диких животных.

Самыми лучшими мне книгами о диких животных и птицах являются Ваши, а Вы являетесь моим любимым писателем...

Писали, конечно, не только дети, но и взрослые. Были среди них родители, рассказывающие о том впечатлении, какое производили книги отца на их малышей, были начинающие писатели, искавшие поддержки и совета, были просто любители природы. Получая эти письма, отец часто говорил, что ему очень повезло в жизни: он имел возможность рассказывать о том, что самому было так близко и дорого, — о русской природе, рассказывать самому благодарному на свете слушателю — детям.

Кто-то сказал: «Воспоминания прошлого — родина души». Иногда и связности в них никакой нет. Какая-то незамысловатая картина: пруд, изгородь, хвост уходящего поезда... Откуда это? Сколько тебе тогда было: два года, шесть лет?.. Идешь по лесной тропинке, на душе легко и таинственно, а перед тобой жизнь как сказка, в которую сейчас вступишь.

Все это было давно. Прошло и не имеет теперь никакого значения. Почему же, чем старше человек, тем чаще бывает, что стоит лишь ему освободиться от суеты, как все это вновь наплывает и пленит его.

И нет минут лучше, нет плена слаще...

Весенний вечер, тихий, теплый
Опять в лесу встречаю я.
Зимы последние отрепья
Лежат в овражке у ручья.

Вот белоствольные березки
С лиловой дымкою вершин
Мелькают в светлом перелеске
Меж тощих сереньких осин.

Поют дрозды, гуляет ветер...
 Мне дорог с детства шум лесной,
 Здесь на поляне в этот вечер
 Былое встретилось со мной.

Как будто я тайком на тягу,
 Урок не выучив, удрал.
 Не дочитал про жизнь варягов,
 Французских слов учить не стал.

Как будто старое ружьишко
 Я у отца опять стащил...
 Я снова озорной мальчишка,
 Я снова тот,
 которым был.

Отцу очень хорошо писалось в Малеевке весной 1962 года. Там за очень короткий срок была написана первая часть его автобиографической повести: «От первый проталин до первой грозы», которую он обдумывал и вынашивал в течение многих лет.

Он вернулся в Малеевку осенью того же года, и это время было отмечено целым циклом «осенних стихов».

Опять пойду бродить
 Среди берёз и сосен,
 Как некогда бродил
 Тропою тишины.

Люблю твой грустный вид,
 Малеевская осень,
 Как, встретив, полюбил
 Тепло твоей весны...

17 июня 1964 года он приехал на Выставку достижений народного хозяйства посмотреть, как в пруду ловят рыбу. Там он почувствовал сильную боль в сердце, а через день с диагнозом «инфаркт» его отвезли в Боткинскую больницу. В больнице он заканчивал вторую часть своей автобиографической повести: «У птенцов подрастают крылья». На выздоровление он мало надеялся. Он говорил мне, что устал от жизни, что его больше ничего не интересует. Как-то он сказал, что перечитывал недавно одну из своих любимых книг — «Семейную хронику» Аксакова. Всегда он считал, что это удивительно жизнеутверждающая книга, а тут понял, что это пишет смертельно уставший от жизни человек. Наверное, в этих настроениях сказывалась болезнь, и если бы отец поправился, у него появился бы вкус к жизни... но он не поправился.

Однажды — это было солнечное июльское утро — он почувствовал, что сердце останавливается, и решил, что умирает. Было еще очень рано — в палате все спали. Около него дежурила тогда молоденькая медицинская сестра. Она перепугалась. А он успокаивал ее, говорил, что ничего страшного тут нет, что

ему совершенно не больно, чтобы она лучше посмотрела, какое прекрасное утро... А месяц спустя, 18 августа, когда отцу было уже лучше, внезапно, мгновенно его не стало.

В записных книжках отца много разных стихотворений: и веселых, и грустных, и жизнеутверждающих, и очень мрачных. И я хотел бы закончить этот короткий рассказ о моем отце стихотворением, которое стоит последним в его записных книжках, стихотворением, обращенным к юности:

Ты молод,
в теле бродит сила.
Все двери
жизнь тебе открыла.
Иди же, друг,
в любую дверь,
Удачлив будь
и в счастье верь.

В. Скребицкий

Содержание

Коротко о самом себе	3	Чудо техники	124
Лесное эхо	7	За селезнями	127
День рождения	10	Будь здоров!	129
Сиротка	16	Смышленные птицы	134
Пушок	18	Длинноногие рыболовы	138
Джек	19	Курочка-камышница	139
Кот Иваныч	25	На разливе	141
Воришка	29	Неожиданное знакомство	146
Дружба	31	Медвежонок	149
Чир Чирыч	33	Куйка	151
Белая шубка	37	Лесной разбойник	156
Аистята	38	Следопыты	164
Барсучонок	41	Лесные переселенцы	167
Заботливая мамаша	51	Он поднялся со дна моря	171
Догадливая пичужка	52	Домик в лесу	174
Ушан	54	Старый блиндаж	180
Носатик	56	Мать	182
Мать и кормилица	60	Добро пожаловать!	184
Неожиданный помощник	63	В зеленой корзиночке	188
Зеленый шум	69	Длиннохвостые разбойники	190
Тропинки дружбы	71	Маленький лесовод	192
Чупик	76	В зимнюю стужу	193
Пороша	78	На пороге весны	195
Голубой дворец	82	Зайчишке повезло	197
Удачная охота	86	Наседка	198
Лесная ловушка	92	Смышленный зверек	201
За медведем	97	Пропаший медведь	203
Джек и Фрина	103	Лебеди	204
Товарищи по охоте	107	Срочный пакет	208
За лисой	114	Глазастик	212
Речной волк	118	Воспоминания об отце	216
Тетеревиная косточка	121		

Литературно-художественное издание

Скребицкий Георгий Алексеевич

ЛЕСНЫЕ ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ: Рассказы о животных

Зав. редакцией *Н. М. Глазкова*. Редактор *Э. И. Кранс*. Оформление художника *Н. А. Ящука*. Художественный редактор *В. К. Бисенгалиев*. Технический редактор *Н. И. Смирнова*. Корректоры *А. Л. Айдарбекова, Л. С. Ключкова*

ИБ № 3369

Сдано в набор 29.03.89. Подписано в печать 13.11.89. Формат 60 x 90 1/16. Бумага офс. № 1. Гарнитура литературная. Офсетная печать. Усл. печ. л. 14,0.

Уч.-изд. л. 15,17. Тираж 200000 экз. (2-й завод — 60001 — 120000 экз.). Заказ 808.

Изд. № 579. Цена 1 р. 10 к.

Ордена «Знак Почета» издательство Московского университета.

103009, Москва, ул. Герцена, 5/7.

Отпечатано с диапозитивов 12 ЦТ МО
в Московской типографии № 6
Союзполиграфпрома, 109088,
Москва, Южнопортовая ул., 24.

1 р. 10 к.

